

В. И. Немировичъ-Данченко.

На войну.

Отъ Петербурга
до Портъ-Артура.

Изъ писемъ съ дороги.

Издание Т-ва И. Д. Сытина.

В. И. Немировичъ-Данченко.

НА ВОЙНУ.

(Отъ Петербурга
до Портъ-Артура).

ИЗЪ ПИСЕМЪ СЪ ДОРОГИ.

Тип. Т-ва И. Д. Сытина,

Пятницкая ул., соб. домъ.

Москва.—1904.

I.

Какая это была ночь! Нѣжная, мечтательная. Вся повитая серебристою дымкой, задумалась она надъ счастливымъ краемъ, уже позабывшимъ далекія кровавыя были. Мы выѣхали изъ Габрова вечеромъ. Долго въ мистическомъ молчаніи мы слышали его красивую Янтру. Она будто спѣшила догнать насъ, чтобы рассказать милую старую сказку. Но не до нея намъ было. Мы торопились на свиданіе съ тѣми, кого уже нѣтъ въ живыхъ, кто четверть вѣка назадъ, мученически выручая чужія ошибки, безропотно легъ въ святые братскія могилы. Скоро и Янтра замолкла. Луна свѣтила ярко, шоссе на Шипкинскія высоты развернулось широкою бѣлою лентой, перекинулось черезъ первую высоту и утонуло въ „Райской долинѣ“. Какъ все, что здѣсь случилось, свѣжо, ясно, выпукло въ памяти. Точно вчера было, и мимо насъ на строгія Балканскія вершины только что прошли доблестные орловцы, брянцы, восторженно пронеслись умирать за свободу своей страдальческой родины болгарскія дружины... Какъ по всему этому простору гремѣли залпы!.. На каждомъ шагу, питая жадную, засохшую подъ горячимъ солнцемъ землю, лилась кровь... Со всѣхъ этихъ горъ, что въ сторонѣ тонуть въ волшебномъ голубомъ свѣтѣ, изъ незамѣтныхъ редутовъ и батарей громыхали дальнобойныя орудія и съ

зловѣщимъ визгомъ, стальными бичами разсѣвая воздухъ, неслись сюда гранаты и шрапнели... Вонъ остатки рововъ, гдѣ наши въ страшные августовскіе дни, одинъ противъ двадцати, невидные армейскіе солдаты (имена же ихъ Ты, Господи, вѣси!) защищали отъ лучшихъ боевыхъ таборовъ Турціи подступы къ мирной и притаившейся придунайской Болгаріи. Какимъ страшнымъ вымысломъ кажется эта—теперь такая далекая война. Тогда въ ея угарѣ, шумѣ и блескѣ многое ступшевывалось, не замѣчалось, и только когда самая буря утихла и ея молніями разрѣшавшіяся громовыя тучи ушли, какъ намъ казалось, навсегда,—изъподъ безмолвныхъ кургановъ зазвучало вѣчнымъ укоромъ: „за что, за что!“ Боевыя легенды полиняли, театральныя декорации обветшали, и дѣйствительность, полная ужаса, встала передъ нами во всей своей наготѣ.

II.

Какое это было время!

Съ какимъ легкимъ сердцемъ мы начинали эту войну—за счастье родственныхъ племенъ, за ихъ свободу! Даль казалась залитою радостнымъ свѣтомъ, подвигъ являлся легкимъ и желаннымъ. Тѣ, которые говорятъ, что общество и народъ оставались тогда равнодушны, должно-быть, очень коротки памятью. Даже неприглядная правда добровольческой эпопеи въ Сербіи никого не отрезвила и не заставила задуматься и оглянуться: готовы ли мы, знаемъ ли своего противника. Одни, по старой памяти, мечтали о крестѣ надъ св. Софіей или, по меньшей мѣрѣ, объ Олеговомъ щитѣ на вратахъ Византіи; другіе видѣли въ грозной войнѣ естественное продолженіе великодушныхъ реформъ, прямое наслѣдіе шестидесятихъ годовъ. Кончимъ, вернемся,—и какъ хорошо будетъ дома, какое солнце добра, любви и правды встанетъ надъ всею русскою землею. Мы были благородны и щедры, хотя и... за чужой счетъ. Насъ корили бѣдностью, собственными нашими голодов-

ками, неустройствомъ, незаконченностью,—мы на все отвѣчали: вѣдетъ за собою мѣръ тотъ, кто несетъ крестъ; давъ другому великія блага, мы и сами не можемъ остаться въ томъ положеніи, въ какомъ насъ застала война. Это законъ справедливости! Точно исторія—зловѣщая, мрачная и слѣпая раба силы—знаетъ такіе законы!.. Благородный испанскій гидальго, выѣзжавшій на своемъ тощемъ Россинантѣ совершать великіе подвиги въ защиту слабыхъ и сирыхъ, едва ли былъ такъ свято и восторженно настроенъ... Когда я оглядываюсь за двадцать семь лѣтъ назадъ,—какою теплою, яркою весною вѣетъ оттуда; радостью, великодушіемъ, вѣрою въ себя и свои силы и главное—молодостью, молодостью, молодостью!.. Ей все простиительно, она все любитъ, потому что ея будущее утопаетъ въ розовыхъ горизонтахъ, въ поэтическихъ миражахъ. Она идетъ, не справляясь и не спрашиваясь, и потому часто творитъ великое. Древніе побѣду изображали молодою, и они тысячу разъ правы. Мрачный геній Беклина придалъ ей рыжую бороду, зловѣщія насупленные брови и горящія зрѣлою и подлою жадностью глаза.. Можетъ-быть, онъ и правъ. Это была побѣда его народа, но не наша молодая, счастливая, великодушная.

III.

Сѣрая, будничная дѣйствительность выступила потомъ. Мы многое испортили, большую часть не окончили и относительно самихъ себя оказались великими фантазерами... Крестonosецъ, вернувшійся домой, занялъ то же самое мѣсто въ дымной лачугѣ подъ стѣнами гордаго и грознаго феодальнаго замка. Къ громадному народному дѣлу, какъ это бываетъ всегда, вмѣстѣ съ лучшими людьми страны, ея цвѣтомъ и гордостью, присоединилась всякая накипь, сумѣвшая очень быстро испортить все, во что мы такъ свято и восторженно вѣрили... „Исторія“ (ще

разъ доказала, что законы справедливости не про нее писаны, но въ прошлое лѣто, когда мы, по пути въ Адриано-поль, поднимались на Шипку, синяя ли ночь, сглаживающая всѣ недочеты дня, опять обманула насъ,—только мы вновь чувствовали себя и молодыми и сильными. Позади и впереди была страна, вся созданная нами. Цѣною нашей крови мы, обобравъ себя дотла, обманувшись въ мечтѣ и порывѣ, дали ей и независимость и свободу, и—въ видѣ оставленныхъ тамъ милліоновъ—хорошее приданое этой пышно снаряженной нами балканской певѣстѣ... Когда мы взѣхали на вершину св. Николая, и подъ нами въ вѣнчальной фатѣ луннаго мерцанія, въ ароматѣ своихъ цвѣтовъ, объята сильными и несокрушимыми руками Малыхъ и Большихъ Балканъ, показалась знаменитая долина Розъ, мой спутникъ, дравшійся и раненый здѣсь когда-то, заплакалъ.

— Знаете,—обратился онъ ко мнѣ,—можетъ-быть, мы и ошибались, можетъ-быть, все это другіе сдѣлали бы и умнѣе, и рѣшительнѣе, и... дешевле, но я не знаю, чѣмъ намъ дороже наша молодость—ея ошибками или ея страннымъ благоразуміемъ... Мы все-таки шли сюда умирать за чужую свободу, за чужое счастье, и если обманулись въ ожидавшейся расплатѣ, то только потому, что были всѣ хорошими юношами и очень плохими бухгалтерами...

IV.

Какъ въ эту тихую, милую ночь казалась далека новая война, какимъ безобразнымъ вымысломъ явилась бы она намъ,—угадай мы ее въ дымкѣ близкаго, такого страшно-близкаго будущаго! Я помню, какъ съ „трезвымъ“ убѣжденіемъ, что намъ удастся избѣжать новыхъ испытаній, мы перебрасывались подъ мелкій топотъ нашихъ коней и шорохъ камня, падавшаго изъ-подъ ихъ копытъ, шутками въ родѣ того, что мы де теперь старые воробыи и на мякинѣ насъ не проведешь, но—уввы! —воробыи, дѣйстви-

тельно, постарѣли, хотя мякина не потеряла для нихъ своей привлекательности! Выросла красивая, не лишенная мистической прелести легенда о желтой опасности и завоеваніи міра пробужденнымъ Китаемъ, предводимымъ Японіей, какъ киргизъ водить верблюда, обрывая въ кровь желѣзнымъ кольцомъ его поздри. Опасность мерещилась такую далекою, что отъ нея отчураться всегда де будетъ время. Что въ этомъ отношеніи знаетъ русскій человѣкъ, часто изъ иностранныхъ источниковъ черпающій вѣсти о самыхъ близкихъ и дорогихъ ему предметахъ?. Опека смѣшна и бессильна только въ „Севильскомъ цырюльникѣ“, въ дѣйствительности доны Бартоло играютъ гораздо болѣе видныя и крупныя роли, и бѣдная Розина обыкновенно платится за не ея разбитыя тарелки. Мы со своимъ спутникомъ ушли съ головой въ воспоминанія. Изъ далекихъ и безчисленныхъ могилъ, къ которымъ и тропинокъ некому протоптать, вставали дорогіе и милые люди. Не всѣ же Скобелевы и Радецкіе. Народъ помнить только вождей. Остальное для него фонъ или суздальская живопись, гдѣ подъ брюхомъ фельдмаршальскаго коня проходятъ всѣ на одно лицо мелкіе солдатики, не безпокая громаднаго буцефала даже остреемъ своихъ штыковъ.

— А все-таки, какое счастье сознавать,—говорилъ я,— что хоть на нашей памяти не повторится этого великаго горя. Мы не увидимъ этого стихійнаго торжества смерти. Люди съ каждымъ годомъ все дальше и дальше становятся отъ боевой легенды. Нашему времени важны только культурныя завоеванія и трудъ... Въ народное сознаніе все глубже и глубже проникаетъ программа гаагской конференціи.

Какое счастье!..

И дѣйствительно, счастье было кругомъ...

Еще не разсвѣло, а уже подъ нами заколыхались пышныя раины казанлыкскихъ рощъ, розы посылали намъ благоуханное „здравствуй“. Ручьи въ перегонку заигрывали съ нами, и на поблѣднѣвшемъ небѣ, гдѣ погасли яркія южныя звѣзды, огнистыми кострами загорались вершины суровыхъ горъ...

V.

Какъ несхоже то, что мы переживали тогда, съ сегодняшними настроеніями... Теперь, разумѣется, не время сводить счеты. Нельзя перекоряться, когда у самихъ крыша горитъ, но въ общественномъ сознаніи нашемъ, во всемъ, что мы видимъ и наблюдаемъ кругомъ, столько серьезнаго, — я бы сказалъ даже суроваго, мрачнаго! Ни увлеченія ни восторженнаго пыла 1876—78 гг. Чувство тяжелаго долга и ежеминутное ожиданіе чего-то, что неизбѣжно должно слѣдовать за его исполненіемъ. Мы во многомъ выросли, постарѣли, разочаровались. Читая писателей пятидесятихъ и сороковыхъ годовъ, мы много схожаго находимъ у нихъ. Русскіе образованные люди передъ Крымскою кампаніей думали, предвидѣли, гадали точно такъ же, ихъ только было мало, гораздо меньше, чѣмъ теперь, и потому ихъ „настроенія“ хотя и были замѣтны, но не стихійны, не широки. Теперь они, — какъ сибирскія горы: велики въ горизонтальномъ разрѣзѣ и малы — въ вертикальномъ. Что-то расплывающееся, но громадное, захватывающее большую площадь. Въ сороковыхъ и пятидесятихъ годахъ намъ сіяли, отражая яркое солнце будущаго, отдѣльныя вершины. Въ душномъ мракѣ онѣ первыя видѣли зарождающійся день и привѣтствовали его въ своемъ величавомъ одиночествѣ. Внизу еще царила ночь, и пѣтухъ 19-го февраля спокойно спалъ, никого не пробуждая.

VI.

Прошлая война во многихъ отношеніяхъ была гораздо легче, чѣмъ эта. Прежде всего, мы изъ Москвы до Журжева, гдѣ стояли наши передовые отряды наканунѣ перехода черезъ Дунай, ѣхали три-четыре дня. Теперь до Иркутска я добрался на десятый, и столько же ожидаетъ меня, пожалуй, до Мукдена, Ляояна, Портъ-Артура. Ваши

близкіе, дорогіе люди могутъ переболѣть, умереть, ихъ схоронять ранѣе, чѣмъ телеграмма объ этомъ дойдетъ, наконецъ, до васъ. Усталымъ и измученнымъ людямъ въ Болгаріи было достаточно сутокъ, чтобы очутиться въ Букарештѣ, отдохнуть тамъ, оправиться,—теперь съ театра военныхъ дѣйствій хоть три года скачи—никуда не до-скачешь. Болгарія стояла передъ нами, какъ полная чаша. Тамъ были большіе и малые города съ теплыми домами, запасы, и, припоминая теперь злоключенія того времени,—видишь, какъ все это было дешево, доступно, удобно. Нынѣ—обрадуешься манджурской фанзѣ, передъ которою какой-нибудь кыштъ въ Горномъ Студнѣ или Брестовцѣ былъ дворцомъ. Многіе, чтобы подъ проливнями или въ холодѣ не остались подъ открытомъ небомъ, везутъ изъ Россіи съ собою палатки. Насъ всю дорогу пугаютъ, что въ Манджуріи мы не доставимъ лошадей, тамъ нѣтъ никакихъ запасовъ, и совѣтуютъ брать цѣлые грузы консервовъ съ собою въ послѣднемъ пунктѣ, гдѣ это можно,—въ Иркутскѣ. „Помните, вы будете оторваны отъ всего и надолго, очень надолго“. Насколько въ 1877 году мы были убѣждены, что намъ стоитъ перейти Дунай, увидѣть и побѣдить, настолько теперь выросшее общественное сознание предвидитъ войну затяжную, долгую, трудную. Мы уже не живемъ иллюзіями, и съ каждымъ днемъ все меньше и меньше дѣлается тѣхъ, кто еще недавно рисовалъ намъ врага дикимъ и глупымъ, слабымъ и заносчивымъ. Когда я сидѣлъ еще на корпусной скамейкѣ, нашъ учитель тактики говорилъ намъ: тотъ, кто желаетъ побѣдить, долженъ представлять себѣ непріятеля болѣе умнымъ, сильнымъ и подготовленнымъ, чѣмъ онъ самъ. Только такимъ образомъ можно спасти себя отъ разочарованій и неожиданныхъ ударовъ. Исторія глупыхъ евангельскихъ дѣвъ повторяется чаще, чѣмъ мы думаемъ, и онѣ есть вездѣ, къ сожалѣнію.

VII.

Я помню, прошлою зимою, когда войны, какъ страшной дѣйствительности, еще не предвидѣли, мы собрались въ одномъ миломъ обществѣ въ Петербургѣ. Только что возвратившійся съ Дальняго Востока офицеръ генеральнаго штаба передавалъ свои наблюденія надъ Японіей, японской арміей, японскими боевыми средствами и японскимъ военнымъ умомъ. Потомъ въ одной изъ газетъ мы читали то же самое и переданное въ тѣхъ же выраженіяхъ. Очевидно, не удовлетворяясь маленькой аудиторіей, авторъ хотѣлъ подѣлиться своими радужными свѣдѣніями со всей читающей Россіей. Въ прошлую войну мы думали, что намъ довольно одного корпуса, чтобы дойти до Константинополя

взять его. Въ эту—общество стало куда зрѣлѣе, освѣдомленнѣе, серьезнѣе. Никто не повѣрилъ, что японцы—врагъ ничего не стоящій, что страна Восходящаго Солнца—накапунѣ гибели и что черезъ два мѣсяца по приходѣ первыхъ нашихъ эшелоновъ въ Манджурію мы растреплемъ японскую армію, какъ старую мочалу. Мы оказались куда недовѣрчивѣе, и дѣтскими сказками насъ уже не увлекали. Врагъ сильный и серьезный, съ операціонною базой за спиною, война трудная, требующая большихъ средствъ и напряженія, и даже въ вагонѣ, гдѣ мы, ѣхавшіе на Дальній Востокъ, собирались вмѣстѣ по пути, розказни о слабости Японіи не имѣли ни малѣйшаго успѣха. Не было боязни, не было недостатка вѣры въ окончательную побѣду, но не сказывалось и легкомыслія. Старое „шапками закидаемъ“, должно-быть, навсегда отошло въ область наивныхъ преданій. Во-первыхъ, передъ современнымъ огнемъ шапка вовсе не оружіе, а во-вторыхъ, не такъ уже у насъ много этихъ шапокъ, чтобы ихъ хватило надолго. Квасные шовинисты добраго стараго времени теперь не у дѣлъ. Они и сами не чувствуютъ почвы подъ ногами. Въ этомъ отношеніи за насъ шапками закидываютъ—благо, это издали дешево и безопасно—наши друзья французы. Генераль

Куропаткинъ, уѣзжая на Дальній Востокъ, при всякомъ удобномъ случаѣ совѣтовалъ представлявшимся ему городскимъ обществамъ, депутатамъ и земствамъ терпѣніе, терпѣніе и терпѣніе. Нѣсколько разъ онъ подчеркивалъ, что война, ожидающая насъ, трудна, и съ легкимъ сердцемъ приниматься за нее нельзя, и вдругъ какой-то болтунъ-интервьюэръ печатаетъ въ „Matin“, что, по словамъ командующаго манджурской арміей, мы черезъ два мѣсяца будемъ въ Токио. Это перепечатали и у насъ... Вашими бы устами да медъ пить...

VIII.

Нѣтъ, японцы далеко не дикари и не трусы. Ихъ быстрый прогрессъ объясняется тѣмъ, что онъ выросъ на почвѣ старой, тысячелѣтней цивилизаціи, грамотности, науки, хотя и своеобразной, но все-таки науки, требовавшей извѣстнаго напряженія ума, привычки къ работѣ. Во всю свою долгую исторію они никогда не показывали себя малодушными трусами. Народъ воинственный, готовый на всевозможныя жертвы. Великій Наполеонъ говорилъ, что онъ „любитъ достойнаго врага“,—навѣрное, онъ полюбилъ бы японцевъ, даже съ ихъ странною этикой, позволяющей имъ часто любить то, отъ чего европейцы съ отвращеніемъ бы отшатнулись. У японцевъ даже шпіоны храбры и спокойно идутъ на смерть, а вѣдь ужъ, кажется, занятіе, не особенно располагающее къ мужеству. Въ нашемъ поѣздѣ былъ офицеръ, долго прослужившій въ Манджуріи. Онъ говоритъ, что каждый японецъ—прирожденный солдатъ, борецъ, стрѣлокъ и... сыщикъ! У него былъ кучеръ изъ японцевъ, съ которымъ сей самый наивный сынъ Дона не особенно церемонился. „Случалось, и нагайкой отжаришь, а онъ все улыбается!“— „Зачѣмъ же вы это дѣлали?“— „Ужъ такая казацкая привычка. Мы вѣдь и съ женами не церемонимся... Ну, такъ вотъ, за два мѣсяца до войны, мой кучеръ объявилъ мнѣ, что онъ долженъ уѣхать домой, его де зовутъ родные, и

въ ту же ночь онъ исчезъ, не взявъ даже слѣдующихъ ему денегъ. Думаю, что за безкорыстіе? Знаете, отъ Ляояна до Тіенцзина недалеко. Я какъ-то собрался туда отвести душу, и что же?—Въ буфетѣ лучшаго изъ тамошнихъ отелей „Astor Hous“ вижу моего кучера, — одѣтъ франтомъ, обѣдаетъ съ какими-то американскими дамами и дуетъ шампанское. Что за чортъ! Тру себѣ глаза. Не ошибаюсь ли? Нѣтъ! Онъ и есть... И мой Саки тоже смотритъ на меня и смѣется. И по-русски мнѣ: „Войсковой старшина, не хотите ли бокалъ“... Думаю, что я, дѣйствительно, былъ не очень остроумень въ эту минуту. А онъ мнѣ: „Чтобы де прекратить всякія недоразумѣнія, позвольте рекомендоваться: капитанъ генеральнаго штаба такой-то“. Этакъ, пожалуй, и наши прачки, тоже японцы, окажутся впоследствии brave офицерами арміи Восходящаго Солнца. Я не выдержалъ,—продолжалъ офицеръ,—и спрашиваю его:—„Ну... а насчетъ того, что я не особенно церемонился съ вами.. Знаете...“ Онъ смѣется: „Это ничего. Ради своего отечества я и не то способенъ вынести“. Тутъ каждый ударъ за слуга. Вѣдь у нихъ какъ—на карточкахъ визитныхъ пишутъ: Хада-Сама и ниже крупно: „Императорскій шпіонъ“ Кажется, хвастаться нечего, а по-ихнему выходитъ—ничего, даже довольно благозвучно“.

IX.

Вообще, во всю дорогу слухи о японскихъ шпіонахъ не прекращались. Насколько въ нихъ правды—судить трудно, хотя это очень характерно. Даже одна челябинская купчиха, точно только что вывалившаяся изъ репертуара Островскаго, увѣряла, что при ней тоже состояли японскіе шпіоны. На базарѣ въ Челябинскѣ захватили забулдыгу въ тужуркѣ съ необыкновенно благородными висячими усами, что не мѣшало ему у купца-татарина украсть шлею. Хотѣли было распорядиться съ нимъ „по-душѣ“, т.-е., вѣроятно, выбить эту самую душу, а онъ вдругъ принялъ академическую

позу и на весь рынокъ: „Вы это, подлецы, что? Да знаете ли кто я? Я—японскій шпионъ“... Такъ не битымъ и попалъ въ полицію.

Столько говорятъ о японскихъ шпионахъ, настроеніе мѣстныхъ политиковъ такъ въ этомъ отношеніи приподнято и возбуждено, что на массу произвело все это такое впечатлѣніе, будто при каждомъ желѣзнодорожномъ мостѣ вмѣстѣ со сторожемъ и мастеромъ состоитъ, ну, хоть парочка, что ли, японскихъ шпионовъ. Одна воронежская дама клятвенно увѣряла, что у нихъ поймали нѣсколько японскихъ офицеровъ генеральнаго штаба, переодѣтыхъ женщинами. Нѣкоторую достовѣрность приобрѣтаютъ эти слухи съ сызранскаго моста, на которомъ кого-то, дѣйствительно, изловили. На томскомъ какой-то японецъ, пріѣхавшій туда на извозчикѣ, началъ снимать чертежи, дѣлать замѣтки, вымѣривать чѣмъ-то. Извозчикъ смѣтилъ, что дѣло неладно, посадилъ его въ сани, обнялъ какъ лучшаго своего друга, и доставилъ по принадлежности. Говорятъ, и до сихъ поръ этотъ неудачный развѣдчикъ арестованъ. Желѣзная дорога охраняется отлично. Подъ мостами и вдоль рельсовъ всюду часовые, что не помѣшало тоже японцу поселиться въ одномъ сторожевомъ домикѣ по пути. Онъ отмѣчалъ идущіе воинскіе поѣзда, снималъ съ нихъ фотографіи, изучалъ самую дорогу. Когда сторожъ, явившійся за полученіемъ жалованья, рассказалъ объ этомъ, бросились по его указанію захватить не въ мѣру любознательнаго островитянина, то о немъ не осталось даже и воспоминапія. Сибирь до того богата монгольскими инородческими типами, что возбужденному воображенію здѣсь всюду чудятся „императорскіе шпионы“. На одномъ изъ поѣздовъ арестовали было такого, но онъ оказался мирнымъ купцомъ-бурятомъ; на другомъ—въ японцы попалъ киргизъ. Для него все-таки повышеніе. Не дай Богъ имѣть теперь плоское лицо, выдавшіяся скулы и волосы щетиной! Исключительное положеніе, разумѣется, оправдываетъ многое, и когда въ вагонѣ почтоваго поѣзда около Златоуста одинъ проникновенный патріотъ заподозрѣлъ моего родствен-

ника:—а не изъ Токио ли онъ?—тотъ первый хохоталъ надъ этимъ и доставилъ себѣ только невинное удовольствіе,—разспросить новоявленнаго спасителя отечества, гдѣ это „Токио“? Только уже мы должны быть спокойны: по всему громадному пространству своему великій сибирскій путь охраняется такъ, что нашимъ врагамъ нѣтъ сюда никакого доступа. Когда я ѣхалъ, ночи стояли ясныя, лунныя. Подъ сваями, въ переплетахъ мостовъ—вездѣ видны были стоящіе на берегахъ пересѣкаемыхъ нами рѣкъ солдаты сибирскихъ батальоновъ, въ косматыхъ папахъ, зорко стерегущіе отведенныя имъ части. Заботливость военного начальства въ этомъ отношеніи такова, что оно не поручаетъ исполненія подобныхъ обязанностей ополченцамъ или безсрочно-отпускнымъ. „Какъ бы, лодыри, не проглядѣли“. Въ яркіе солнечные сибирскіе дни мы издали видѣли грозныя фигуры часовыхъ, кидавшія длинныя тѣни по всему этому суровому безлюдью. Часовыхъ то и дѣло повѣряютъ офицеры, и мы на нашемъ поѣздѣ могли спокойно спать, зная, что никакое воздухоплаваніе намъ не грозитъ.

X.

Ваши привѣтствія и прощальныя пожеланія были для насъ послѣднимъ отголоскомъ надолго оставляемаго нами „своего“ міра. Когда я оглянулся на спутниковъ,—я и у нихъ прочелъ ту же печаль, которая щемила мнѣ сердце. Кого-то изъ нихъ увидятъ провожавшіе ихъ друзья и родные? Кому суждено вернуться домой? Съ нами было нѣсколько офицеровъ изъ гвардіи, по собственному желанію надѣвшихъ формы восточно-сибирскихъ батальоновъ. Тамъ, среди чужихъ, которые къ петербуржцамъ, можетъ-быть, отнесутся не совсѣмъ довѣрчиво, придется въ первыхъ же бояхъ заслуживать имя и любовь новыхъ товарищей, и невольно я въ ихъ чертахъ, въ улыбающихся, повидимому, лицахъ старался угадать, что для нихъ готовитъ судьба. Я помню такіе же проводы въ прошлую войну,—мало кто

изъ махавшихъ платками изъ уходящихъ вагоновъ дождался такой же искренней, шумной и радостной встрѣчи... Кругомъ была теперь молодежь богатая, хорошо поставленная въ Москвѣ и Петербургѣ. Не нужда ее гнала на Дальній Востокъ, а сознание обязанности, чувство неотложнаго и высокаго долга. Съ нами же ѣхали и военные агенты, иностранцы, получившіе разрѣшеніе прибыть въ Мукденъ, въ главную квартиру намѣстника. Всѣ они если не говорили, то хоть старались говорить по-русски. Какое это тяжелое положеніе—говорить не то, что хочешь, а что можешь! Вотъ, судя по его карточкѣ, Ивапъ Оттоновичъ Никвистъ—капитанъ генеральнаго штаба норвежской арміи,—маленькій, бойкій, живой, и съ нимъ вмѣстѣ Н. Д. Эдлунгъ изъ королевскаго Вестерботтенскаго полка—громадный великолѣпный шведъ, въ красивомъ походномъ костюмѣ и высокой бѣлой мѣховой шапкѣ. Я не могъ безъ улыбки видѣть ихъ рядомъ, такъ и вспоминались рекламы: „я ѣмъ Геркулесъ“, „я не ѣмъ Геркулеса“. Подполковникъ венгерскаго генеральнаго штаба Максимилианъ Чичеричъ изъ Башани сейчасъ же отлично заговорилъ на одномъ изъ славянскихъ нарѣчій. Мы его, а онъ насъ понимали отлично. Высокій, тонкій, изящный, тоже генеральнаго штаба капитанъ графъ Шептыцкій владѣетъ русскимъ языкомъ. Онъ изъ Краковѣ, и на первыхъ же порахъ, какъ и остальные военные агенты, отлично сошелся съ нашимъ офицерствомъ. Всего интереснѣе нѣмцы: бывший адъютантъ графа Вальдерзее полковникъ Лаунштейнъ и майоръ баронъ фонъ-Теттау—извѣстный военный писатель, посвятившій очень много своихъ трудовъ русской арміи, къ которой онъ всегда относился съ величайшей симпатіей. Всего интереснѣе было, когда норвежцы съ нѣмцами вели бесѣду по-русски. Тоже нашли нейтральный языкъ! Если бы вы, какъ и я, были около,—васъ поразили бы неожиданные обороты, къ которымъ прибѣгали шведъ Эдлунгъ и норвежець Никвистъ. Нѣмцы—тѣ знаютъ русскій языкъ отлично и въ тонкостяхъ его разбираются свободно. У насъ они какъ у себя дома. Черезъ сутки за Москвой засіяло яркое солнце, без-

облачное, синее небо—свѣтлое и чистое, нѣжно и ласково обнимало просторъ, еще дремавшій подъ снѣгомъ. Военные агенты не безъ удивленія спрашивали: „Гдѣ же ваша суровая, холодная Сибирь?“ Особенно около Челябинска, гдѣ было 12° тепла. Они то и дѣло на остановкахъ выходили съ „кодаками“, „вераскопами“ и намѣчали на стекла и желатинки и встрѣчающихся крестьянъ, и солдатъ, и сіяющія дали съ тонкими пролѣсками, и унылыя покосившіяся избы деревень, и когда нечего было снимать—самихъ себя въ новой и неожиданной для нихъ обстановкѣ. Нѣмцы не спрашивали ни о чемъ. Они все знали отлично,—видимое дѣло, подготовились. Норвежцы и австрійцы зато ничего не пропускали мимо и на каждомъ шагу требовали объясненій. Когда съ ними пробовали заговаривать по-нѣмецки или по-французски,—они упорно переходили на русскій: „Иначе мы никогда и ничему не выучимся“. У нихъ съ собою были цѣлыя бібліотеки книгъ о Сибири, Манчжуріи, Кореѣ... Какъ отношенія къ Россіи и изученіе ея измѣнились за эти двадцать семь лѣтъ. Я помню, въ войну 1877—78 гг. въ нашей главной квартирѣ ни одинъ изъ военныхъ агентовъ, кромѣ Лигница, не понималъ русскаго языка, не учился этому, не считалъ этого нужнымъ. Теперь тѣ же нѣмцы поражали меня отчетливымъ знаніемъ такихъ подробностей и особенностей нашей жизни, что мы только диву давались: когда и какъ они это успѣли... Заговорилъ я съ однимъ изъ нихъ о прошлой войнѣ.

— Вы, русскіе, слишкомъ рыцари. Въ этомъ, быть-можетъ, ваша сила; только она оправдается нескоро... У насъ въ Австріи мало кто повѣритъ, чтобы вы на Балканахъ не преслѣдовали личныхъ выгодъ. Вѣдь каждый судить о другомъ по себѣ.

XI.

Въ Горномъ Студнѣ солдаты рыли небольшую яму. Понадобилась она капитану для какихъ-то припасовъ. Сидимъ въ палаткѣ да слушаемъ. Одни работаютъ, другіе философствуютъ.

— Для чего это, братцы?

— Такъ что капитанъ приказалъ.

— Начальству понадобилось.

— Начальству?.. Какъ-никакъ, значить, карцью.

— А ты поди, увспроси.

— Только что въ ней сидѣть нельзя... Коротка.

— И не ляжешь!

— Стоять тоже не такъ, чтобы ужъ очень.

— По поясъ не хватить...

Пауза, и вдругъ неожиданное заключеніе:

— А если прикажутъ,—находиться можно.

Я вспоминалъ объ этомъ всякій разъ, слушая рассказы о перевозкѣ войскъ на Дальній Востокъ. У „очевидцевъ“ и безъ того громадный и непосильный путь являлся чѣмъ-то страшнымъ. Люди, очевидно, съ большимъ воображеніемъ! Эшелоны въ тридцатиградусные морозы слѣдовали (повѣрь имъ!) на открытыхъ платформахъ, по обѣ стороны великаго сибирскаго пути сбрасывали замерзшихъ, на Байкалѣ такихъ насчитывали нѣсколько тысячъ. Холодно, голодно... Что-то Дантовское. У меня, да и у всѣхъ, сердце сжималось. Неужели мы даже въ этомъ отношеніи не подвинулись ни на шагъ впередъ за четверть вѣка? Вѣдь тамъ, на далекомъ Востокѣ, всякая рука на счету, можемъ ли мы такъ щедро тратить эти руки. Если Министерство Иностранныхъ дѣлъ не вѣрило въ войну настолько, что въ день нападенія японцевъ на „Ретвизана“, „Палладу“ и „Цесаревича“, по его требованію, печати было объявлено „не раздражать Японію и самолюбія ея представителей враждебными выходками“, то вѣдь военные изъ другого тѣста слѣплены. Дипломаты — отъ нихъ

и требовать печего,—они всё составляют свою великую державу, ничего общаго не имѣющую со своей страной, и, разумѣется, въ ихъ корпораціи своя логика, простымъ умамъ недоступная. Они только завариваютъ кашу, которую расхлебывать приходится другимъ. Наши, впрочемъ, и каши не завариваютъ, а только стараются, какъ бы кто-нибудь не помѣшалъ со стороны этому высоко-кулинарному занятію... Уѣзжая изъ Москвы 6-го марта, я намѣтилъ себѣ по всему пути, по возможности, не пропустить ни одного военнаго поѣзда. Что было до тѣхъ поръ, — я не знаю, что будетъ потомъ,—угадать не смогу, но что я увижу самъ — расскажу точно и подробно. Оставить на своей душѣ грѣхъ въ этомъ отношеніи—не дай Богъ никому. Послѣ ничѣмъ не замолишь. Вѣчно передъ тобою будутъ стоять безмолвными свидѣтелями твоего малодушія эти подневольные отвѣтчики за чужую лѣнь, ошибку или преступленіе... И впечатлѣнія, полученные мною, были совсѣмъ не тѣ, которыми дѣлились съ нами гг. очевидцы.

XII.

Первый воинскій поѣздъ я увидалъ за Бугурусланомъ. По обѣ стороны желѣзной дороги стояли артиллеристы, въ раздвинутыя створки вагоновъ разглядывали насъ ихъ товарищи, въ другія — прямо теплomu сегодня солнышку подставляли, жмурясь, свои добрыя морды лошади... Всѣ тянулись сюда, откуда на нихъ вѣяло волей, просторомъ, свѣтомъ. У одной, рыжей, на носу лучъ загорѣлся огнистымъ пятномъ, а она только посапывала... Я подошелъ къ ближайшему вагону. Солдаты смотрѣли не особенно утомленными.

— Откуда, братцы?

Они сообщили.

— Хорошо было ѣхать?

— Коли бы такъ всю дорогу,—лучше не надо

— Сколько васъ въ вагонѣ?

— Здѣсь двадцать два... А есть и по двадцать четыре. Я разсмотрѣлъ внутри печь. Труба ея, прорѣзавъ крышу вагона, клубила черный дымъ въ чистый и ясный сегодня воздухъ.

— Во всѣхъ вагонахъ устроены такія?

— Точно такъ.

— Дрова въ обрѣзъ?

— Нѣтъ. Сколько понадобится, столько и беремъ.

Въ остальныхъ вагонахъ—тѣ же показанія.

Я разсмотрѣлъ на всѣхъ солдатахъ валенки и полушубки.

— Есть ли между вами такіе, у которыхъ нѣтъ теплаго платья и обуви?

— Всѣмъ еще въ *** роздали, при отправкѣ.

— Такъ что холодно не было ни разу?

— Борони Богъ...

Нары были въ два яруса, заваленныя всякою хурдой-мурдой, играющей для солдата роль постели. Кое-гдѣ встрѣчались книжки, была балалайка, двѣ-три гармоникки...

— Такъ что, кто къ печкѣ ближе, тому хуже... Парить?..

— Какъ закроемъ дверь—жарко... Вотъ кто внизу со всѣмъ, — тому иногда и поддуетъ... Ужъ извѣстно, — дорога... Не колыска. Баюкать некому.

Вагоны оказались всѣ и со всѣхъ сторонъ (полъ и потолокъ включительно) обитыми войлокомъ. Чтобы его замѣтить, надо посмотрѣть въ обрѣзъ стѣны въ дверяхъ. Войлокъ пропущенъ вверху, внизу и по бокамъ внутри. Снаружи его забрали тесомъ или фанеркой, не знаю, какъ назвать. Все это сдѣлано прочно, солидно. Ниоткуда не дуетъ. Печка вытягиваетъ „духоту“, по выраженію солдатъ, и обновляетъ воздухъ.

— Ну, а какъ вы кормитесь?

— Хорошо.. Пока ни въ чемъ недостатка не было. Лучше чѣмъ въ казармахъ.

— У насъ кухни съ собой.

— А у другихъ?

— У кого—на „пунктахъ“. Даютъ знать телеграммой,—придутъ, горячая пища готова. Опозданій пока не было...

Вмѣшался въ разговоръ офицеръ, слѣдовавшій съ солдатами.

— Я тоже слышалъ рассказы о томъ, какъ плохо взять нашихъ, но пока, слава Богу, не встрѣчалось ничего подобнаго. Можетъ-быть, еще увидимъ. У моихъ солдатъ по ночамъ въ вагонахъ, когда они заперты, жара. Представьте себѣ 25° тепла, а они и раздѣться не хотятъ. Отсыпаются во всѣхъ своихъ доспѣхахъ... Дѣйствительно, паръ костей не ломить.

— Конямъ тоже хорошо..

— Почему?

— Сѣно-то здѣсь не наше. Конфета, а не сѣно... И всего-то оно 20 коп. пудъ стоитъ. Отъѣдаются кони. Черезъ день у насъ проѣздки. Какъ ее, лошадь-то, выведемъ, она сначала жмурится, а потомъ и заиграетъ...

— Неужели перевозка не дѣйствуетъ?

— Вдолгъ подѣйствуетъ, разумѣется. А пока ничего... Кое-кто и обезножитъ. Тутъ одинъ изъ нашихъ возвращался, говорилъ, что въ батареѣ у нихъ три лошади испортилось... Такъ это вѣдь слава Богу... Какіе концы-то!

Я вошелъ въ вагонъ, гдѣ стояли лошади: было чисто, воздухъ хорошій. Эти вагоны безъ печей. Съ конями двое людей. Можнатые тупоносыя морды потянулись ко мнѣ: — „погладь де, чего ты здѣсь попусту болтаешься. Видишь, намъ скучно“... Подстилка вездѣ опрятная,—замѣтно, что за этимъ слѣдятъ тщательно. Съ однимъ изъ конюховъ гнѣдая лошадь все заигрывала.

— Что это она?

— Разговоры любить... дорога длинная. На пути вагонъ запремъ. Ей и скучно, сытая она, работы нѣтъ... да и мнѣ не то, чтобы ужъ очень балы танцовать. Ну, я ей про свои дѣла, а она ухми трясеть и мордой мнѣ киваетъ,—понимаю де... Про всю свою родню ей рассказалъ.

Не меньше моего знаетъ. Она только что говорить не говорить, а ума у ней много. Оно, поди, и лучше, что молчить. Потому, если бы кони зажаловались...

Вскочилъ и вытянулся.

Мимо шель офицеръ.

XIII.

Въ Златоустѣ—такая же встрѣча: идутъ артиллеристы, но ужъ изъ гораздо далѣе отстоящаго пункта. Эти въ дорогѣ давно, но я не встрѣтилъ болѣзненныхъ или измученныхъ людей. Вагоны устроены такъ же, какъ и видѣнные мною за Бугурусланомъ.

— Столько народовъ пересмотрѣли, а нисколько не устали...

— И все Рассея! И сюда Рассея и туда Рассея!

Подѣлившись со мной столь глубокомысленными географическими свѣдѣніями, солдатъ пожелалъ и отъ меня получить такія.

— А Японія, сказываютъ, махонькая, но бравая.

— Да... и не маленькая, тамъ народу много.

— Тѣсно жить ему... Ахъ ты, Господи... Тоже и имъ просторъ нуженъ. Локоть-то о локоть — обколотишься... Ихніе воины, читали мы, вмѣстѣ съ нашими недавно китаица били... Солдаты храбрые—отъ русскихъ нигдѣ не отставали...

Я бы хотѣлъ, чтобы этого солдата послушали ораторы петербургскихъ гостинныхъ, такъ легко, удобно и быстро разбивающіе Японію... на словахъ, разумѣется!

Какъ и въ первомъ воинскомъ поѣздѣ, такъ и здѣсь—чистота и у людей въ вагонахъ и у коней. Этыхъ — по восьми: четыре — по одну, четыре — по другую сторону, и всѣ мордами къ конюху. Этотъ тоже говорить, что не будь дневокъ съ проѣздками, лошади бы затосковали, потому что фуражъ по всему пути дешевый (слѣдовательно, обильный), хороший, а работы ей никакой. Смѣется надъ

товарищами: „Есть такіе, что отъ сна опухли. И сегодня спитъ и завтра спитъ,—а тамъ, смотришь: ни образа на немъ ни подобія“.

- Сколько васъ въ вагонахъ?
- Больше двадцати пяти нѣтъ.
- Ну, ври!—вмѣшался другой.
- Какъ такъ?..
- А во второмъ двадцать восемь.
- Такъ вѣдь въ одномъ...
- А все-таки есть.

Пищей довольны. Ею завѣдываютъ свои офицеры, которые въ котель бросаютъ по фунту мяса на человѣка (то же самое и въ первомъ встрѣтившемся намъ военномъ поѣздѣ). Наваръ выходитъ крѣпкій и сытный. Горячее имѣютъ два раза въ день. Чай получаютъ тоже. Въ кипяткѣ имъ нигдѣ отказа не бываетъ.

XIV.

Мы еще обогнали два поѣзда.. Говорить о нихъ отдѣльно—значило бы повторить все, что уже сказано нами. Но вотъ на станціи „Чулымъ“, гдѣ мы неожиданно простояли больше, чѣмъ это было назначено расписаніемъ, вытянулись вдаль вагоны съ безсрочно отпускными, призванными на службу. Тутъ уже другая картина! Офицеровъ съ ними нѣтъ. Въ каждомъ вагонѣ свой старшой. Видѣ солдатъ неважный. Есть и больные. Много матросовъ, слѣдующихъ во Владивостокъ и Портъ-Артуръ. Эти еще бодрятся и стараются показать, что имъ все „трынь-трава“. Зато остальные весьма основательно замѣчаютъ имъ:

— Вамъ-то слава Богу. Ты изъ дому съ собой сорокъ рублей взялъ. Поди, половину проѣлъ... А мы на двадцати двухъ копейкахъ казенныхъ...

— Не лопнешь!

— И то изъ двадцати-то двухъ на пищу идетъ семнадцать.

— Мясо каждый день получаете?

— Да. По 32 золотника. Старшой посылаетъ на „пунктъ“ депешу—тамъ ужъ и варять. Немного-то нахлебаешься. Безсрочнымъ куда хуже. И офицеры по пути встрѣтятся—не одобряютъ. Лодыри вы,—говорятъ,—а не солдаты. Были солдатами и будемъ, а только что, дѣйствительно, на левой работѣ поотстали..

Всмотрѣлся, и правда, совсѣмъ не воинственный видъ у этихъ только что вновь оторванныхъ у деревни защитниковъ отечества. Только матросы съ вышитыми на околышахъ „Паллада“, „Сысой“, „Ретвизанъ“ еще на что-то похожи. Одинъ изъ нихъ даже самъ себѣ выдумалъ золотое „А“ на погонахъ, вѣроятно, для пуцаго оболъщенія вятскихъ дѣвицъ, но и онъ все благодарилъ начальство за „неоставленіе“, а какъ дошло дѣло до того, что по всему пути закрыты дешевыя распивочныя винныя лавки, возмутился и не одобрилъ. „Помилуйте, послѣдняго куражу лишены и, собственно, тогда, когда каждый въ себѣ патріотизмъ согрѣвать долженъ! Если бы высшая власть объ этомъ узнала,—она бы не одобрила. Я даже такъ, что думаю корреспонденцію въ главный штабъ послать!“ Остальная масса производила впечатлѣніе измора. Вагоны были у нихъ простые. Ихъ, очевидно, взяли со стороны и, насколько могли, приспособили. Печи есть, но стѣнки войлокомъ не обиты: вслѣдствіе ночной стужи люди жмутся къ огню и получаютъ ожоги. Тѣмъ, которые спятъ на нарахъ—еще ничего, даже жарко, ну, а „пасынкамъ“, попавшимъ внизъ, на полъ, плохо. Невыносимою стужей охватываетъ,—ну, и ищутъ спасенія у печей.

— Были такія ночи, что вагоны покрывались льдомъ, такъ и шли отъ станціи они до станціи обледенѣлые.

— А сколько у васъ народа въ каждомъ вагонѣ?

— Есть по сорока...

Это вмѣсто двадцати двухъ на поѣздахъ воинскихъ.

— Сколько же у васъ помѣщается такимъ образомъ на полу, т.-е. въ холодѣ?

— Человѣкъ по двѣнадцати бываетъ.

— Что жъ, есть и больные?

— Никакъ нѣтъ-съ!..

— Въ моемъ вагонѣ—сейчасъ одного везу. На грудь жалуется, кашляетъ, не приведи Господи... Слава Богу, только одинъ такой и есть. Остальные ничего.

Съ нами ѣхалъ во Владивостокъ чрезвычайно милый молодой врачъ, быстро ставшій нашимъ общимъ другомъ. Веселый, остроумный, живой, онъ очень долго лѣчилъ Л. Н. Толстого, пожилъ въ Ясной Полянѣ, потомъ самоотверженно работалъ въ переселенческихъ партіяхъ и, наконецъ, былъ опредѣленъ въ морское вѣдомство. Это Э. Л. Гедговдъ. Я отыскалъ его.

— Пойдемте-ка. Тутъ въ одномъ вагонѣ больной.

— Сейчасъ.

Вползаемъ въ вагонъ. Молодой парень. Глаза такъ и пылаютъ. Все лицо, худое-худое, горитъ яркимъ румянцемъ, а подъ глазами черные круги. Какъ увидѣлъ доктора въ формѣ,—вытянулся и руки по швамъ.

— Что съ тобой?

— Кашляю.

— Жаръ есть?

— Никакъ нѣтъ.

Гедговдъ посмотрѣлъ—оказалось за 39°.

— Однако...

Послушалъ грудь, разспросилъ, осмотрѣлъ.

— Да чего же вы всю дорогу молчали?

— Онъ заболѣлъ передъ Омскомъ. Я тамъ искалъ доктора, во всѣ стороны кидался... Наконецъ, нашли, доложили... Только онъ не пришелъ.

— Почему?

— Не могу знать. Потомъ я въ приѣмный покой за фельдшерами бѣгалъ—ни одного не нашель...

— Такъ ничего и не добился?

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Ни доктора ни фельдшера? Что-нибудь, да не такъ.

Гедговдъ не могъ успокоиться. Онъ поднялъ всѣ силы земныя и небесныя. На слѣдующей большой остановкѣ добился, чтобы навстрѣчу этому злополучному поѣзду послали фельдшера.

Надо сказать правду, что и вездѣ на станціяхъ сами офицеры вызывались всячески содѣйствовать врачу въ его поискахъ.

— Что у него? Инфлюэнца?

— Форменное крупозное воспаленіе легкихъ.

— Такъ ему, пожалуй, и не доѣхать.

— Чудеса бывають, хоть и рѣдко. Вы бы видѣли, какъ возили переселенцевъ. Я на такія картины насмотрѣлся достаточно.

Взглянули на обожженныхъ. У одного три раны—тоже весь въ жару.

— Чего же вы къ огню лѣзете? Вѣдь у каждаго есть валенки, полушубокъ.

— Полѣзешь. Изъ дверей-то дуетъ. Со сна и не то еще сдѣлаешь. Насквозь пройметъ. Подъ самую лопатку точно иглой нижетъ.

— Слава Богу, что водки еще нѣтъ. Что бы тутъ было. Въ поѣздѣ безъ офицеровъ.

— Есть, да дорога.

— Вѣдь запретили?..

— Но тайно-то сколько угодно продають. Тутъ подъ станціями у мужиковъ покупаемъ. Не мы,—вдругъ поправился боцманъ.—Мы, какъ начальство приказало, ни-ни (а у самого носъ—безспорный документъ на званіе столбового пьяницы!), но иные-прочіе. Бабы-то сибирскія изъ-подъ подолу бутылочки предлагаютъ. Сколько изъ дому денегъ-то возьмешь—никакъ не хватить, потому—деликатно.

— Эй, ребята!—послышалось на перронѣ.

Безрочные кинулись туда.

— Коробка открыта на пять минутъ, подходи!

Смотрю: „старшой“ держитъ большой ящикъ съ папиросами.

Отпускные берутъ по двѣ, по три и уступаютъ мѣсто другимъ. Я разспросилъ. Оказалось, Бостанжогло и другіе табачные фабриканты пожертвовали папиросы, и теперь на поѣздахъ ими одѣляютъ солдатъ.

— Конецъ. Лавочка закрыта!

XV.

Къ „Боготолу“ нашъ поѣздъ подошелъ чрезъ плотную толпу человѣкъ, какъ мнѣ показалось, около тысячи. Все это были вольные люди—въ пальто, въ шубенкахъ, изрѣдка въ полушубкахъ. Многіе одѣты очень хорошо, бѣдноты и рвани нѣтъ совсѣмъ. Громадный рядъ доставившихъ ихъ тридцати трехъ вагоновъ стоялъ на третьемъ пути. Кто бы это могъ быть. Безсрочные? Нѣтъ, ни одной форменной фуражки; да и не солдатскія лица вовсе. Скорѣе—петербургская улица съ ея положительными и отрицательными типами. Выскочилъ я на перронъ,—меня такъ и охватилъ веселый говоръ и шумъ.

— Здравствуйте...

Нѣтъ солдатскаго—„здравія желаемъ“, приподымаются шапки, привѣтливо улыбаются люди, обступаютъ, не ждуть разспросовъ; напротивъ, сами торопятся получить отъ васъ тѣ или другія свѣдѣнія. Многіе, видимо, народъ интеллигентный, читающій, одинъ даже узналъ меня и назвалъ. Оказалось—по портрету, который гдѣ-то видѣлъ, — сообразилъ.

— Писать ѣдете?

— Да.

— Вотъ и мы тоже всѣ добровольно.

— Зачѣмъ?

— Работать.

Я вспомнилъ тотчасъ же, въ чемъ дѣло. 872 человѣка изъ петербургскаго порта слѣдуютъ въ Портъ-Артуръ. Они сами вызвались ѣхать и пока слѣдуютъ весело. Ни подарковъ ни пожертвованій не принимаютъ, потому что каждому изъ нихъ были выданы большія подъемки,—а впереди на мѣстѣ ихъ ждетъ громадная заработная плата. Самый плохой можетъ получить въ день до полутора рублей, а много и такихъ, которымъ придется по 4 р. 50 к. Сначала они вели себя неважно. Особенно остановка въ Москвѣ при ихъ «свободной наличности» отозвалась нехо-

рошо. Весь надзоръ заключается въ двухъ молодыхъ морскихъ офицерахъ и докторѣ, и послѣднему послѣ Бѣлокаменной пришлось-таки повозиться съ этою громадною партией, тѣмъ болѣе, что отдѣльнаго санитарнаго вагона еще не было,—его прицѣпили потомъ. Московскій угаръ и на настроеніи толпы отразился неважно. Пришлось отправить назадъ „по этапу“ одиннадцать человѣкъ настоящихъ уже „отбросовъ“.

— Почему по этапу?

— До копейки пропились. Платье—и то спустили... Никакъ нельзя было оставить ихъ съ другими. Сами рабочіе наши требовали удалить ихъ.

— И больные оказались?

— Да, вывезли московскіе гостинцы. Слава Богу, на станціи „Тайга“ мы получили отдѣльный санитарный вагонъ и семь человѣкъ отдѣлили туда. Такихъ, которыхъ нельзя оставить со здоровыми. Съ тѣхъ поръ задача наша легка стала. Народъ великолѣпный, понимающій слова. Убѣжденіемъ можно сдѣлать съ ними все, что угодно. Послушны и сами понимаютъ необходимость порядка.

— Но вѣдь это небольшой процентъ и отправленныхъ назадъ и больныхъ.

— Да... Вѣдь и публика какая. Грамотная. Вы послушайте ихъ разговоры. Тутъ съ народными изданіями-листовками не подѣдешь. Столичное обращеніе. Вы посмотрите, который день мы въ пути,—вѣдь выѣхали 23-го февраля, а сегодня 12-е марта,—и какіе всѣ чистые. И платье, видимо, „наблюдаютъ“ и за собой смотрять...

Въ вагонѣ ихъ ѣдетъ отъ 28 до 31 человѣка; располагаются, какъ хотятъ. Надзору вмѣшиваться не приходится. Сами себя берегутъ.

— Великое благо, что кабаки закрыты.

— Ну, пѣтъ, водочки-то теперь бы недурно,—засмѣялся рабочій.

— Оно и видно по Москвѣ.

— Въ Москвѣ мы съ Россіей прощались. Поминали!

— Безъ водки-то вы „прямо ангелы“,—аттестуетъ ихъ докторъ.

— Только что безъ крыльевъ. А два-три стаканчика,— у ангеловъ бы и крылья выросли.

— И разлетѣлись бы ангелы во всѣ стороны. Лови ихъ потомъ.

— Не хотите ли папирозъ?—предлагаетъ мой спутникъ кандидату въ ангелы.

— Благодарю васъ... У насъ свои. Пока недостатку нѣтъ.

— А ѣдите вы хорошо?

— Сами заботимся. Намъ на каждого полагается по 60 коп. суточныхъ. Мы чиномъ-то повыше доктора.

Врачъ засмѣялся.

— Это вы знаете, почему они? Мнѣ полагается суточныхъ меньше.

— Не можетъ быть!

— Увѣряю васъ. Мои санитары, рабочіе получаютъ по 60 коп. въ день на кормъ, а я по... сорока пяти. На пятнадцать копеекъ начальство оцѣнило меня дешевле.

— Потому, мы нужнѣе. Мы отечеству понадобились, а вы, докторъ, намъ нужны.

— Слышите, какъ расуждаютъ?

На платформѣ сотни лицъ самыхъ разнообразныхъ, но всѣ съ общимъ отпечаткомъ, который на рабочихъ кладутъ большіе центры. Есть дѣловые, умные, есть „молодцы“ хулиганскаго пошиба, есть степенные (видимо, мастера, которые въ Портъ-Артурѣ сколотятъ себѣ копейку на черный день), есть глупые, тоскующіе по разгулу, по водкѣ, резонеры, охотники поучать, есть съ выраженіемъ горбуновскаго портного (Летишь?—Лечу!). Есть ничѣмъ не интересующіеся (Не видали! У насъ, братъ, въ Питерѣ, и не такого насмотришься!), а есть ничего не упускающіе изъ виду. Я вынулъ записную книжку. Сейчас же сдвинулись кругомъ... „Вы для газеты?“—„Да!“—„Ну, слава Богу!“—„Почему—слава Богу?“—„Какъ почему? Чуть что—мы къ вамъ. Пусть всѣ узнаютъ...“

— А, кромѣ „столичныхъ“, другихъ заболѣваній не было?

— Нѣтъ. Случались, и часто, легкія формы кроваваго поноса. Страннаго. День-два—и самъ проходитъ. Приспособленій въ вагонахъ нѣтъ, но поѣзда идутъ медленно. Выскочить этакій франтъ и самъ свой вагонъ догопить. Многіе и не по надобности—а такъ, изъ молодечества или просто надоѣсть ему сидѣть и лежать—пробѣжаться захочется. Жалуются: „Зачѣмъ намъ выдавали деньги, если и „мерзавчикомъ“ нельзя освѣжиться“.

— А много имъ впередъ?

— По 99 р. на рабочаго. Дорогой сбѣжало изъ нихъ человекъ до ста. Мы, собственно, объ этихъ и не жалѣемъ. Неважное было бы приобрѣтеніе. Есть такіе, которые въ Москвѣ и Рузаевкѣ спустили все,—ну, ихъ теперь кормятъ въ счетъ тѣхъ денегъ, которыя ихъ ждуть въ Портъ-Артурѣ. Тамъ имъ еще придется по 32 р.

И здѣсь оказываются ожоги, хоть и немного. Въ вагонахъ тепло, у самихъ рабочихъ платья довольно, пока ни въ чемъ не нуждаются.

— Только вотъ книжекъ нѣтъ.

— Тутъ раздавали намъ. Да мы не къ такимъ привыкли. Эти дѣтямъ нашимъ хороши.. А намъ бы чего посерьезнѣе. „Они всё рабочаго по старой памяти судятъ, а мы давно изъ этой мѣрки выросли!“ Въ Петербургѣ мы въ бібліотеку записывались,—ну, а тутъ.. Положимъ въ Портъ-Артурѣ, навѣрное, есть что почитать.

XVI.

Какъ относится населеніе къ солдатамъ воинскихъ поѣздовъ?

Отъ Сибири—равнодушно. Да и самый великій здѣшній путь проложенъ по снѣжнымъ пустырямъ, всё крупныя центры остались отъ него въ сторонѣ. Тутъ нельзя и видѣть, какъ смотритъ нашъ окраинникъ на своего заураль-

скаго собрата. Встрѣчаютъ воинскіе поѣзда только сибирскія бабы, являющіяся издали на станціи съ шаньгами, творогомъ, молокомъ, всевозможною жареною птицей, булками и т. д. Это, вѣрно, и есть тѣ самыя деликатныя дамы, что изъ-подъ подола бутылочками торгуютъ. Для этихъ солдатъ—предметъ наживы, и никакихъ иныхъ „настроеній“ баба-торговка не имѣетъ. Видятъ воинскій поѣздъ по татарскому краю киргизы, двигающіеся съ верблюжьими караванами по Акмолинской области,—по и этимъ что за дѣло до христіюбиваго война: ни народъ къ нему ни онъ къ народу, благодаря инженерамъ-строителямъ, никакого касательства не имѣетъ. Ну, а въ Россіи дѣло другое.

Еще до рубежа сѣлъ къ намъ въ вагонъ (мы ѣхали экспрессомъ) молодой артиллерійскій офицеръ, догонявшій свой эшелонъ. Совсѣмъ толстовскій типъ. Глядя въ эти наивные, почти еще дѣтскіе, ласковые и довѣрчивые глаза, я такъ и вспомнилъ „Севастопольскіе рассказы“, и невольно въ душѣ зашевелился большой вопросъ: вернешься ли ты домой къ тѣмъ, кто тебя ждетъ, любитъ и благоговѣетъ издали?.. Я помню, въ сѣрые осенніе дни—въ Болгаріи, на влажныхъ склопахъ холмовъ, поросшихъ мокрою дряблою кукурузой,—такихъ же раскидавшихся въ самыхъ причудливыхъ положеніяхъ... Наклонишься,—глаза выклеваны, оскаленный ротъ, точно смѣется чему-то... И невольное проклятіе войнѣ—этому неизбежному ужасу и бичу человѣчества—какимъ-то удушливымъ угаромъ поднимается въ сердцѣ... Офицеръ на этотъ разъ попался словоохотливый, радостный. Его все тѣшило, все ему пока улыбалось, и онъ спѣшилъ подѣлиться съ нами своими впечатлѣніями. Ему правился и Бугурусланъ, вдали весь залитый солнцемъ, красивый, со своимъ соборомъ, церковью и мечетями, и, вѣрно, грязный до тошноты вблизи... Въ эту пору жизнерадостной молодости душа всему открыта...

— Ахъ, какіе у меня солдаты, какіе солдаты!.. Вы не вѣрьте, когда о солдатѣ говорятъ дурно. Солдата узнать надо.

— Достучаться ему въ сердце?

— Вотъ, вотъ... Именпо...

— А какъ васъ встрѣчали?

— Кто?

— Народъ въ городахъ, гдѣ вы останавливались?

У него вспыхнули глаза лучисто, благодарно.

— Нѣтъ, это вѣдь что жъ. Никакими словами не скажешь. Какъ это передать? Въ Вышнемъ-Волочкѣ—базаръ, народу доверху, площадь точно кипитъ. Пришла наша батарея. Обступили. Суютъ солдатамъ что каждый можетъ. Не брать нельзя,—обижаются. „Ты Христовъ теперь,—ты долженъ: это мы Богу подаемъ!“ И вдругъ выходитъ старый боцманъ,—еще въ Севастополѣ дрался. Оказывается, весь базаръ обошелъ: „Это,—говоритъ,—вамъ, товарищи, отъ народа!“—цѣлыя охапки баранокъ (поднять силы нѣтъ), и въ дорогу—жестяные чайники, стаканы, котелки, ковши и всякую посуду... И каждого солдата благословляетъ... А потомъ подошелъ къ намъ, къ офицерамъ: „А вамъ отъ нашей площади—вотъ, не погнушайтесь!“—и подаетъ десятокъ апельсиновъ. Расцѣловались мы съ нимъ... Онъ на меня—въ сторонку отвелъ—надѣлъ маленькій образокъ: „Меня въ Севастополѣ на Малаховомъ сохранила, и тебя вызволить Заступница!“

И отвернулся. Видимое дѣло, не хотѣлъ юноша передъ нами выдать своего волненія. Мы, разумѣется, какъ будто ничего не замѣчаемъ. Заговорилъ опять, а у самого глаза влажные.

— Около Рузаевки есть монастырь Параскевы, въ восьми верстахъ. Въ Рузаевкѣ наша батарея дневала; проѣзжали лошадей, отдыхали. Командиръ поѣхалъ въ обитель къ обѣднѣ. Ему настоятельница на дорогу для солдатъ дала восемь пудовъ баранокъ, которыя пекли инокини, всякихъ своихъ припасовъ и сто рублей денегъ. Окончивъ проѣздку лошадей, отправились и мы посѣтить монастырь. Насъ она приняла, какъ мать. Разспросила каждого объ его семьѣ, накормила, напоила. И глаза у нихъ, у монахинь, добрые-добрые. Лица желтыя, а во взглядѣ столько души! Стали мы прощаться; настоятельница надѣла на каждого по образку

и дать намъ по 10 руб. на офицера. Мы было стали отпѣкиваться. У насъ де есть средства. Мы не солдаты. И жалованье, да и свои у многихъ. А игуменья выпрямилась передъ нами и строго: „Берите, дѣти, не смѣйте отказываться. Въ мирное время вы намъ помогаете, а въ эту горькую пору Господняго испытанія мы обязаны вамъ помочь“. Поневолѣ взяли!

Другой воинскій поѣздъ остановился у большого села Медвѣдовскаго, если не ошибаюсь (немудрено спутать,— на первыхъ порахъ я не записывалъ). Навстрѣчу ему вышелъ священникъ съ причтомъ, отслужилъ молебенъ, а потомъ крестьяне объявили, чтобы солдатамъ пищи „казенной“ не варить. Они сами угостятъ ихъ въ эту дневку. И дѣйствительно, ничего не пожалѣли, что только смогли. Водки поднесли, съ разрѣшенія офицеровъ, по стаканчику. И все время просили артиллеристовъ: „Будете тамъ, у „японки“,—встрѣтите нашихъ, расскажите, какъ мы васъ встрѣтили. Помнимъ де ихъ...“ Старухи плакали, навязали солдатамъ полотенецъ...

— Какъ народъ къ войнѣ относится?

— Говорить: Господь бѣдой посѣтилъ. Всѣ—какъ на тяжелое испытаніе!

Я помню 1876 и 77 годы; настроеніе было совсѣмъ иное. Теперь никому война нелюба и нежелательна. Она вызвана не нами, мы идемъ туда поневолѣ. Монахъ въ Пензѣ объяснялъ солдатамъ: „Великое послушаніе на васъ за грѣхи всей Россіи. Съ чистымъ сердцемъ надо итти на тяжкую кару Господню. За вашу муку Онъ и насъ помилуетъ“.

Что-то надвинулось неизбежное, страшное, нежданное.

— Голубчики.. У меня ушелъ туда Андрюша. Внучекъ... Единственный... Господа офицеры, отпустите ко мнѣ солдатиковъ... двухъ. Я бѣдная, а двухъ прокормить сегодня могу... Такіе же они, какъ и мой внучекъ...

Ей объяснили, что солдатъ изъ казенныхъ котловъ кормятъ хорошо, и отпустить ихъ къ ней никакъ нельзя. Она черезъ часъ вернулась опять, выбрала двухъ помоложе:

— Такъ, чтобы по двадцать второму годку было... Какъ и моему Андрюшѣ.

И снабдила ихъ бѣльемъ, подушками и каждому вручила по тридцати копеекъ.

— Какъ васъ звать?

Тѣ сказали.

— Теперь я поминать васъ стану: Андрея, Петра и Василія... А по воскресеньямъ буду за ваше здравіе часточки вынимать...

XVII.

Мнѣ по пути рассказывали, что завѣдующій лабораторіей Сибирской желѣзной дороги докторъ Шидловскій нашелъ способъ такъ заготавливать мясо, чтобы оно не портилось даже и въ лѣтніе жары. Если это такъ,—продовольствіе войскъ на далекомъ Востокѣ страшно выиграетъ. Говорятъ, что онъ предложилъ свое открытіе для продовольствія солдатъ бесплатно на все время войны, и въ этомъ я узнаю русскаго врача съ его высокою этикой, которой могутъ позавидовать его иностранные коллеги, вообще, безкорыстіемъ не страдающіе. „Русскій“ я говорю собирательно. Я знаю не мало такихъ докторовъ-поляковъ, передъ духовной высотой которыхъ надо бы преклониться. Мы въ этомъ отношеніи никакъ не можемъ усвоить себѣ цехового, ремесленнаго взгляда, и тамъ, гдѣ итальянецъ, французъ, нѣмецъ только подсчитываютъ итогъ заработка, наши подчиняются толчкамъ вышшаго порядка, задаются гуманитарными цѣлями, не отступая даже отъ жестокаго порою самобичеванія и самообличенія. Мнѣ говорилъ выдающійся итальянскій ученый, хирургъ, прочитавшій Вересаева:

— Подобная книга ни въ Италіи ни во Франціи была бы невозможна, потому что у насъ прежде всего интересы корпораціи...

То же самое говорилъ и нѣмецъ, имя котораго въ Берлинѣ пользуется общественнымъ уваженіемъ.

— Вы, русскіе, во всемъ ищете мученичества...

Я нѣсколько увлекся въ сторону. Говорять, что д-ръ Шидловскій свои опыты производилъ въ Томскѣ. Онъ, выпустивъ кровь изъ туши, паливаетъ жилы какимъ-то солянымъ растворомъ, и въ самое горячее лѣто двѣ недѣли мясо остается въ совершенно свѣжемъ видѣ—безъ гнилостнаго запаха, безъ малѣйшей порчи, мягкое, короче—ничѣмъ не отличимое отъ только что приготовленной на бойнѣ убойны. Съ этимъ мясомъ, уже сложеннымъ въ жестянки, въ теченіе двухъ лѣтъ остававшимся въ комнатной температурѣ, не произошло никакихъ измѣненій. Супы, бифштексы, всякаго рода жаркія, приготовленные изъ него, могутъ конкурировать съ любой говядиною изъ мясныхъ лавокъ. Фирма Кухтерина вошла въ соглашеніе съ Шидловскимъ и хочетъ заняться этимъ дѣломъ въ широкихъ размѣрахъ. Я встрѣтилъ интенданта, которому сообщилъ полученныя мною свѣдѣнія.

— Значить, если такъ, то задача снабженія арміи продовольствіемъ страшно упростится...

Поставщики другого мѣся.

Одинъ въ Иркутскѣ.

— Большой ударъ по частной промышленности.

— Тутъ на первомъ планѣ должны быть солдаты.

— Ну, нѣтъ. И война должна служить торговлѣ и индустріи. Иначе въ ней не было бы никакого толку.

И потомъ съ восторгомъ:

— Посмотрите на умную Англію: тамъ всѣ войны ведутся въ угоду Сити и по его программѣ.

Экземпляръ попался любопытный.

Я занялся имъ—въ своемъ мѣстѣ отведу ему больше простору,—пока не могу не передать его разсужденій.

— Вѣдь вамъ нуженъ большой капиталъ для вашего дѣла?

— Мнѣ? Съ какой стати. И зачѣмъ тутъ капиталъ! Нужна правая рука, чтобы брала, лѣвая—чтобы давала, и голова, чтобы работала.

Такъ на меня и пахнуло далекими воспоминаніями 1877—78 года. Жутко стало при видѣ этого несомнѣннаго будущаго побѣдителя.

— Вѣрнѣе, что вы все-таки не получите никакихъ заказовъ и порученій.

— Напрасно надѣетесь.

— Почему?

— А потому, что я ихъ ужъ и получалъ, а, вѣрно, меня не обойдутъ и впередъ. Только пока неважно... 65 коп. наживалъ... А это, по нашему времени,—мизеръ.

Должно-быть, я ужъ очень изумился. Онъ придвинулся ко мнѣ, положилъ на мое колѣно большую, мягкую и теплую руку (у больного солдата весь бы животъ закрыла) и началъ:

— Посудите сами: у насъ свои счета. Я на бумагахъ потерялъ больше 20%, за сахаръ я плачу здѣсь вмѣсто 15—30 коп. За мясо вмѣсто 2 р.—6. Чтобы жить, какъ я привыкъ, и отложить для дѣтей,—надо стараться. И потомъ—война такое дѣло! Вѣдь не каждый день случается,—упустишь, потомъ будешь пальцы кусать. Помилуйте, потомъ мой сынъ—и тотъ скажетъ: папаша у меня дурень былъ. Съ такого дѣла не умѣлъ милліона снять.

Грегерь, Горвиць и Коганъ!.. Неужели вы безсмертны и Россія съ 1877 года по сей день нисколько не измѣнилась?

Но я все-таки не вѣрю.. Не хочу вѣрить... А между тѣмъ... А между тѣмъ, вотъ вамъ рассказъ о безукоризненно выполненномъ не очень ужъ давно контрактѣ. Новая форма хищничества подобралась незамѣтно и такъ, что подъ нее именно комаръ—и тотъ носа не подточитъ. Что превосходнѣе этого контракта съ американцемъ-поставщикомъ солонины на громадную сумму? За пріемщиками право забраковать все и пріобрѣсти взаимнѣ, хоть и за болѣе высокую цѣну, на счетъ поставщика на мѣстномъ рынкѣ. Партія доставлена. Пріемщикъ забраковалъ ее,—контрактъ былъ нарушенъ... На мѣстномъ рынкѣ было пріобрѣтено соответствующее число бочекъ съ солониной.—

Вотъ у насъ какіе Аристиды,—радуется начальство.— Не то, что въ прошлую войну.

А посвященные смѣются!

— Что вы?

— Солонину-то онъ на рынкѣ какую купилъ?

— Ну?

— Да ту же самую, которую американецъ туда продалъ... Негодную.

— Это пока!

— Пока что?

— До войны... Посмотрите, какъ все обернется... Не очень-то полакомятся эти господа.

— Поживемъ—увидимъ. Вотъ развѣ молодые академики-интенданты повернуть въ другую сторону.

Они еще никакъ себя не зарекомендовали. Дѣлать ихъ отвѣтственными за старое зло—великая несправедливость. Можетъ-быть, сумѣютъ вызвать уваженіе къ интендантскому мундиру, и въ этомъ будетъ ихъ громадная историческая заслуга. Неоцѣненная! Мы ихъ поставимъ рядомъ съ солдатомъ, умирающимъ на боевомъ полѣ; съ сестрою милосердія, послѣ перваго тифа вернушеюся въ отравленный госпиталь—за возвратнымъ, чтобы на маломъ, отпущенномъ ей судьбою, протяженіи жизни еще послужить скромному и невидному страсотерпцу; съ врачомъ, идущимъ на заразу, на смерть, на неимовѣрную усталъ. О, какъ бы хотѣлось, чтобы эти молодые интенданты стали настоящими товарищами питаемаго ими война, чтобы, вернувшись домой, они могли высоко носить свои головы и съ честью—форму, доставшуюся имъ по наслѣдству и облагороженную ими. Войдите и въ ихъ положеніе. Слава, лавры—не имъ. Зато они у денежнаго океана. Мимо катятся золотыя волны, на берегахъ подъ вѣтромъ шумитъ листва, въ изобиліи отпечатанная экспедиціей заготовленія государственныхъ бумагъ. Какъ тутъ легкомысленной Евѣ не познакомиться съ тѣмъ, что растеть на древѣ познанія, когда подрядчикъ, какъ змій, ползеть съ яблокомъ во рту: „Пожалуйте получить, фруктъ самый гигиеническій, даже

врачи—и тѣ одобряютъ!“ Молодые академики-интенданты, заставьте всѣхъ насъ увѣровать въ человѣка! Откажитесь отъ змія, турните его, мерзавца, такъ, чтобы всей его подлой породѣ неповадно было. Мы всѣ въ васъ вѣримъ. Больше. Что мы! Забудьте о насъ! Вся Россія смотритъ на васъ и ждетъ подвига Совершите его, и весь этотъ тридцатимилліонный народъ поклонится вамъ, и будете вы среди него лучшими людьми, избранниками, свѣтильниками чести.. Все это, разумѣется, такъ и будетъ, такъ и будетъ,—у васъ молодость, у васъ знаніе, за вами вѣра и молитва всего народа..

ХVIII.

Говорятъ, что въ военное время, по рецепту извѣстной одесской дѣвицы, можно и капиталъ приобрести и невинность соблюсти. Мнѣ въ этомъ отношеніи извѣстенъ только одинъ примѣръ, да и тотъ исключительный. На Шипкѣ былъ солдатъ-еврей, отличавшійся выдающейся, даже среди тогдашнихъ балканскихъ богатырей, храбростью. Это даже была не храбрость—храбрость картинна, она въ показѣ, въ позѣ. У Финкельштейна (да проститъ онъ мнѣ, если я забылъ его имя!) въ высшей степени развито оказывалось презрѣніе къ опасности. Другіе подъ свинцовымъ ливнемъ сулеймановскихъ ордъ лежатъ въ ложементяхъ, а онъ стоитъ на виду и говоритъ товарищамъ, куда стрѣлять, откуда движется атака, гдѣ опасность сильнѣе, откуда огонь гуще, таборы наступленія многочисленнѣе. Изрѣдка только онъ доставляетъ себѣ маленькое удовольствіе выругаться: „Ишь, шволочь, я жидъ, даже зъ Вильны, и то не боюсь,—а вы бараньи башки свои за камушкомъ прячете!“ Его солдаты очень любили и защищали отъ всякихъ насмѣшекъ. Это былъ свой между своими, герой между героями. Скобелевъ перешелъ Балканы, разбилъ подъ Шейновымъ турокъ... Войска съ Шипки спустились въ поэтическую долину Марицы. Великій князь,

главнокомандующій, назначилъ смотръ. Онъ давно зналъ о Финкельштейнѣ. Въ „главной квартирѣ“ Всеволодъ Крестовскій потѣшалъ за обѣдомъ и его высочество и другихъ разказами объ этомъ шипкинскомъ богатырѣ.. на жаргонѣ. Выстроились солдаты. Поблагодарилъ ихъ великій князь, подѣхалъ.

— Покажите мнѣ этого Финкельштейна.

Вызвали. Вышелъ, сдѣлалъ на-караулъ. Складъ цыплячій, какъ и полагается виленскому еврею. Кажется, гдѣ бы тутъ геройской душѣ сидѣть, и помѣщенія для нея настоящаго нѣтъ!

Главнокомандующій усмѣхнулся. Ужъ очень типиченъ солдатъ, да и рассказы Крестовскаго въ памяти.

— Спасибо за службу.

— Радъ стараться, ваше высочество.

— Ты молодецъ, рассказываютъ.

— Точно такъ, ваше императорское высочество.

— Ну, вотъ что... Я хочу тебя отблагодарить. Что ты хочешь: сто рублей или Георгіевскій крестъ?

Лицо у Финкельштейна сразу сдѣлалось глупое-глупое. Смѣшонъ онъ былъ до геніальности въ эту минуту. Главнокомандующій, свита, мы всѣ кругомъ едва сдерживали хохоть. Даже носъ какъ-то вдругъ особенно поглупѣлъ на этомъ такъ неожиданно и внезапно одурѣвшемъ лицѣ.

— А что стоитъ Георгіевскій крестъ, ваше высочество?

Ну, думаемъ, еще минута, и мы умремъ отъ хохота.

— Что?.. Ну, три рубля, что ли.

— Такъ дайте мнѣ девяносто семь рублей и Георгіевскій крестъ.

И вдругъ на лицѣ—ни малѣйшаго слѣда глупости. Въ глазахъ, внезапно раскрывшихся, загораются искорки смѣха. Видимое дѣло, Финкельштейнъ не безъ гордости думаетъ: „Ну и что, кому теперь смѣяться—вамъ или мнѣ?“

Всѣ молчатъ... И вдругъ сухо и рѣзко:

— Дайте ему девяносто семь рублей и Георгіевскій крестъ..

Это единственный случай, когда на войнѣ была соблюдепа невинность и пріобрѣтень капиталъ.

XIX.

Просторъ, неподвижность, молчаніе. Смотришь въ окна вагона, и такое уныніе охватываетъ, что не радъ и яркому солнцу на безоблачномъ небѣ и дѣвственнымъ снѣгамъ, сверкающимъ, чистымъ. Эта неоглядная даль мертва, такъ мертва, что единственно живое на ней — нашъ поѣздъ, точно врывающійся въ сплошное царство торжествующей смерти. И вчера были тѣ же пустыри, и сегодня они, и завтра будетъ то же. Кое-гдѣ чахлая-чахлая, точно пухъ на лысинѣ, поросль. Не лѣса, не рощи, а — поросль. Стоитъ что-то жалкое, плохо обвѣтвившееся. Силы нѣтъ подняться въ высоту, къ землѣ припало и треплется на ней, оскудѣлой, измученной. Вотъ точно серебряныя блюда кинуты на печальную гладь, это — солончаковыя озера: ни красы въ нихъ ни радости. Да тутъ есть ли человѣкъ? Подымается ли откуда-нибудь дымокъ затерявшагося на безлюдьѣ жилья?.. Нѣтъ, все ясно, прозрачно, бѣло, и молчитъ пустыня, молчитъ до ужаса, до того, что кровь стынетъ въ жилахъ, и невольно самъ начинаешь кричать, пѣть, подавать голосъ: я де живъ еще, не умеръ. Со мною ничего ты не сдѣлаешь... На что она похожа, эта Бараба, — это дно проклятаго Богомъ океана? Громадное, на тысячи верстъ, окочепѣвшее лицо трупа съ чудовищными застывшими бѣлыми глазами. Ничего не прочтешь на ней, — книга ужаса, раскрытая на пустой страницѣ. Она не ожила даже, когда заходящее солнце обдало всю ее розовымъ свѣтомъ. На ледникахъ онъ кажется просачивающею ихъ теплою кровью. Тутъ онъ только скользилъ по мертвому лицу все блѣднѣе и блѣднѣе, пока не угасъ совсѣмъ, и пустыня закуталась въ сизый сумракъ. Ночью подъ луной — та же гладь, тѣ же солончаковыя щиты, забытые на ней былыми богатырями, тѣ же холодныя, обезкрыливающія воображеніе дали. Я приподнялъ какъ-то занавѣску, — то же царство смерти, нигдѣ и ни въ чемъ не измѣнившееся.. Мнѣ почудилось: прошли милліоны лѣтъ, солнце давно потухло, и обледе-

нѣвшая мертвая земля, беззвучная, бездыханная, страшнымъ ледянымъ комомъ несется въ загадочное пространство... На ней все остановилось,—ни вѣтра, потому что воздухъ тоже отвердѣлъ, ни огня—вулканы давно потухли и стоятъ какъ надгробные памятники надъ угасшей жизнью своей планеты...

— Все еще Бараба?—спрашиваю утромъ.

— Ей долго конца не будетъ.

— Этакій, знаете, громадный ноль посреди Россіи.

— А земля чудесная.

— Какъ такъ?

— Чистѣйшій черноземъ, только ничего на немъ не родится.

Всѣ засмѣялись.

— Хуже Сахары,—тамъ хоть оазисы есть... А на эту сибирскую Сахару мы давно рукой махнули.

— Сюда пробовали направлять переселенческія партіи,—разсказываетъ молодой докторъ.—Я былъ съ такими. Приѣдетъ зимой, сядетъ, а лѣтомъ прочь бѣжить. Вы слышали, что тутъ было съ хохлами? Бились они бились—нѣсколько семей, подняться назадъ силъ не хватило. И рѣшили покончить разомъ. Точно французскихъ романовъ начитались! Затопили въ послѣдній разъ печи, заткнули отверстія въ избахъ и всѣ, какъ есть, мужики, бабы и дѣти,—умерли отъ угару. Больше здѣсь ужъ никого не селятъ. Довольно. Были такіе, что сходили съ ума на Барабѣ.

— Я видѣлъ мужика устоявшаго, должно-быть, сильная была натура. Онъ охотой промышлялъ, только и этотъ говоритъ разучился. Такъ его молчаніемъ здѣсь одурманило.

— Этакій круглый ноль поставила природа между Европой и далекимъ Востокомъ.

XX.

Новая легенда ходитъ между солдатами.

Записалъ я ее со словъ молодого офицера на Иссылъ-Кулѣ, слѣдовавшаго съ воинскимъ поѣздомъ.

— Теперь японецъ притаится. Онъ все видитъ. Думаль, у Рассеи силы нѣтъ,—ну, и поднялся. Ну, а пынче шабашъ. Считаетъ-считаетъ, сколько нашихъ эшелоновъ прошло,—ужъ у него на счетахъ-то и костяшекъ не хватаетъ.

— Да откуда жъ онъ знаетъ?

— У нихъ при каждомъ полку особая японка есть. Безглазая. Пустое мѣсто у носу. Они ее на красномъ коврѣ носятъ. Въ большомъ она почетѣ у нихъ. Эта японка именно все и видитъ. Рассказываетъ, по какимъ мѣстамъ мы идемъ, сколько пасъ, какія орудія на платформахъ веземъ, довольно ли съ ними снаряду.

— Какъ же она безъ глазъ?

— Такой въ ней секретъ. Ей все открыто. Куда ее повернуть,—она ту сторону словно книжку читаетъ. И на корабляхъ ихнихъ тоже такія японки подъ образами сидятъ и говорятъ, когда нападать на наши суда, а когда уходить отъ нихъ. Прежде у этихъ бабъ такія круглыя зеркала были. Куда наведетъ,—тамъ сейчасъ народъ помираетъ. Только, какъ они воевали съ китайцами, всѣ эти зеркала побили, а новыхъ сдѣлать не умѣютъ. А то бы съ ними не сладить.

Новая форма ясновидѣнія!

XXI.

Совсѣмъ не русскіе типы на станціяхъ. Скуластые, узкоглазые или плосколицые, съ какими-то раздавленными носами. Вонъ одинъ гигантъ—изъ отставки идетъ проситься на войну. Онъ уже прослужилъ чуть ли не три срока. Оба его сына на Дальнемъ Востока въ казачьихъ войскахъ..

— Что жъ мнѣ отставать отъ нихъ? Дома у бабъ все есть. Мнѣ заботиться не о чемъ.

И старается тянуться — показывая другимъ солдатамъ, вотъ де каковъ я еще „старый урядникъ“. И дѣйствительно, этакое дерево скоро не сломишь. Судьбѣ съ нимъ придется повозиться.

— Сколько вамъ лѣтъ?

— Шестьдесятъ восемь.

И ни одного сѣдого волоса, руки такія — не дай Богъ въ нихъ попасться. Зубы всѣ налицо.

Нѣмецкій военный агентъ подошелъ къ нему.

Старикъ вытянулся — видитъ, серебряные жгуты на ту-журкѣ. Должно-быть, генераль — соображаетъ.

— Что васъ заставляетъ итти опять на службу?

— Желая помочь Государю Императору, ваше превосходительство.

Майоръ польщенъ — и увѣковѣчиваетъ урядника на своемъ кодакѣ. И тотъ вполглаза смотритъ на другихъ: видѣли де?

— А не боишься, старикъ, что силы не хватитъ? — спрашиваетъ его офицеръ.

— Никакъ нѣтъ.

— Вѣдь ужъ послужилъ, довольно бы.

— Только что, ваше высокоблагородіе, за своихъ боязно. Не сплеховали бы. Все я имъ примѣръ покажу, какъ служить надо, чтобы не осрамылись. Тамъ изъ нашихъ мѣсть много, имъ тоже учоба нужна, а то онъ не отъ малодушія, а съ непривычки или по глупости, вдругъ да испугается. Я такъ думаю, что еще очень понадобится тамъ.

Смотрю черезъ нѣсколько минутъ ужъ и остальные военные агенты его ловятъ въ свои кодаки, вераскопы, а онъ „старается“. Сдѣлался еще неподвижнѣе, хоть и показываетъ, что вовсе не замѣчаетъ своего успѣха. Около него болтается какой-то безсрочный — въ рвани, красноносый, что-то нюхающій, глупый и корявый, тоже, видимо, старается попасть въ поле зрѣнія фотографическаго аппарата.

— Уйди прочь! — шипитъ на него урядникъ-гигантъ, усиливаясь не моргать.

— Чего еще?

— Фигуру портишь!

XXII.

Военныхъ агентовъ, любителей фотографировать, ожидала въ Иссыль-Куль еще болѣе благодарная натура. Точно ее нарочно выискали и поставили на самомъ виду для просвѣщенныхъ иностранцевъ. Но куда петропавловскому уряднику до этого! Удивительно умное съ хитрецей въ сощуренныхъ глазахъ русское лицо. Коренастая черноземная фигура—точно приглашающая медвѣдя: а ну-ка, Мишка,—попробуемъ, кто кого? Одѣтъ по-крестьянски, чисто, а на груди цѣлый иконостасъ. Четыре Георгія, медаль за Баязеть, много другихъ медалей. На длинныхъ орденскихъ лентахъ еще невиданные мною знаки отличій... Кодаки щелкаютъ, „генералы“ ищутъ пункта получше снять его, а онъ только ласково улыбается, не безъ достоинства переговариваясь со своими.

— Ты, братъ, теперь попадешь въ разные журналы.

— Привыкъ уже. Меня снимали-снимали. Пусть ихъ.

— Да вѣдь эти тебя за границу.

— Мы и за границей извѣстны, ваше высокоблагородіе.

— Вотъ тебѣ и на, а я и не предполагалъ даже, что въ Иссыль-Куль встрѣчу столь знатнаго соотечественника.

— Какъ звать васъ?

— Яковъ Серединъ.

— Гдѣ это вы получили за Баязеть медаль? Она вѣдь рѣдко у кого. И четыре Георгія?

— Знаки отличія военнаго ордена—за Карсъ... Я былъ фельдфебелемъ 4-го стрѣлковаго кавказскаго батальона. Думалъ тамъ и вѣкъ свѣковать, да вотъ не судилъ Богъ.

— А въ Сибирь какъ вы попали?

— Мы, пензенскіе, вздумали переселяться, тутъ вотъ двадцатью двумя поѣздами и осѣли. Я у нихъ старшиною.

— Хорошо живется?

— Не жалуемся. Татарвы много кругомъ, только ее знать нужно. Хорошіе люди. Съ татарами и на Кавказѣ мы всегда отлично ладили. Съ ними надо въ добрососѣдствѣ быть,—

пу, тогда и они тебѣ всякую ласку сдѣлають. Татаринъ — человекъ честный. Слову вѣрить, только не дай Богъ его обмануть. У насъ съ ними тутъ большія дѣла. Одно—бумаги онъ не любитъ, да и мы вѣдь тоже не очень ее...

— Вамъ не жаль Кавказа?

— Кабы своихъ кругомъ не было, пожалуй, потянуло бы. А тутъ на новыхъ мѣстахъ дѣла до пропасти! Некогда жалѣть, развѣ приснится когда,—такъ вздохнешь!

За платформой два мужичка изъ переселенцевъ.

Прохожу мимо.

— Эхъ, лѣсу мало...

— Какъ мало?

— Такъ что мало...

— Не хватаетъ тебѣ, что ли?

— Хватаетъ, отчего не хватать...

— Что же бы ты съ нимъ дѣлалъ, будь его больше?..

Тотъ восторженно:

— Что дѣлалъ? Рубилъ бы его да рубилъ. И днемъ рубилъ и вечеромъ... И все бы рубилъ.

XXIII.

Сѣрый, сплошной туманъ... Чуть-чуть намѣчаются длинные ряды вагоновъ... Назло нахмурившемуся сѣверу оттуда рвется на волю громкая веселая пѣсня. И удалъ въ ней и размахъ, отъ котораго жутко тому, на кого онъ направленъ. Идемъ туда—веселые, сытые солдаты съ молодыми офицерами. Опять воинскій поѣздъ. Сколько мы ихъ оставили позади, сколько еще встрѣтимъ.—точно ручей изъ далекой Россіи,—просочились они за шесть тысячъ верстъ и медленно, но неотступно текутъ, заливая таинственную глубь Манджуріи... Медленно и неотступно рождающіеся въ туманѣ, свертывающіеся въ немъ боевыми колоннами и опять уходящіе въ туманъ. И вездѣ эта пѣсня—она и почью слѣдуетъ за вами, когда поѣздъ останавливается на глухихъ сибирскихъ станціяхъ. Кинешься къ окну,—сол-

даты уже просыпаются и поютъ. Ихъ день начинается рано, или ихъ эшелонъ двинулся, и они такимъ образомъ прощаются съ временно пріютившимъ ихъ захоластьемъ. „Раскачивается матушка!—шепчетъ, глядя на нихъ, старый донецъ.—Сразу-то вѣдь мы не горазды, а вотъ теперь помѣряемся,—этими-то жилками много крови вольтется въ чужедале... Потомъ и не узнаешь его!“ Ручей сочится и сочится, иногда пріостановится, разольется въ озеро, прорвется и опять впередъ...

— Знаете что?—говоритъ одинъ изъ моихъ спутниковъ.— Безглазая японка-то промахнулась. Должно-быть, и ея силѣ былъ предѣлъ. Не разсмотрѣла далекихъ нашихъ водъ, резервуаровъ, откуда льются теперь за Сибирь къ Китаю живыя русскія силы.

— Вонъ они обмороженные, холодные и голодные!—смѣется другой, указывая на солдатъ въ полушубкахъ и валенкахъ.—Что-то не похоже!

XXIV.

Нѣтъ ничего досаднѣе болѣзни, когда каждая минута на счету, а впереди еще ожидаютъ тебя тысячи верстъ за тысячами, и самъ не знаешь, когда, наконецъ, доберешься до намѣченной цѣли. За Иркутскомъ уже экспресса нѣтъ, поѣзда идутъ медленно, а за станціей „Манчжурія“ движутся впередъ только воинскіе эшелоны „по мѣрѣ возможности“. Пристегивается вагонъ съ пассажирами; если мѣста не хватитъ, учитесь твердости въ бѣдствіяхъ и ждите. Ночь была темна и сыра. Ангара вся уходила въ таинственную даль, откуда рѣдко-рѣдко мигали робкіе огоньки. Мы торопили извозчика, онъ только смѣялся въ отвѣтъ: еще насидитесь. Иркутская станція, крохотная и грязная, напоминала коробку съ консервами. Протиснуться было трудно. Въ углу рыдаетъ измученная женщина,—она уже давно ѣдетъ изъ Дальняго и только теперь дала волю раздерганымъ нервамъ. Въ другомъ—кучею сбились дѣти и та-

ращатся на все большими испуганными глазами. Какъ они обернутся? У матери ни денегъ ни знакомыхъ. Собирають для нихъ, что могутъ, но передъ ними цѣлая безконечность, прорѣзанная великимъ сибирскимъ путемъ. Ни теплой одежды ни бѣлья... Бѣдная женщина схватывается за голову и раскачивается, точно унимая мучительную боль... Сидимъ часъ, другой, третій.

— Скоро?

— А вотъ управимся...

Наконецъ, вагонъ поданъ. Вонь отъ карболки—не дышатся.

— Что это у васъ?

— Бываетъ, больныхъ возятъ.

— Какихъ?

— А сыпнымъ тифомъ.

И, обрадовавъ насъ этою вѣстью, кондукторъ спокойно уходитъ дальше.

XXV.

Два дня назадъ на Байкалѣ была пурга. Тысячи демоновъ, сорвавшись съ адскихъ цѣпей, бѣсились на его холодномъ просторѣ. Вихрь съ визгомъ гналъ передъ собою бѣлые призраки взмятеннаго снѣга; безчисленные бичи, свистя въ высотѣ, хлестали ихъ отовсюду... Въ безумной оргіи слышались точно пушечные выстрѣлы: это подымавшаяся снизу вода ломала крѣпкія оковы. Саженный ледъ трескался какъ стекло, и просачивавшаяся влага заливала его гладкую поверхность. Порою гдѣ-то на серединѣ озера что-то ухало, точно громадное чудовище стонало подъ неожиданными ударами. Въ теплушкахъ сторожа не отходили отъ телефоновъ. Въ нѣдрахъ этой бури все-таки движутся войска, и отъ теплушки къ теплушкѣ передають, пѣтъ ли отмороженныхъ. Нужно ихъ приютить, послать фельдшеровъ, врачей. Тутъ все предусмотрено. Къ счастью, морозовъ ужъ пѣтъ, и день обошелся благополучно. Темные ряды солдатъ

не оставляли ни уставшихъ ни отставшихъ. На привалахъ— въ баракахъ чай, посреди Байкала—въ домахъ, выстроенныхъ на льду,—горячая пища. Кругомъ рвется и мечется во всѣ стороны непогода, а тутъ въ теплѣ отдыхаютъ солдаты. Всю эту сорокъ одну версту надо сдѣлать пѣшкомъ, сквозь тысячи снѣговыхъ фантомовъ, сквозь удары воздушныхъ бичей и стихійный напоръ какихъ-то внезапно родившихся здѣсь и стѣною движущихся на людей таинственныхъ силъ. Не даромъ вокругъ озера говорятъ: въ Байкалѣ черная нечисть живетъ. Охотники за перпой даже видѣли ее. Воображеніе работаетъ во всю на пустынномъ озерѣ среди его мрачныхъ и пустынныхъ горъ.

XXVI.

Туманъ здѣсь... Туманъ тамъ, гдѣ должны быть горы того берега. Что-то загадочное, мистическое. Въ туманѣ рождаются сѣрые ряды, медленно подвигающіеся впередъ. Присмотритесь,—это идутъ сибирскія войска. Ни устали ни недовольства. Теплые валенки, хорошіе полушубки. Народъ здоровый и сытый, непохожій на вырождающихся крестьянъ русской сердцевины. Изрѣдка вспыхнетъ пѣсня, и, точно назло туману, на васъ пахнетъ такою удалью, что невольно рисуешь себѣ, какъ такіе же богатыри—нѣсколько вѣковъ назадъ—ратною вольницею шли завоевывать это окоченѣлое безлюдье, богатую, но пустынную и молчаливую, ото всего свѣта заслонившуюся дѣбрями, тайгами, падыми Сибирь... Выступать изъ тумана—всколыхнуть его неподвижность, заронять вамъ въ душу что-то радостное, какую-то безотчетную восторженную лихость, точно вихремъ подхватятъ васъ, и опять тонуть въ клубахъ бѣлаго тумана. Вопль они еще видны, чуть намѣчаются, сплываются въ низкую линію и тонуть... Безлюдье и просторъ. Все умерло. Ничто живое не смѣетъ нарушать величаваго безмолвія окованной снѣговыми цѣпями природы... Нѣтъ... Опять раздался туманъ, опять выступила изъ его однообразнаго марева живая стѣна, опять вы слушаете:

Эхъ, по снѣгу, по сыпучему—
По лѣснымъ краямъ, бездолюшкѣ
Надвигается горе-силушка...

Неужели и тогда, когда складывалась эта пѣсня,—горе было силушкой? Народная бѣда подарила Россіи громаднѣйшій просторъ.

И пошла дальше.

Когда же эта сила станетъ радостью?..

XXVII.

До чего смѣшны на Байкалѣ казались все иллюстраціи, которыя наши русскія изданія заимствовали у иностранцевъ. Вы помните картины передвиженія нашихъ войскъ по бѣлому безлюдью громаднаго и мертваго зимою озера. Чего тутъ не было! Неслись лавою (противъ кого?) казаки съ пиками на страхъ врагамъ. Медленно шествовали верблюды и верхъ „чисто русскаго“—толстые кучера, вытягивая впередъ руки, управляли лихими тройками, а позади спина къ спинѣ сидѣли по двѣнадцати солдатъ въ невиданныхъ экипажахъ. По рельсамъ двигались вагоны *съ людьми*, при чемъ ихъ влекли за собою громадныя паровозы. Какой-то, кажется, иллюстраторъ англійскаго журнала, изобразилъ даже быковъ-яковъ, на которыхъ, весьма комфортабельно скрестивъ ноги, сидѣли звѣрообразные казаки. Недоставало только ковра-самолета. Въ дѣйствительности, разумѣется, ничего подобнаго. Рельсы были проложены, чтобы доставить на забайкальскую и восточно-китайскую дороги вагоны и паровозы—последніе въ разобранномъ видѣ. Ихъ везли лошади, и когда достаточное количество было перекинуто на ту сторону, кажется, двѣ тысячи вагоновъ и семьдесятъ паровозовъ,—рельсы уже во время моего переѣзда снимали за ненужностью...

XXVIII.

Какіе-то черные громадныя профили впереди.

— Что это?

— Сюда входить во время навигаціи транспортъ, передвигающій на ту сторону поѣзда.

Мрачно, но величаво размѣрами. Очевидно, все строилось на широкую ногу. Ледоколъ „Байкаль“ весь вдвигается сюда. Направо и налево цѣлыя стѣны, не теряющія ничего рядомъ съ этими горами кругомъ. Здѣсь—полузасыпанныя снѣгомъ, подернутыя суровой лѣсной порослью, круто обрывающіяся въ окованный льдомъ Байкаль, отчетливо отмѣченныя рвами, ущельями, рывинами... Стремнины изорваннаго, точно исписаннаго невѣдомыми письменами камня, ребра сказочныхъ чудовищъ, схороненныхъ подъ темною сѣнью оползней, хребты другихъ, точно натуживающихся каменными позвонками поднять эти суровыя горы... И за сорокъ верстъ впереди другія—всѣ ушедшія въ туманную лазурь, ровныя, безъ отмѣтинъ, точно на нихъ нѣтъ ни лѣса, ни утесовъ, ни ущелій. Гребни и здѣсь и тамъ причудливы, рѣзки. Великій художникъ, ваявшій ихъ, весь былъ въ порывѣ мрачнаго вдохновенія... Ни улыбки, ни мягкаго умиленія, ни радости. Все грозно—точно этими стѣнами онъ хотѣлъ разъ на цѣлую вѣчность оградить Байкаль отовсюду... Посреди стѣнъ—ровный, бѣлый ледъ... Синій въ углахъ, изломахъ, точно подернутый кобальтомъ тамъ, гдѣ его выперло снизу какими-то таинственными, въ глубинѣ недвижной воды схоронившимися силами. Эти бѣлые тона съ синими тѣнями ласкаютъ взглядъ, напуганный очертаніемъ береговыхъ стѣнъ... Вонъ далеко-далеко за гребнями *того* берега бѣлыя спокойныя вершины. Ихъ чуть различаешь въ этой безконечности. За ними—есть ли онѣ въ дѣйствительности, или только снятыя?—мерещатся какія-то царственныя очертанія еще выше, еще ближе къ небу и Богу...

— Неужели сорокъ верстъ до того берега?

— Считаемо сорокъ двѣ.

— Помилуйте, да тутъ и пяти нѣтъ.

— А вотъ поѣдете—увидите. Вы будете къ нимъ двигаться, а онѣ отъ васъ все дальше и дальше.

XXIX.

Поѣздъ останавливается вверху.

Спускъ внизъ точно въ громадную чашку, дно которой занято сотнями, если не тысячами пошевной. Картина, захватывающая васъ. Тамъ кипитъ жизнь. Ужь издали чувствуется движеніе. Ржаніе лошадей, окрикъ бурятъ-ямщиковъ, русскія крылатыя слова, отъ которыхъ у ѣхавшей съ нами дамы заболѣло подъ ложечкой, команда сторожевыхъ солдатъ, щелканье кнутовъ и что-то сплошное, неопредѣленное и огульное: въ немъ и дыханіе безчисленныхъ живыхъ существъ, и шорохъ полозьевъ, и шелестъ конскихъ хвостовъ, и пѣсни вполголоса, и удары копытъ въ слежавшійся снѣгъ, и неясное, смутное издали, не разберешь его, не поймешь, не разложишь на отдѣльные звуки. Буряты-носпльщики подхватываютъ нашъ багажъ, мы ихъ торопимъ, точно весь этотъ шумный базаръ уйдетъ отъ насъ куда-то. Бѣжимъ внизъ. Что это? Неужели лошади! Благородное животное, считающее своими родоначальниками Пегаса и Буцефала, что это люди и судьба сдѣлали съ тобою? Россинантъ почувствовалъ бы себя здѣсь монументомъ. Не кони, а щепки. Лохматые, грязные. Гдѣ голова, гдѣ хвостъ? И та и другой опущены одинаково. Ноги растопырены колесами. Боклевскій такъ рисовалъ гоголевскихъ чиновниковъ.

— Да развѣ на нихъ можно ѣхать?

— Сядешь—увидишь,—самоувѣренно смѣется бурятъ.

— Да они не сдвинуть саней.

— Вѣтеръ не догонитъ.

Этихъ-то каракатицъ?

Что-то совсѣмъ невиданное. Какія-то зоологическія карикатуры!

Мѣховъ, полушубковъ, одѣяль—сколько угодно. Желаете еще: изъ склада вамъ выдадутъ доху или двѣ. Хоть утоните въ теплѣ.

Сегодня, впрочемъ, не надо этого вовсе.

XXX.

Еще бы!

Мой спутникъ говоритъ мнѣ:

— А знаете, вѣдь Сибирь, это—гигантскій обманъ.

— То-есть?

— Какъ же, помилуйте! Что такое Сибирь? Холода, тайга и пельмени. Когда мы съ вами ѣхали отъ Челябинска до сихъ поръ, какой былъ самый холодный день? 6 градусовъ. А то стояли и такіе, что на солнцѣ было 15° тепла. Такъ? Тайга,—гдѣ ее вы видѣли? Проѣхали шесть тысячъ верстъ—и убѣдились, что тайга, напимѣръ, въ Парголовѣ гораздо болѣе сибирская. А пельменей мы съ вами спрашивали отъ Челябинска до Иркутска и въ Иркутскѣ повсюду,—и на насъ только тарачились. Это все равно, если бы вы спросили у Тѣстова ласточкиныхъ гнѣздъ. Гдѣ же Сибирь? Нѣтъ Сибири. Посмотрите кругомъ: тепло, ясно.

Дѣйствительно!

Воздухъ мягкій, ласкающій, точно тысячи невидимыхъ нѣжныхъ пальчиковъ чуть-чуть дотрогиваются до вашихъ щекъ. Какая чистота,—его пьешь. Градуса два, не больше,—а вѣдь еще мартъ посрединѣ,—значить, настоящая сибирская зима не сдалась и не сдастся долго.

Воздухъ такой мягкій и ласкающій, что праздничное радостное чувство проникаетъ въ грудь, и намъ всѣмъ вдругъ становится хорошо и весело на душѣ. Даль такъ прозрачна, просторъ Байкала такъ красивъ, синева ледяныхъ горъ такъ изящна,—смотришь и насмотришься не можешь. Не вѣрится, что вчера еще тутъ стоялъ сумрачный туманъ, а два дня назадъ по этому заманчивому и кроткому простору бѣсилась выюга, забиралась подъ полушубки солдатъ и остуживала ихъ ледянымъ дыханіемъ.

— Какъ хорошо!

Мы забыли, куда и зачѣмъ, на какую кровавую страду ѣдемъ. Все злое, грозное, мучительное отошло прочь. Насъ взяли въ свои мягкія объятія убаюкивающія опасенія и предчувствія, покой и тишина природы. Мать, ты сегодня хорошо настроена и ласкаешь насъ, своихъ дѣтей. На-долго ли?

XXXI.

Бурятъ что-то крикнулъ,—гоголевскіе чиновники рванулись впередъ. Что это? Откуда у зоологическихъ карикатуръ взялась эта удалъ, головы вытянулись, бѣлыя лохмы откинулись назадъ, колесомъ растопыренныя ноги забирали просторъ такъ, что мы невольно ахали.

— Говорилъ тебѣ, вѣтру не догнать, — оборачивается бурятъ.

— Правда! Да вѣдь онѣ ростомъ со щенковъ.

— У насъ всѣ такія.

Не прошло нѣсколькихъ минутъ, а между нами и берегомъ ужъ легъ бѣлый просторъ съ синими черточками. Громадная пристань со своими черными профилями все больше и больше припадаетъ къ землѣ. Кругомъ пустыня, и какая!.. Стелется по ней лихимъ вѣтромъ наша неприглядная тройка, глотають версты вдругъ ожившіе кони. Мы перегоняемъ эшелоны войскъ.

Одни за другими!

Бодро, стѣною идетъ пѣхота. Въ какую даль ушелъ ея развернутый фронтъ. Смотришь,—конца ему нѣтъ. И солдаты идутъ весело. Въ ушахъ такъ и звенить пѣсня. Уловилъ я двѣ строки:

Русскій Царь живетъ богато,—
Въ сапогахъ ведетъ солдата...
А японецъ...

На этомъ „японецъ“ мы ужъ вынеслись далеко, и чѣмъ солдатскій юморъ отмѣтилъ микадо—такъ и осталось мнѣ

неизвѣстнымъ. Вонъ другая колонна. Тутъ ужъ другой напѣвъ, то грустный, то крикливо-насмѣшливый:

Я соскучилась,
Перемучилась...
Отпусти меня домой...

И опять они далеко позади. А передъ нами все больше и больше раздвигается просторъ—бѣлый, съ синими пятнами просторъ Байкала. Оглядываюсь: солдаты мерещатся едва замѣтной линіей. Безлюдье.. Нѣтъ, вонъ впереди что-то чернѣетъ. Живо наши четвероногіе повытчики нагоняютъ артиллерійскій эшелонъ. Сытые русскіе кони медленно везутъ закутанныя въ футляры скорострѣльные орудія. Хобота ихъ откинута назадъ. Тяжелые зарядные ящики на высокихъ колесахъ. Что-то живое, грозное. Спокойно оглядываютъ насъ всадники. Солдаты пальцами показываютъ на нашихъ повытчиковъ, но тѣ живо обгоняютъ ихъ, чуть не сметая со льда снѣгъ своими висячими животами.

— Ай, да крысы!—смѣется мимо ѣдущій офицеръ на громадной, пожалуй, „вершка на три“, лошади.

Бурятъ скалить ему зубы, потомъ оборачивается.

— Они скоро своихъ лошадей продадутъ.

— Зачѣмъ?

— Нашихъ купятъ. Ихнимъ не выдержать. Куда ихнимъ.

И опять бѣлая пустыня. Задорно и звонко на всемъ ея просторѣ болтаетъ что-то веселое и ухарское нашъ колокольчикъ.

XXXII.

Посрединѣ этого пути черезъ Байкаль, за цѣлымъ рядомъ снабженныхъ телефонами теплушекъ, — ресторанъ, гдѣ всѣ проѣзжающіе непременно останавливаются, пьютъ чай, обѣдаютъ, завтракаютъ. Отсюда оба берега совершенно одинаковы; такъ же неясны ихъ тяжелыя массы и столь же рѣзко выражены причудливыя очертанія ихъ вершинъ. Около—баракы, гдѣ готовится теплая пища для проходя-

щихъ войскoвыхъ частей. Въ громаднхъ котлахъ гoтoвятся щи, на каждагo солдата при этoмъ полагаeтся большoй кусoкъ мясa, и кашa. Чай—изъ пожертвoванныхъ Сибирью цыбикoвъ. Меня мало интересoвала стoловая „Середина“, гдѣ грузины, прислуживавшіе пассажирамъ, объясняли: „У насъ для господъ даже шампанское есть“. Я пошелъ къ солдатамъ, уже совершившимъ двадцатидвухверстный переходъ, и нашелъ ихъ нисколько не уставшими. Многие были безъ валенокъ.

— Вы не получили ихъ?

— Такъ что получили, только не надо. И безъ нихъ тепло.

Имъ раздавали табакъ изъ пожертвованнаго.

— Вотъ только водочки нѣтъ.

— И слава Богу,—вмѣшался унтеръ-офицеръ.—По Рассеѣ везли—одно безобразіе. Это мужики соберутся округъ поѣзда на остановкахъ и давай угощать. Они отъ добраго сердца, а у меня народъ безъ заднихъ ногъ. „Вы, грядъ, за насъ помирать идете, такъ напоследокъ“. На дневкахъ совсѣмъ бѣда. Случалось такъ, что не сразу и соберешь солдатъ. Потомъ ужъ они догоняютъ. Поручикъ велъ эшелонъ, такъ даже заболѣлъ отъ этoгo самаго.

Какая разница между этими, слѣдовавшими изъ Россіи и настоящими сибиряками. Наши — мелки, блѣдны, узкогруды. Лица въ подтекахъ, — видно, было дѣло, дома до службы скверно ѣли и росли на тяжелой работѣ. Глаза застывшіе, и самое веселье у нихъ больше по командѣ: „пѣсельники впередъ“. Забьютъ въ бубенъ,—ну, поневолѣ ухарятся. Въ прошлую войну я ихъ называлъ оловянными солдатиками. Другіе ихъ окрестили „кирилками“. Эти кирилки великолѣпно дрались подъ Плевной у Скобелева и на Шипкѣ у Радецкаго. „Малъ золотникъ, да дорогъ!“ говорилъ про нихъ авторъ знаменитой фразы: на Шипкѣ все спокойно. Кирилка отлично отстаивалась на невозможныхъ позиціяхъ, шла въ штыки, выбивала аскеровъ изъ хорошо защищенныхъ редутовъ, — по все-таки оставалась кирилкой. Теперь за эти двадцать восемь лѣтъ она еще

больше начала походить на оловянных солдатиковъ. Какъ я уже говорилъ разъ, — вырожденіе центра сказывается въ этомъ христоролюбивомъ воинѣ. Зато сибиряки точно совсѣмъ другой породы. Рослые (на голову выше кирилки), съ обвѣтренными, здоровыми, мѣднокрасными лицами, изъ которыхъ скулы выпятились: нате де полюбуйтеся, какіе мы красавцы. Грудь—что твоя наковальня, а руки—не дай Богъ попасться въ нихъ въ недобрую минуту. Лапищи — точно они ихъ у каменныхъ Рамзесовъ заимствовали. Они и сами про себя говорятъ: „Наши томскіе—народъ серьезный: разъ ударить, а больше и не требуется“. Кирилка немного подслѣповата, а „серьезный народъ“ точно за двадцать верстъ куда-то смотритъ. „Медвѣди таежны!“ дразнятъ ихъ русскіе, но тѣ относятся къ этому равнодушно. „Намъ нельзя, потому что ежели мы размахнемся,—что отъ нихъ останется?“ Въ баракахъ на Байкалѣ эти таежныя медвѣди такъ наваливались на щи, что американскіе хозяева, по этому опредѣляющіе рабочую силу, сейчасъ же взяли бы ихъ къ себѣ. Кирилка—та деликатнѣе. Она больше „кашу обожаетъ“, только ей бы побольше масла. И о водочкѣ она вздыхаетъ трогательнѣе, точно соломенная вдова объ отсутствующемъ мужѣ. Многіе сибиряки ѣдутъ безъ полушубковъ: имъ, по ихъ чувствамъ, такая погода въ самый разъ, и полушубокъ имъ только въ тягость. Кирилка, несомнѣнно, храбрая, не прочь побахвалиться. Ей чортъ не братъ. Онъ тоже и сибиряку съ родни не приходится; но сибирякъ, знающій свою силу, спокойно молчитъ, а если и отвѣтитъ порой, такъ умно, коротко, истово, съ достоинствомъ. Намъ де вашего „молодцы, ребята!“ не надо, мы сами знаемъ себѣ настоящую цѣну.

Такими въ прошлую войну были казаки уральской сотни, дѣлавшей истинныя чудеса на Балканахъ и у Скобелева. Кстати, мнѣ вспомнилась она при очеркѣ этого перехода черезъ Байкаль. Въ слухахъ, доходившихъ о немъ въ Россію, было очень много преувеличеннаго. Чего-чего мы только не слышались въ Москвѣ и Петербургѣ.

Разумѣется, эшелоны шли не одинаково. Одни дѣлали это въ теплѣ, въ отлично приспособленныхъ вагонахъ; другіе, слѣдовавшіе не изъ центровъ и не по магистральнымъ линіямъ, должны были довольствоваться простыми вагонами, въ которыхъ были только прилажены печи. Эти и болѣли и обжигались. Подъ Иркутскомъ появился даже сыпной тифъ, но что это въ сравненіи съ прошлою нашею кампаніей 1877—1878 года. Вспомните цѣлые штабели замерзшихъ солдатъ, сложенные въ габровскомъ соборѣ, замерзшія роты 24-й дивизіи, занимавшія траншеи шипкинскихъ позицій, жертвы морозовъ на Шандоринкѣ. Во всякомъ случаѣ, теперь дѣло это организовано несравненно лучше. Далеко еще отъ идеала, но мы все-таки не потеряли даромъ времени, и печальные опыты прошлаго, очевидно, были приняты въ расчетъ.

XXXIII.

Гоголевскіе повытчики, немного отдохнувъ, понесли насъ такъ стремительно, что горы синѣвшаго впереди берега росли чуть ли не на глазахъ. Направо показались дровни съ рельсами, которые, за ненадобностью, снимались съ Байкала. Мы нагнали еще одинъ эшелонъ. Шли саперы. Отсюда до Танхой уже не встрѣтился никто. Звонили только колокольчики нашихъ троекъ, да раза два слышались, только далеко, выстрѣлы орудій. Ухо обманывалось: до такой степени тресканье льда было похоже на аханье стальныхъ жерлъ, скрадываемое разстояніемъ. На пути то и дѣло попадались обледенѣвшія, широко разлившіяся намоти, какъ ихъ здѣсь называютъ. Это — вода, вышедшая въ трещину и замерзшая.

Пошевни стрѣлою скользили по такимъ мѣстамъ.

— А здѣсь не случается несчастій?

— Всяко бываетъ.

— И тонуть?

— Отчего нѣтъ... Только отъ проѣзжихъ намъ больше горя.

— Какъ такъ?

— Недавно барыня ѣхала. Съ чего это ей показалось, что ямщикъ ее ограбить и убить хочетъ, Богъ ее знаетъ. Онъ стороной взялъ,—намотъ миновать, еще не окрѣпла, того и гляди, и сани и кони въ Байкаль бы ушли. А она изъ револьвера какъ ухнетъ, только мы его и видѣли.

— Какъ, безъ причины? Не могло этого случиться. Ты что-то путаешь.

— Нашъ буряты былъ. Мы его всѣ знаемъ. Мы вѣдь не отъ себя. У насъ есть хозяева. Они и держатъ этотъ перевозъ. И барыня-то съ испугу это. Дѣти у нея, такъ при дѣтяхъ и погубила человѣка.

— А изъ ссыльныхъ здѣсь нѣтъ ямщиковъ?

— На Байкалѣ не видать. Можетъ, по другимъ мѣстамъ. Гдѣ же ихъ узнаешь. Только перевозъ здѣсь строго держать. Еще разъ ухнуло вдали.

— Вода идетъ.

Странны эти удары,—глухіе, но слышные по всему простору озера въ его недвижной и безмолвной пустынѣ. Что-то зловѣщее въ нихъ. Невольно сторожишься и ждешь. Вонъ ледъ весь исковеркало. Ребрами подняло и торчкомъ поставило. Это все та же внезапно всколыхавшаяся глубина надѣлала.

Небо поголубѣло. Облачка, затянувшія его съ утра, расходились. Солнце скоро обдало всю эту гладь своимъ живописнымъ свѣтомъ. Заблистали ледяные изломы, синь въ нихъ стала совсѣмъ сапфирной... Кое-гдѣ лучи насквозь проникали ихъ, и глазъ не могъ оторваться отъ этой красоты... Вонъ такіе же черные профили пристани.

— Танхой.

Отсюда начиналась Забайкальская дорога, самое болѣе мѣсто сибирскаго пути. Плохо выстроенная, скверно содержимая,—она не можетъ никакъ справиться съ новыми требованіями военнаго времени. По ней до станціи „Манджурія“ еще ходятъ поѣзда, почтовые и пассажирскіе, но часы ихъ совершенно измѣнены. Все стало случайно. Ходъ опредѣляется не графікомъ, а движеніемъ военныхъ эшелоновъ.

— Когда мы будемъ въ Читѣ?

— По расписанію, послѣзавтра. Только едва ли!

— Почему?

— Вчера туда доѣхали на пятый день отъ Иркутска. Дорога поспѣть не можетъ.

Тутъ собираются доставленные съ той стороны черезъ Байкаль локомотивы. Говорятъ, что нѣкоторые были такъ разобраны, что ихъ поставить будетъ стоить и долгого времени и крупныхъ расходовъ.

XXXIV.

Нельзя себѣ представить, до какой степени на этомъ долгомъ пути солдаты цѣнили каждую случайно попавшую къ нимъ въ теплушку книгу. На многихъ этапахъ я слышалъ:

— Всего надавали: и табаку, и чаю, и сахару. Даже бальмовство было. (Мнѣ вспомнилось при этомъ пожертвованіе шоколада и печеній на проходящіе мимо эшелоны.) А вотъ о книжкѣ никто не подумалъ. А намъ книжка теперь дороже дорогого. Какія у офицеровъ были—всѣ намъ отдали.

Переѣзды долги. Запрутъ теплушку извнѣ—и точно ото всего міра заслонятся. Въ первые дни переговораютъ все, смотришь, потомъ и не о чемъ! А впереди еще, по крайней мѣрѣ, мѣсяць такой дороги. Спать день и ночь. Пухнуть отъ этого, а потомъ, смотришь, и спать нельзя. Нѣту сна совсѣмъ. Свѣчи выдаются, при мерцаніи ихъ грамотные почитали бы, коротая скучный досугъ. Каждая книжка здѣсь вызываетъ общее оживленіе. Солдатики возбуждаются, спорятъ, особенно, если дѣло идетъ о войнѣ. Тутъ вѣдь самый живой интересъ.

Одинъ саперный солдатъ говорилъ:

— Только бы не сказки, а что-нибудь настоящее, такое, которое бываетъ. Насъ касающее... Сказки-то мы всѣ знаемъ, пожалуй, и сами наизусть ихъ можемъ...

Грамотныхъ вѣдь теперь, несмотря на тяжелыя условія русской жизни, куда больше. Широкими полосами свѣта школа врывается въ народную темень, даже такая, какая есть у насъ. Прежде солдатъ выучивался читать и писать, поступая на службу,—въ ротѣ; теперь онъ часто знаетъ это дома, и съ нимъ офицеру приходится уже идти далѣе. Книжка ему теперь уже сдѣлалась не роскошью, а необходимостью. Въ самомъ дѣлѣ, представьте себѣ эти безконечные часы, дни и недѣли въ запертыхъ теплушкахъ. Медленно идетъ поѣздъ, медленно громяютъ колеса на рельсахъ. Вдругъ остановится у семафора—путь занятъ, и отдыхаетъ часъ, два, три. Изъ теплушки дѣваться некуда, говорить не о чемъ,—все пересказано, пѣсни перепѣты, да и надоѣли,—онѣ обратились въ нѣчто служебное, по командѣ. Отъ безотвязныхъ думъ дѣваться некуда, а наши издатели ничего не послали! По крайней мѣрѣ, нагнавъ и пропустивъ около сотни воинскихъ поѣздовъ, я не видѣлъ у солдатъ ни одной пожертвованной книги.

Часто, впрочемъ, и грамотный солдатъ бываетъ наивенъ и несообразителенъ, если ему приходится имѣть дѣло съ незнакомымъ начальствомъ. На одной изъ остановокъ бригадный командиръ вздумалъ экзаменовать солдата. Все шло благополучно, пока въ голову его превосходительства не пришелъ остроумный вопросъ:

— Какъ зовутъ полкового командира?

Отвѣчено.

— Ну, а въ какомъ чинѣ полковникъ?

— Такъ что...— и на лицѣ у солдата полное недоумѣніе.

— Понимаешь? Въ какомъ чинѣ полковникъ?

У солдата потъ на лбу. Весь красный, видимо, натуживается сообразить, въ чемъ дѣло.

— Ну, поворочай мозгами: твой полковой командиръ полковникъ?

— Точно такъ, ваше превосходительство.

— Въ какомъ же онъ чинѣ?

— Такъ что, генераль-майоръ, ваше превосходительство.

Бригадный командиръ отмахнулся и пошелъ прочь.

XXXV.

Голубья Саяны, таинственная глубь едва намѣченныхъ ущелий, чистое небо,—совсѣмъ не узнать недавней плоской и скучной Сибири. Вонъ въ сторонѣ хорошенькій издали Верхнеудинскъ. На станціяхъ китайцы, буряты—все уже не наше, не русское. Даже недавніе переселенцы уже коверкаютъ языкъ, стараясь быть понятными прочно осѣвшему здѣсь чужаку или коренному узкоглазому и широкоскулому хозяину страны, что-то въ послѣднее время чувствуящему себя нехорошо. Угрюмо смотритъ онъ на васъ, и заговори съ нимъ—начнетъ сейчасъ же жаловаться на тѣсноту, волокиту и нажимъ. Что-то пришло откуда-то—тучей обволокло спокойные бурятскіе улусы и, не справляясь съ ихъ нравами, привычками, потребностями,—давай по-своему перестраивать чужую жизнь. Вонъ казаки-буряты. Эти тоже сумрачны. Одинъ хорошо говоритъ по-русски. Оказывается, былъ въ школѣ. Я сталъ его расспрашивать. „Обижаютъ насъ. Мы по правдѣ служили. За русскихъ стояли вездѣ. Поѣзжай въ Монголію—вездѣ, гдѣ былъ буряты, и монголы любятъ васъ, считаютъ своими защитниками.. А теперь!..“ И онъ, не продолжая, круто обернулся и пошелъ прочь со станціи. Тяжело говорить человѣку—все равно своей бѣды не избыть и не поправить. Это у насъ, у русскихъ,—отъ избытка сердца уста глаголятъ, у инородца—напротивъ. Онъ дѣлается молчаливѣе, только глаза сверкаютъ да по мѣдно-красному лицу бѣгутъ какія-то тѣни. Зато невольно чувствуется, что внутри, въ душѣ его зрѣтъ что-то. Кипитъ тамъ сдавленное снаружи чувство, нарастаетъ грозный гнѣвъ и сознание незаслуженной обиды мутитъ голову..

Вонъ темныя и неприглядныя постройки Петровскаго завода, забитый извнѣ домъ декабриста Волконскаго. Отсюда—въ тогдашнюю сибирскую темень и мракъ лились лучи свѣта. Глазъ не могъ оторваться отъ этихъ суровыхъ горъ и бѣдныхъ понизей. Какіе люди жили и работали

здѣсь при самыхъ невозможныхъ условіяхъ!.. Низко поклонитесь имъ въ послѣдствіи грамотная и просвѣщенная Сибирь за первыя сѣмена просвѣщенія, брошенныя изгнанниками въ неблагодарную, повидимому, землю холодной чужбины.

XXXVI.

А тутъ разсказъ и о другой Волконской.

У этой съ декабристами ничего общаго, кромѣ княжескаго титула, но утраченнаго за нехорошее, злое дѣло. Ее зналъ здѣсь въ Сибири, уже старухою, г. Маркевичъ, не разъ спасавшій нѣкогда большую барыню отъ мелкой чиновничьей тли, поѣдомъ ее ѣвшей среди общаго безправья. Когда-то она считалась одною изъ красивѣйшихъ женщинъ. При дворѣ императора Николая I за нею ухаживали, писали ей стихи, безумствовали, но... крѣпостное право создавало особенные характеры. Эта заласканная, избалованная львица, которой все улыбалось, изъ ревности „заутюжила“ до смерти свою горничную. Дѣло было такъ ужасно, что и стоялое болото тогдашней русской жизни всколыхнулось. По повелѣнію государя, княгиню—сѣверную звѣзду, какъ ее называли поэты,—сослали сперва въ каторгу, а потомъ поселили здѣсь навсегда. Сначала ее дома помнили. Она получала большія деньги. Большія скоро стали обыкновенными, а обыкновенныя обратились въ маленькія. Близкіе ей люди вымирали или забывали ее, и, наконецъ, притокъ средствъ изъ Россіи совсѣмъ оборвался. Когда-то рослая и сильная старуха осталась безпомощной, сохранивъ только воспоминанія о миновавшемъ блескѣ да манеры, которыми она славилась при дворѣ.

— Я умирать все-таки не хочу... Есть небо надо мною и солнце на небѣ... Если меня оставили,—постараюсь сама отбиться отъ нищеты... А придетъ смерть,—пусть застанетъ меня на ногахъ.

Эта большая барыня, заутюжившая когда-то любимую горничную, заняла хибарку на краю глухого сибирскаго

села, собрала къ себѣ деревенскихъ дѣтей и стала ихъ учить грамотѣ. Этимъ и жила. Съ утра до ночи не складывала рукъ. Ей никто не помогаль. Свое убогое жилье она держала въ порядкѣ и прїѣзжавшихъ къ ней удивляла тонкими, сохранившими еще былую красоту, чертами лица и безукоризненно изящнымъ французскимъ языкомъ.

Разъ утромъ сюда прїѣхаль священникъ.

Княгиня пошла къ нему исповѣдаться.

— Я скоро умру... Дуня ко мнѣ приходила... Та самая, которую я...

Священникъ поняль, что дѣло идетъ о заутюженной ею женщинѣ.

— Ну, что жь... Хорошее дѣло.

— Теперь я могу причаститься. Она меня простила... Поцѣловала меня и говорить: скоро и тебѣ полегчаетъ. Будемъ вмѣстѣ... Богъ съ тобою.

Съ крестьянами она была неизмѣнно ласкова, но мелкаго сибирскаго чиновника ненавидѣла, и тотъ ей платилъ такую же монетой. Единственною радостью для старухи были посѣщенія г. Маркевича. Тотъ, бывало, прїѣдетъ къ ней «съ гостинцами», отъ которыхъ она давно отвыкла, и хотя немного, да отогрѣеть вѣянїемъ иного, безвозвратнаго міра несчастную женщину...

Отъ нея все кругомъ хоть немного, да причастилось свѣту.

Въ деревнѣ, гдѣ она жила, вся молодежь выросла, зная грамоту.

— У кого ты учился?

— У нашей княгини.

Лишенную всѣхъ правъ сибиряки продолжали звать «нашею княгиней».

XXXVII.

Культурные уголки среди одичалыхъ пустырей всегда производять особенное впечатлѣніе. Какъ бы наивны они ни были, но невольнo трогаютъ васъ. Вотъ, на примѣръ,

станція „Яблоновая“... Кругомъ дичь и глушь. И равѣ и послѣ—ни лѣсинки. Все жутко, безпріютно, мрачно. И люди и природа хмурые. Есть такіе піонеры, что говорить разучились въ вѣчномъ безмолвіи сибирскаго захолустья. Одинъ на одинъ съ грозною природой, которая ничего не даетъ даромъ. Каждый кусокъ хлѣба нужно отнять у нея. Въ вѣчной борьбѣ этой грубѣтъ человекъ, и какое золото ни носи въ душѣ, а оно у него такую корою покроется—тверже кварца. Поди, достучись киркою и молотомъ. И вдругъ нашъ поѣздъ подходитъ къ чему-то свѣтлomu, ласковому, нѣжному, какъ смутное воспоминаніе о далекомъ югѣ. У станціи разбитъ садикъ. Каждое дерево окопано—видимо, холить его опытная рука... Бесѣдки... Оранжерея... Часовня... И все это, ясно, создалось на маленькія средства. Просто, дешево, и тѣмъ еще болѣе трогательно... Вся гора надъ станціей покрыта дорожками съ перилами, вверху—что-то въ родѣ метеорологической станціи. Въ полугорѣ большая бѣлая изба.

— Что это у васъ?

— Театръ.

Я невольно попятился.

— Какъ театръ?

— Играемъ. Я, жена, служащіе.

Всматриваюсь въ пачальника станціи Соколовскаго. Онъ изъ Харькова. Вотъ вѣдь не растерялся же среди безлюдья и молчанія сибирской тайги, не опустилъ рукъ.

— А кто же васъ слушаетъ?

— Сибирячки, „публика“...—улыбается онъ.

— А это что у васъ въ саду?

— Фонтанъ устраниваю... А тутъ вотъ у меня газокалильный фонарь.

— Вамъ отпускаютъ на это деньги?

— Помилуйте, какія же! Забайкальская дорога только что построилась. До того ли? Такъ, самъ справляюсь... Вотъ теперь буду устранивать бібліотеку... школу.

Въ маленькой оранжереѣ растутъ овощи, которые иначе не родила бы здѣшняя почва...

Черезъ нѣсколько лѣтъ, когда эти деревья возмужаютъ, облиствѣютъ, цвѣтники покроютъ пустырь кругомъ, „Яблонная“ сдѣлается культурнымъ центромъ, несомнѣнно. Можетъ-быть, самого Соколовскаго не будетъ, но дѣло его останется. Подымутся радостные всходы,—никто изъ тѣхъ, кто залюбуется ими, даже и не спросить, какъ пахарь бросилъ сюда первое сѣмя!..

XXXVIII.

Военный поѣздъ остановился гдѣ-то на третьемъ пути.. Солдатики жмурятся на солнце, пригрѣвшее сегодня всю эту окоченѣлую пустыню. Кое-гдѣ слышится гармоника.

— Эхъ ты, Боже мой.. Ни садочка ни хуторочка..

— Тебѣ бы, хохлу, все садочки.

— Землѣ безъ убора быть не годится,—вмѣшивается третій.—На то Богъ цвѣтокъ и травку создалъ, чтобы мы всѣ на нихъ любовались.

— Сказано—чужая сторона.. И люди тутъ на звѣрей похожи.

— Душа-то одна.

— У китайца, сказываютъ, души нѣтъ. Его, какъ зайца стрѣлять можно.

Послышалась тихая грустная пѣсня.

Началъ ее хохоль. Сѣлъ въ сторонкѣ и точно плачетъ ею по далекой, счастливой родинѣ.

XXXIX.

Живая, вся такъ и кипящая военною суетой, звоня во всѣ свои колокола (былъ праздникъ), Чита осталась позади. „Весь Петербургъ“—гвардейцы, слѣдовавшіе въ восточно-сибирскіе полки, простились съ нами. Славная молодежь—вся въ жаждѣ подвига и настоящаго боевого дѣла. Сколько вечеровъ мы провели вмѣстѣ на этомъ томительно медленномъ поѣздѣ! Дѣлились своими надеждами, воспоминаніями объ оставшихся позади дорогихъ и близкихъ лю-

дяхъ, горечью разлуки и предстоящею радостью свиданія, перечитывались письма, набрасывались и отсылались телеграммы, въ миражахъ рисовали себѣ, какъ онѣ будутъ получены и прочитаны—далеко-далеко отсюда. Только и слышалось: „Когда я вернусь, когда мы вернемся!“ А я, умудренный горькимъ опытомъ прошлаго, представлялъ себѣ такихъ же здоровыхъ, цвѣтущихъ, блестящихъ людей, когда-то, двадцать восемь лѣтъ тому назадъ, ѣхавшихъ навстрѣчу осуществленной боевой легендѣ... Не прошло тогда и года,—и какъ мало уже пришлось встрѣтить ихъ за Балканами! Еще меньше я нашелъ въ Россіи потомъ. Далекія могилы—сколько упованій, вѣры въ яркое марево будущаго, честолюбія, героизма, радости и горя легло подъ ваши высокіе холмы... Кто-то уцѣлѣветъ изъ этихъ паладиновъ счастливой, но обманчивой грезы... Кто возьмется рассказать о ней, кого пощадитъ эта безпощадная, черная пасть свѣже-вырытой ямы,—слѣпой и глухой, поглотившей уже столько красоты, силы, счастья... Далекія братскія могилы,—почему никто не написалъ вашей исторіи? Одна вьюга отпѣваетъ васъ да осенніе дожди плачутъ надъ вашими забытыми крестами. Когда вслѣдъ мнѣ раздавалось веселое, беззаботное „до свиданія“, я невольно всматривался въ эти розовыя лица и ярко, беззавѣтною смѣлостью горячіе глаза и отвѣчалъ имъ: „прощайте!“ Далекія-далекія братскія могилы!..

XL.

Что за безотрадный край! Когда на школьной скамьѣ я заучивалъ сухія и ничего не говорящія воображенію названія „Гоби или Шамо“ и старался представить себѣ эти степи,—они являлись мнѣ все-таки не столь ужасными, какъ эти начинающіяся въ Дауріи и пропадающія въ Монголіи бесплодныя плоскія солончаковыя пространства. За красивою Ингодою скоро начинаются они, пустынные, съ рѣжущими глаза прослоинами соляныхъ озеръ, съ жалкою прошлогоднею порослью, которую то и дѣло срываетъ вѣ-

теръ и несетъ передъ собою. Цѣлыя тучи перекати-поле мчатся рядомъ съ поѣздомъ, то обгоняя его, то застревая въ рывинахъ... Какіе-то сорванные съ сожженныхъ еще лѣтомъ стеблей сухія звѣзды, сухіе клубы перепутавшихся былинокъ... Бѣшено по всей этой неогляди носится сумасшедшій вѣтеръ—воетъ позади, реветъ что-то злобное и дикое нашему паровозу, точно хочетъ перекричать свистки одурѣвшаго машиниста, клубами взрываетъ соль и кутаетъ ею испуганный поѣздъ, срываетъ съ выпуклинъ песокъ и точно бичами подгоняетъ его сплошныя, сыпучія и зыбучія стѣны... Ни лѣсинки кругомъ. Изрѣдка изъ-за этихъ песчано-соляныхъ занавѣсей, колеблющихся впереди и позади, выступаютъ медлительные, важные верблюды... Истово, вытягивая свои длинныя шеи, они провожаютъ нашъ поѣздъ и теряются гдѣ-то въ глубинѣ этой проклятой Богомъ пустыни. Вонъ юрта; никто оттуда даже и не вышелъ взглянуть на насъ. Не вымерли ли и тамъ люди, или блескъ и вихрь этой пустыни пугаютъ ихъ. Лѣтомъ здѣсь все желто впризу и темно-сине вверху. Тутъ испуганное воображеніе должно было видѣть не свѣтлыхъ ангеловъ, а именно злобныхъ драконовъ съ ихъ завитыми хвостами и растопыренными когтями цѣпкихъ, ужасныхъ лапъ. Змѣиные языки изъ огнедышащихъ пастей... Горящіе ненасытною злобою глаза. Драконъ, должно-быть, родился здѣсь и черезъ Монголію перешелъ въ Китай. Трое сутокъ мы ѣхали по этому страшному краю. Выходя на остановкахъ, мы падали подъ вѣтромъ. Точно чьи-то громадныя холодныя ладони упирались намъ въ грудь и опрокидывали навзничь. И все кругомъ стонало, выло, плакало, грозило,—Вальпургиева ночь среди солончаковой глади. Гоби или Шамо незамѣтно переходитъ, такимъ образомъ, въ сѣверную Манджурію, такую же безотрадную... Среди сплошной пустыни затерялась и станція „Манджурія“, пріобрѣвшая недавно такую печальную извѣстность.

Мы простояли здѣсь нѣсколько часовъ. Пересадка—пассажирскіе и почтовые поѣзда здѣсь останавливаются. Дальше васъ отправляютъ „по мѣрѣ возможности“. Прицѣпять

вагошь къ воинскому поѣзду, и вы слѣдуете съ нимъ. По-счастливится вамъ—вы простите здѣсь, какъ мы, недолго. Нѣтъ—потеряете среди пустырей два-три дня... Тутъ расписание не дѣйствуетъ. Васъ везутъ когда и какъ могутъ. Вы чувствуете себя только терпимымъ и сами понимаете, что иначе и быть не можетъ. Все надо очистить для быстрого передвиженія войскъ. Громадная машина съ чудовищными зубчатыми колесами, широкими, безконечными проводами, какими-то гигантскими молотами работаетъ кругомъ. Что вы рядомъ съ нею?

XLI.

У военныхъ прекрасный обычай.

Попадите въ вагонъ, гдѣ сидятъ офицеры:

— Позвольте представиться!.

Черезъ нѣсколько минутъ все знакомо, и начинается общій разговоръ. Время уходитъ такимъ образомъ, а его впереди много.

Въ одномъ изъ купе пѣли.

Мы вышли въ коридоръ. Чудесные голоса, великолѣпные южные мотивы. Гдѣ я ихъ слышалъ? Господи,—такъ и пахнуло на меня свѣжею прохладою лѣсистыхъ горъ, теплою ласкою кавказскихъ долинъ. Да вѣдь это терскія пѣсни. Какъ онѣ залетѣли сюда—чудныя птицы далекаго и прекраснаго юга?

„Дочеричка-невеличка,
Съ вишневаго саду,
Кличе казакъ дивчивеньку
Соби на порадѣ.
Порадь мини, дивчиповька“...

выводилъ высоко сильный голосъ. Другіе подхватывали его, и вольный напѣвъ благословеннаго края, раскинувъ свои яркія крылья, смѣло посылся въ манджурскую ночь. Поѣздъ еще стоялъ. Пѣсня слышалась далеко; рядомъ на платформѣ стоялъ казакъ. У него по лицу текли слезы.

— Что съ тобою?

— Гарно спивають. Наша это, козацька!..

Тоже пахнуло далекою, милою родиною. За десятокъ тысячъ верстъ подала она свой ласковый голосъ уходившему на чужбину умирать сыну...

— Кто это поетъ?

— А казацкіе офицеры провожаютъ товарища...

Когда поѣздъ долженъ былъ отойти, оттуда вышла красивая казачка, одѣтая по-мужски. Она слѣдовала за мужемъ на войну. Черный чекмень отлично облегалъ ее стройную фигуру. Лихо была заломлена папаха и точно для нея оказалась выдуманною кавказская бурка.

— Совсѣмъ казакъ!

— Прощайте...

— До новой встрѣчи.

— А ну-ка для проводовъ. Князь, запѣвай.

Экій красавецъ этотъ князь! Подбоченился, сбиль папаху на затылокъ, сверкнулъ на насъ глазами:

„Пусти жъ мнѣ, полковничекъ,
Поскорѣй до дому,
Я соскучилась...
Перемучилась“...

Поѣздъ тронулся, и пѣсня замираетъ уже на станціи. Мы стоимъ, боясь пропустить ея послѣднія отзвучія.

— Позвольте представиться: войсковою старшина такой-то.

— Сотникъ...

Вагонъ обращался во что-то родное, близкое. Всѣ его пассажиры, случайно закинутые въ него судьбою, дѣлались одной семьей.

XLII.

Мы прицѣпились ко второй сотнѣ Аргунскаго казачьяго полка.

Ее никто не называетъ „второй“. Она вездѣ извѣстна подъ именемъ „Волчьей“ сотни.

— Здорово, волчата!—привѣтствуетъ ихъ генераль Ренненкампфъ, дѣлавшій съ ними свой походъ здѣсь же.

— Э, волки, давно ли?—окликають офицеровъ этой сотни офицеры пограничной стражи.

— Объявить „Волчьей“ сотнѣ то-то и то-то...—распоряжается на остановкахъ командиръ.

— Командиръ „Волчьей“ сотни!—рекомендуютъ вамъ молодого, привѣтливаго офицера.

Почему „Волчья“, почему волки?

Такъ ихъ окрестили въ китайскомъ походѣ, такъ это осталось за ними.

— Ты какой сотни?—спрашиваетъ ѣдущій съ нами генералъ попавшагося ему навстрѣчу казака.

— „Волчьей“, ваше п-во.

И считаетъ себя правымъ, точно другого имени у нихъ и нѣтъ.

— Почему же васъ окрестили волками?

— Спросите у китайцевъ, у ихъ генерала Ма...

Офицеры хотятъ, чтобы это навсегда осталось за ними.

По старому казацкому обычаю, сами себѣ сдѣлали бунчукъ. Знакомыя дамы украсили его лентами, моряки подарили съ „Цесаревича“ ленту, на которой знаменитый итальянскій маринистъ Presto нарисовалъ имъ этотъ броносецъ. Отдавая это „на бунчукъ“, моряки завѣщали: „Отомстите, волки, за насъ японцамъ“.

— Есть!—отвѣчали эти, входя въ морскіе обычаи.

Въ Читѣ бунчукъ показался сотнѣ неполнымъ.

Позвали казака-охотника:

— Чтобы къ вечеру былъ волчій хвостъ.

— Тотъ вернулся съ двумя убитыми животными. Теперь волчьи хвосты красуются на бунчукѣ на самомъ верху. Товарищи-станичники, атаманы привязывали къ нему ленты, георгиевскіе кавалеры перехватывали ихъ своими ленточками. Каждый старался оставить память „Волчьей“ сотнѣ.

И пѣсни у нихъ особья.

Утромъ слышу такую. Отъ cadaго звука вѣтъ удалью. Такъ и уносить васъ въ легендарную былъ славнаго Запорожья. Что-то старое, знакомое, далекое опьяняющимъ паромъ подымается въ груди.

— Что это?

— Наша пѣсня. Только „Волчья“ сотня и поетъ ее.

— Кто придумалъ мотивъ?

— Сами казаки подобрали...

„Волчья сотня Аргунскаго полка,
Васъ я не забуду до смерти пикогда.
Слышится ржанье и топотъ копытъ,
Волчья сотня въ развѣдку спѣшить.
Много далекихъ нарыто могилъ,
Имъ не умѣрить казацкій нашъ пылъ.
Свищутъ ли пули, шашки звенять—
Волки съ врагами въ бою говорить“...

Надо было видѣть ихъ лица.

Какъ все это далеко-далеко отъ недавней мирной были, когда всѣ эти впечатлѣнія казались отошедшими чуть ли не въ средніе вѣка.

XLIII

Пасху встрѣтили въ поѣздѣ съ „Волчьей“ сотней. Разговлялись въ купе. Молодежь сначала была грустна, — у всѣхъ дома теперь семейный праздникъ. Невольно мысль уходила въ оставленное позади. Но казаки живо развеселили всѣхъ. Черствые куличи, старыя яйца, окаменѣвшія пасхи были уничтожены быстро. Въ круговую шла большая серебряная чаша, подаренная аргунцамъ Портъ-Артуромъ. На ней всѣ нацарапали, какъ могли, свои памятки.

Въ вагонахъ для солдатъ тоже шло веселье. Пѣли, плясали. Казакъ Илья Раменскій, молодецъ и въ бою и въ выпивкѣ, сугубый георгиевскій кавалеръ — забрался на лошадь и просидѣлъ на ней весь день, и на ходу поѣзда и на стоянкахъ.

— Слѣзай! Что ты?—убѣждали его.

— Такъ что никакъ нельзя.

— Почему?

— Казакъ такой праздникъ долженъ въ сѣдлѣ быть.

Это тотъ самый Илья Раменскій, который, узнавъ, что въ осажденномъ нами городѣ отличное вино, — пробрался

туда, разбилъ китайскій кабакъ и благополучно выбрался съ нѣсколькими бутылками въ рукахъ—ему хотѣлось пить на легкомъ воздухѣ. Такъ и нашли Илью спящимъ съ пустою посудой кругомъ, на какомъ-то холмѣ, подъ непріятельскою крѣпостью. Потомъ онъ привелъ нашихъ къ городу и указалъ лучшія мѣста для наступленія. Нанвная особа и удивительный врагъ. „Илюшка“, какъ его называютъ здѣсь,—отличный развѣдчикъ. Куда ни пошли, онъ все высмотритъ, узнаетъ, найдетъ, по пути напьется, но, вернувшись въ назначенный ему срокъ, дастъ обо всемъ точный отчетъ. Шутя ему поручили добыть свѣдѣнія о нашемъ поѣздѣ, кто, куда и зачѣмъ ѣдетъ. Къ вечеру, никого не спрашивая, онъ доставилъ ихъ. Я, оказываюся, направляюсь въ Манджурію „для военнаго письма“; ѣхавшій въ другомъ вагонѣ—предприниматель „для капитала“; армянищъ съ громаднымъ кинжаломъ, похвалявшійся зарѣзать всѣхъ японцевъ, по остроумному опредѣленію Раменскаго, „вѣрно, кабакъ откроетъ“; только и спасовалъ онъ передъ слѣдовавшей къ мужу дамой. Противъ ея имени значилось: „для неизвѣстнаго употребленія“...

XLIV.

— Какъ васъ встрѣчали въ пути?

— Всего хуже казаки, свои... Привыкли. Да и кромѣ того, станичные атаманы говорили: у насъ такого обычая нѣтъ, чтобы привѣчать... Хорошо — буряты, но лучше всего—тунгузы. Народъ богатый, избы у нихъ изъ кондоваго лѣса, широко строены. На околицы выходили: милости просимъ!.. А какъ въѣдемъ — смотришь, у нихъ въ большихъ котлахъ чай кипитъ. Всего наварено и нажарено. Ъшь — не хочу. Сейчасъ же наши казаки подружились съ ними.

Дѣло въ томъ, что сотня шла до Манджуріи верхами и только здѣсь сѣла на желѣзную дорогу.

— Развѣ это походъ?—презрительно отзывались о вагонахъ казаки.—Въ теплѣ да въ холѣ. Такъ и лошадей больше

спортятъ. Толкаетъ, трясеть машина—конь и осѣдаетъ на ноги. Особенно который спиной къ ней стоитъ. Ишь какъ она...

Локомотивъ въ это время дернулъ, и мы полетѣли другъ на друга.

— Коню пагуба. А тамъ бы походомъ — вольнымъ вѣтромъ обдувало, вездѣ тебѣ просторъ—глазъ Богъ знаетъ куда видитъ...

— Холодно?

— Мы—сибирскіе, намъ холодъ—дѣло привычное. Это русскимъ въ диковину. А мы въ морозы ѣздимъ—ничего.

Дѣйствительно, мнѣ рассказывали впоследствии, что сибирскія войска даже и въ тридцатипятиградусные морозы дѣлали переходы по Уссурійскому краю вполне благополучно.

— Вонъ энтому на походѣ нудно. — И казакъ, смѣясь, указалъ на переваливавшагося толстяка-офицера. — На стоящій картофельный складъ.

— Извѣстно, пѣхота.

И Илья Раменскій презрительно сплюнулъ въ сторону, но когда „картофельный складъ“ поравнялся съ нами, казакъ вытянулся, приложился къ папахѣ и умеръ...

XLV.

Тутъ ужъ идутъ безпокойныя мѣста.

По дорогѣ направо и налево то и дѣло разъѣзды „пограничниковъ“. Часто они быстро направляются въ стороны къ деревнямъ, чуть мерцающимъ вдали. Это китайскіе поселки. Гдѣ-то стелется по землѣ сѣрое дымье, — несомнѣнно, пожаръ.

— Что тамъ?

— Хунхузы.

— Туда и разъѣзды ѣдутъ?

— Еще жъ бы...

— Да вѣдь не успѣютъ.

— Ну, хоть поугають издали.

— Превжняя охрана дороги—Богъ знаетъ изъ кого набиралась,—по многимъ изъ нихъ Сахалинъ плакалъ, да зато же и бравый народъ былъ. Ничего не упустили. Бывало, въ какую щель хунхузъ ни забьется,—они его настигнуть и выволокутъ. Отчаянный народъ шелъ въ охранники. Положимъ, они и мирныхъ, случалось, грабили, но въ бою, въ набѣгѣ равныхъ имъ не было. Теперь не то... Пограничники—казенное дѣло дѣлають. Уйдуть отъ нихъ хунхузы,—не печалются.

А хунхузы здѣсь ужъ даютъ себя знать.

Несмотря на массы войскъ, проходящихъ мимо, то и дѣло изъ близкой Монголіи пробираются сюда ихъ шайки. Одна обереть и сожжетъ деревню, другая вырѣжетъ манзъ въ одинокой фанзѣ. Вчера ихъ видѣли около,—они неслись на своихъ крошечныхъ лохматыхъ лошаденкахъ вихремъ прочь отъ дороги,—на русскій развѣздъ наткнулись, оставили по пути двухъ убитыхъ, а раненыхъ они захватываютъ съ собою. Третьяго дня изъ китайскаго большого села дали знать, что хунхузы близко. Ихъ чуть не захватили огуломъ, да кони выдали себя ржаніемъ, успѣли уйти и скрылись въ Монголіи. Китаецъ не сопротивляется хунхузамъ. Онъ отдаетъ имъ все, что у него есть.

Теперь по всей Манджуріи наши бумажки въ высокой цѣнѣ. Въ печать изъ-за границы проникали слухи, что русскіе кредитные билеты здѣсь падаютъ,—вранье! Не только мѣстные, но и пришлые черезъ Чифу желтые рабочіе берутъ бумажки. Тутъ вовсе не устойчивость курса причиной. Поддерживаютъ нашу кредитку хунхузы. Хунхузъ отбираетъ золото и серебро, а растрепанная и захватанная бумажка въ его глазахъ никакой цѣны не имѣетъ. Хотя и за то спасибо разбойникамъ, что они здѣсь твердо русскій курсъ держатъ. Иначе китайцы смѣтили бы и сейчасъ же спустили ея цѣну. Это вѣдь такіе финансисты по игрѣ на биржѣ, что имъ и Ротштейны съ К^о могли бы позавидовать. Въ каждомъ китайскомъ поселкѣ есть своя биржа, свои банкиры, и у нихъ вѣчно кипитъ ажіотажъ.

XLVI.

Вѣчный ажіотажъ. Даже дзянь-дзюни (генераль-губернаторы) содержатъ кассы ссудъ и явно и впрятки. Для китайца выше званія въ мірѣ нѣтъ, какъ купеза (купецъ). Финикіянамъ они бы носъ утерли, и Іосифъ Прекрасный съ его финансовой операціей здѣсь бы не прошелъ. Всѣхъ бы обезглавилъ, пожалуй, но оставшійся въ живыхъ палачъ непременно надулъ бы хитроумнаго египетскаго Витте. Понятно, что хунхузамъ въ Китаѣ, какъ рыбѣ въ половодье, не жизнь, а масленица. Мѣшаютъ имъ только русскіе, и дѣйствительно мѣшаютъ... На прошлой недѣлѣ одна партія такихъ была разстрѣляна. Всюду по пути на станціяхъ, на холмахъ, у деревень стоятъ столбы, обмотанные сухою соломой. Чуть гдѣ покажется подозрительная группа всадниковъ на мелкихъ лошаденкахъ или на бойкихъ горячихъ монголахъ—сейчасъ же сторожевые огни загораются одинъ за другимъ, и наши пограничники выходятъ изъ своихъ „крѣпостей“ на тревогу. Ихъ жилье обведено низенькою саженною стѣной съ двумя круглыми полубашенками на углахъ. Отъ хунхузовъ это достаточно. Сѣдлаютъ коней, и не успѣетъ солома сторожевого столба догорѣть,—наши уже въ пути. Недавно, впрочемъ, появились и другіе хунхузы. Эти являютъ нѣкоторый порядокъ и знаніе военнаго дѣла, хотя гиканья нашихъ казаковъ и „ура“ не выдерживаютъ. Недалеко отъ Цицикара въ громадной китайской фанзѣ проѣзжавшимъ мимо пограничникамъ показалось что-то подозрительное. Они направились туда и вдругъ—громадныя ворота настезь, изъ нихъ вылетѣли правильнымъ кавалерійскимъ строемъ партіи хунхузовъ, предводимыя японскимъ офицеромъ въ мундирѣ. Наши съ гикомъ напали на нихъ ошеломляющей казачьей лавой. Этого „благоустроенные“ хунхузы не выдержали и, оставивъ даже убитаго, пошли наутекъ. Да какъ! За нихъ быстрыми, какъ вихрь, монголами нашимъ лошадямъ было не угнаться...

XLVII.

Одинъ казачій офицеръ до того освирѣпѣлъ на жену, что погрозилъ ей: „Я отъ тебя въ хунхузы уйду“... У хунхузовъ часто слышится русскій языкъ. Въ ихъ партіяхъ случаются бѣглецы каторжники. Ряды хунхузовъ пополняются не однимъ китайцами. Въ эту орду,—своеобразную желтую Запорожскую сѣчь,—бѣгутъ монголы, буряты; рассказываютъ, что вступали въ разношерстныя партіи китайскаго партизанства бѣглецы англійскіе матросы, переодѣтые европейцы изъ нашихъ друзей. Такимъ образомъ, фраза казачьяго офицера, доведеннаго до отчаянія собственною супругой, не такъ уже фантастична, какъ это кажется съ перваго взгляда.

— Хунхузы не всѣ разбойники.

— Какъ такъ?

— Есть между ними и люди, идущіе на насъ по принципу.

— Какому?

— Можетъ-быть, я неправильно выразился. Какъ бы вамъ это яснѣе дать понять... Ну, китайскіе „націоналисты“, что ли, своего рода Поли Дерулэды. Они доведены до бѣшенства хозяйничаньемъ чужихъ въ ихъ исконныхъ земляхъ и, не умѣя бороться иначе,—берутся за ружья и идутъ умирать за свое національное дѣло. Этихъ грабежъ не занимаетъ.

Они отличаются мстительною жестокостью. Вообще хунхузы обираютъ китайцевъ. Хунхузы-націоналисты въ такія минуты остаются равнодушными и въ „реквизиціяхъ“ участія не принимаютъ. Они воспитываютъ свои партіи въ ненависти къ чужаку, въ любви ко всему чисто-китайскому. Пока ихъ дѣло идетъ туго, потому что китаецъ, даже хунхузъ, только и признаетъ, что арнеметику, а другимъ его не увлечешь.

Вообще о хунхузахъ у насъ еще не установилось ничего опредѣленнаго. Мы ихъ считаемъ сбродомъ разбой-

никовъ, случайною ордой, не имѣющей за собою ничего ни въ настоящемъ, ни въ прошломъ, ни въ будущемъ. А на дѣлѣ не то. Весь Китай покрытъ сѣтью тайныхъ и явныхъ обществъ. Это страна правильно устроенныхъ товариществъ. Есть общины: нищихъ, купцовъ, воровъ, чиновниковъ, приказчиковъ, всевозможныхъ ремесленниковъ, чисто идейныя, преслѣдующія литературныя цѣли, прогрессистовъ, старо-китайцевъ. Вообще, трудно себѣ представить такую группу людей, которая не складывалась бы здѣсь въ открытое или, если этого нельзя, въ подпольное „товарищество“, коммуну, ассоціацію. Эти подпольныя „громады“, таинственный, прячущійся отъ чиновничьяго ока „міръ“,—сильнѣе, чѣмъ можно думать. Когда на-дняхъ мѣстныя китайскія власти отказывались поставить подводы нашимъ войскамъ,—тайное общество извозчиковъ явилось намъ на помощь: у насъ оказалась тысяча подводъ, и дзянь-дзюнь съ своей воровской властною челядью ничего сдѣлать не могъ. Тронуть „общество“ опасно: оно имѣетъ развѣтвленія всюду и жестоко мститъ за cadaго изъ своихъ. Хунхузы являлись такою же ассоціаціей издавна. Это исторически сложившаяся китайская каморра, *maffia*, *malavita*, испанская *barata*. Она считала себя въ правѣ брать дань со всѣхъ,—съ купца, съ земледѣльца, съ чиновника, съ путешественника, съ ремесленника. Были даже установлены опредѣленныя нормы процентовъ со всякаго труда, и обложенные этимъ сборомъ платили безпрекословно, считая, съ одной стороны, это дѣломъ правильнымъ, разъ существуетъ опредѣленная организація, съ другой—боясь мести. Хунхузы и тогда объѣзжали деревни, фанзы и даже города конными отрядами, наказывали неисправныхъ должниковъ, собирали подати съ другихъ. Было время, когда даже правительство считало эту общину законной и не мѣшало ей, потому дзянь-дзюни получали съ нихъ опредѣленный куртажъ и покровительствовали своеобразной китайской каморрѣ. Русскихъ они до прошлой войны не трогали, считая, что мы, какъ иностранцы, не должны ей ничего. Мы сами начали ее преслѣдовать, защищая

населеніе, такъ или иначе ставшее подъ наше покровительство. Первые захваченные нами хунхузы даже понять не могли, что за дѣло намъ, пришлымъ людямъ, до ихъ установленныхъ обычаями поборовъ съ китайцевъ. Они даже допрашивали:

— Да развѣ кто-нибудь изъ насъ что-нибудь отнял у русскихъ?

Убіиства и пытки, которымъ подвергались несостоятельные или упирившіеся плательщики, хунхузы считали обыкновенными приемами, практикующимися во всякомъ нажимѣ, будь онъ чиновникъ, исходящій отъ дзянь-дзюня, или отъ нихъ,—все равно. Къ этому де китаецъ привыкъ, и стучать отъ него населеніе опасно.

Къ каморристамъ и націоналистамъ примкнуло своеобразно образовавшееся въ прошлую войну китайское казачество—храбрые люди, ненавистники чужаковъ, хозяйничающихъ въ странѣ, искатели приключеній, остатки разсѣянныхъ боксерскихъ шаякъ. Всѣ они воспользовались уже готовою организаціей и связали свою судьбу съ нею. Имъ некуда было дѣваться, ихъ преслѣдовали повсюду, и боксеръ сдѣлался хунхузомъ, ничего не измѣняя въ своихъ приемахъ. Съ ними хунхузы уже приняли нѣсколько другую окраску. Они явились мстителями за народный позоръ, въ глазахъ населенія изъ каморриста хунхузъ дѣлался носителемъ „идеи реванша“, отплаты. Онъ, такъ сказать, нѣсколько облагородился, и крестьянская фантазія ужъ дѣлаетъ изъ него настоящаго героя — храбраго, безтрепетно идущаго на смерть, обладающаго сверхъестественными свойствами, знаніемъ мистическихъ тайнъ. Короче, создается легенда о богатыряхъ, ничего общаго не имѣющихъ съ довольно-таки печальною дѣйствительностью. Къ хунхузамъ начинаетъ уходить все обиженное, преслѣдуемое: манзы, мстители за незаслуженную обиду, голодные люди, преступники, считающіе себя потерпѣвшими напрасно, прогнанные дзянь-дзюнями чиновники, остатки китайской стражи, оказавшейся при новомъ порядкѣ не у дѣлъ, рабочіе, обиженные при расплатѣ нашими желѣзно-

дорожниками. При этомъ—всѣ неуловимы. Сегодня это— орда, копная партія, воины; завтра, разсыпавшись отъ неудачнаго удара, они до новаго призыва работаютъ въ полѣ у васъ въ качествѣ „боя“ (русскіе перекрестили въ бойку), извозчика, носильщика; идутъ на улицу нищенствовать, короче,—распадаются на тысячу профессій. Но вотъ настаетъ время—дается извѣстный таинственный сигналъ, и они вдругъ организуются въ отрядъ на мѣстѣ или уходятъ въ Монголію и оттуда уже предпринимаютъ набѣгъ, куда имъ нужно, всегда внезапный, неожиданный. Какая-то разбойничья импровизація, которой ни ждать ни предвидѣть никакъ нельзя. Хунхузы вдругъ вырастаютъ въ спокойной и мирной мѣстности, на пустомъ мѣстѣ показывается цѣлая шайка. Теперь у нихъ является новое. Хунхуза тѣснить генераль Ма, который не терпитъ свободныхъ организацій и все желаетъ подчинить муштру и артикулу. Манджурія такъ наполнена нашими войсками, что и отъ насъ имъ душно, нудно и жутко, и всѣ хунхузы являются къ намъ и говорятъ: возьмите насъ, иначе намъ дѣваться некуда, и мы должны будемъ поневолѣ предложить свои услуги японцамъ. Такихъ нѣсколько сотенъ мы и взяли, и подъ начальствомъ полковника Мадридова они уже принесли намъ нѣкоторую пользу. Служатъ хорошо и добросовѣстно, и просятъ только одного— русскихъ кадровъ, чтобы обучиться, какъ слѣдуетъ, военному дѣлу. Пока они даже усердствуютъ сверхъ мѣры... Одни имъ вѣрятъ, другіе—нѣтъ... „Обучимъ на свою голову!“ Многими изъ разсѣянныхъ хунхузскихъ партій воспользовались японцы. Они исключительно употребляютъ ихъ на развѣдочную службу.

, XLVIII.

Хунхузы—то же, что башни-бузуки въ прошлую войну. Только турки куда рѣшительнѣе и отважнѣе. Хунхузъ — китаецъ и, какъ таковой, даже въ мстительныхъ порывахъ бережетъ свою жизнь. Сколько разъ въ 1877—78 гг. „абре-

ки и мюриды“ Балканскаго полуострова, засѣвъ въ оставленныя села и обрекая себя на вѣрную смерть, старались только объ одномъ: выбить побольше нашихъ. Дорога часто имъ была открыта,—уходи, но они вовсе не думали объ отступленіи. Каждую землянку, каждый глиняный домъ приходилось брать боемъ. Въ насъ стрѣляли изъ оконъ, съ крышъ, изъ подземелій, пули сыпались отовсюду. Дѣти сбрасывали сверху тяжести, женщины—и тѣ, если онѣ оказывались почему-нибудь тамъ, брали у убитыхъ ружья и сами становились на ихъ мѣста. Мы устилали подступы къ этимъ жалкимъ домамъ десятками труповъ и когда озвѣрѣвшіе солдаты врывались, наконецъ, въ дворы и хижины,—баши-бузуки не просили пощады, дрались ятаганами, прикладами и умирали подъ штыками. Ничего подобнаго у хунхуза. Хунхузъ обстрѣливается, пока чувствуетъ себя въ безопасности. Какъ только замѣтитъ, что охрана прежде или пограничники теперь его окружаютъ, онъ кидается въ стремительное бѣгство, мотаясь на своей лохматой лошаденкѣ и даже рѣдко посылая пули въ преслѣдователей.

Говорятъ, что поступившіе къ намъ на службу нѣсколько храбрѣе. Не знаю. Подождемъ,—увидимъ. Гдѣ они будутъ несравненны,—это въ развѣдочной службѣ. Что-нибудь отыскать, узнать, взять коварствомъ, ловкостью — ихъ дѣло...

XLIX.

Вооружены они,—точно ограбили историческую коллекцію. У нихъ случалось находить даже фальконеты. Кремневья ружья, штуцеры, даже Шаспо, хотя оно было только во Франціи, встрѣчается въ ихъ рядахъ. Современные — всѣхъ системъ. Тутъ и наша берданка и маузеровскія двухлинейки стараго образца. Рушница съ жестянымъ стволомъ и фитильнымъ запаломъ тоже идетъ у нихъ въ дѣло. Ножи всевозможные, но они ихъ рѣдко употребляютъ въ бою. Чтобы ударить пожомъ, надо сойтись грудь съ грудью! Также имъ неизвѣстно искусство при-

цѣливаться, бить на выборъ. Бывало такъ, что хунхузы, на которыхъ нападали съ одной стороны, стрѣляли во всѣ: и вправо, и влѣво, и впередъ, и назадъ. Авось, куда-нибудь да попадетъ... Ржавые старые китайскіе ножи на длинныхъ древкахъ съ красными лоскутами, ножи въ видѣ трезубца, только съ загнутыми къ серединѣ крайними остреями, какія-то желѣзныя вилы,—все хорошо для устрашенія непріятели. Они размахиваютъ этими сокровищами изъ собранія любителей далекой старины, вопять, принимаютъ героическія позы, очень смѣшныя при ближайшемъ знакомствѣ, но, услышавъ „ура“ или гиканіе казачьей лавы, разбѣгаются куда попало.

— Отчего вы не деретесь этими ножами?

— Да вѣдь для этого нужно выждать непріятели.

— Ну, такъ что же?

— Страшно! А какъ онъ заколетъ?

Боксеры дрались; эти же, часто и окруженные, зная, что ихъ перебьютъ, стоятъ, опустивъ голову, какъ бараны.

Я видѣлъ, какъ пограничникъ гналъ передъ собою трехъ хунхузовъ, держа ихъ за косы.

— А если они на тебя кинутся?

— Китайцы? — и онъ съ такимъ искреннимъ удивленіемъ посмотрѣлъ на меня, что я даже и не ждалъ дальнѣйшихъ объясненій.

Лица у этихъ китайскихъ каморристовъ были совсѣмъ одеревенѣлыя. Черно-желтыя, сожженные солнцемъ. Глаза куда-то спрятались въ своихъ раскосыхъ расщелинахъ, рты ни разу не открылись. Другой, зная, что онъ пропалъ, — ну, хоть ругался бы, что ли. Они и на это не рѣшались. Дѣйствительно, бараны, которыхъ ведутъ на бойню.

L.

„Я лежалъ во рву,—разсказывалъ мнѣ пограничникъ,—слышалъ, что сюда идутъ хунхузы, думалъ выслѣдить ихъ, дать знать своимъ. Это третьяго дня было. Непокойно у насъ теперь,—какъ японецъ пошелъ войной, такъ

и хунхузовъ больше стало. Вотъ она граница: скакнулъ разъ хорошо—и въ Монголіи, а оттуда тебя, все равно, не вынешь никакъ... Еще теперь ничего,—все-таки ихъ издали видно, а вотъ подыметъ лѣтомъ гаолянъ, — онъ выше головы всадника колышется, поди, разсмотри въ немъ. Вотъ лежу я — ночь, Господи, Ты мой, ни зги... Только звѣзды вверху, — да и тѣ то и дѣло облаками заститъ. Лежу часъ-другой. Приложилъ ухо къ землѣ: слышу — тропота. На конѣ всегда тропотой ѣдутъ (нѣчто въ родѣ нашей иноходи). Ближе... ихъ и не видать еще, а только по тропотѣ этой—смекаю—не меньше тридцати. Ну, думаю, Степанъ, не сносить тебѣ сегодня головы, какъ эта сволочь найдетъ. Перекрестился, попробовалъ шашку, хорошо ли вынимается. Ружье-то надежное. Бьетъ у меня въ отличку. Жду... Вотъ ужъ надъ самымъ рвомъ кони топчуть. Остановились. Кое-кто слѣзъ... Ищутъ, какъ имъ сойти, — тутъ и вдаръ меня въ голову: а ну-ко урой на нихъ... Забылъ, что одинъ, — какъ гаркну, да въ упоръ, разъ, другой... А на ближайшаго съ шашкою по коню... И такъ, что не ждалъ я совсѣмъ. Во всѣ стороны они отъ меня точно воробки, какъ прыснуть. А два, что съ сѣдель сползли, присѣли на корточки, что твои зайцы, и головы протянули: руби де, твоя воля... Вотъ она — шея... Ну, одного я зарубилъ... А другому велѣлъ взять обоихъ коней и вести. И такъ какъ я очень усталъ, то въ скорости времени самъ сѣлъ на одного, а на другого приказалъ ему сѣсть. Вѣдь могъ бы онъ уйти? Приведись мнѣ — только бы и видѣли. Я смѣюсь ему: ты чего, говорю, чушка, не бѣжишь? Ишь степь кругомъ... А онъ: Пухао (худо), „кантами“, боюсь (зарублю де его). Ты шибко большая капитана, а моя манза... Такъ его и привелъ“.

— Что жъ съ нимъ потомъ было?

— Къ дзянь-дзюню ихнему въ Цицикаръ отправили.

— А тамъ?

— Ну, извѣстно, по ихней правѣ, сначала его недѣлю пытать будутъ всячески, и по рукамъ и по ногамъ, а потомъ „кантами“ ему...

— Неужели всѣхъ казнятъ?

— А то нѣтъ? У нихъ правда строгая...

— А зачѣмъ же пытаться?

— Всѣхъ пытаются, которые не сознаются.

— А если такъ и не сознается?

— Все равно голову долой... Бываетъ и такъ, что пополамъ человѣка перепиливаютъ. Азіаты!..

LI.

Что за страна пошла! Среди глади, точно поднятыя руками человѣческими,—горы пирамидами. Сразу вспухнетъ такая — ни холмовъ ни отроговъ. Въ одиночку, а дальше другая, третья. Отъ Гоби не осталось ничего—тутъ уже кое-гдѣ видны перелѣски. Стан чибисовъ поднимаются отъ шума нашего поѣзда... Все-таки сурова и неприглядна сѣверная Манджурія. Говорятъ, она страшно богата металлами всякаго рода, но сурово смотритъ она на пришельца, ничѣмъ не радуя его взгляда. Весною слетится сюда видимо-невидимо фазановъ, и къ каждому поѣзду китайцы выносятъ ихъ сотни уже изжаренными. Цѣна этой птицѣ колеблется отъ гривенника до двадцати копеекъ.

Солнце утонуло въ нѣжномъ морѣ розоваго тумана. Чистое глубокое небо блѣднѣло на востокѣ. Робко-робко проступали звѣзды... Когда на западѣ осталась только одна огнистая полоса,—миръ точно раздвинулся въ ширь и даль... Теперь ужъ недалеко отъ насъ лежалъ громадный Китай, эта многотысячелѣтная загадка человѣчества, молчаливый, вѣчно думающій свою огромную стихійную думу, непонятную для насъ, необъяснимую ни нашею этикой, ни законами нашего творчества, при всей слабости — неуязвимый, при всей силѣ — раздающійся передъ каждымъ наглымъ напоромъ грознаго чужака, ограбленный, оскорбленный, избитый и забытый — и все-таки грозный своей смутностью, своей едва ли не мистическою тайной... Сердце и мысль, сплетаясь, стремились узнать эту разъ

навсегда замкнувшуюся семью изъ нѣсколькихъ сотъ милліоновъ людей, какъ замкнулись въ немъ меньшія ячейки — отдѣльныя семьи... Глаза старались что-то разсмотрѣть на югѣ, откуда передо мною подымался страшный миражъ народа, который, проснись онъ,—могъ бы уничтожить и поглотить добрую половину человѣчества...

На остановкахъ поѣзда я выходилъ.

Станціи часты, и мы на нихъ ждемъ подолгу.

Изъ запертыхъ на ночь вагоновъ слышался гулъ... Въ немъ сливалось и мѣрное дыханіе людей, и окрики ихъ на обезпеченнаго коня, и рѣдкіе удары копытъ, и жеваніе сѣна, и обрывки точно со сна начатой и недоконченной пѣсни... Во мракѣ еще болѣе загадочнымъ казался цѣлый океанъ народа, ожидавшій насъ на югѣ... Во мракѣ его мракъ невольно оковываетъ душу... Кругомъ кипятъ страсти, войны потрясаютъ землю, человѣчество все въ корчахъ и конвульсіяхъ, подымаются вожди, рождаются гении, создаются гигантскія предпріятія, тысячи желѣзныхъ громадъ бороздятъ бурныя воды, другія тысячи ищутъ новыхъ земель, новыхъ пространствъ для грабежа, для наживы; наука посылаетъ туда своихъ солдатъ и мучениковъ,—а онъ, этотъ старецъ-народъ, лежитъ весь въ своей неясной грезѣ, въ странномъ маревѣ, гдѣ идиллія сплетается со смертью, и въ объятіяхъ гигантскаго желтаго дракона спитъ фантазія-красавица, посланная землѣ святымъ и чистымъ небомъ, чтобы люди на ней не замѣчали ея грязи, ужаса своей страшной дѣйствительности, позора въ прошломъ, страданія въ настоящемъ и могилы въ будущемъ... Спитъ народъ - философъ... Да полно, спитъ ли!..

ЛII.

Хинганы мы проѣхали ночью...

Жаль: говорятъ, что ихъ царственная красота миритъ путешественника съ пустынями сѣверной Манджурии и плоскимъ кладбищемъ Гоби. Туннелемъ здѣсь гордятся наши строители. Его берегутъ какъ зѣницу ока. Старый

скобелевецъ Гернгроссъ вѣчно полонъ заботою объ этой жилѣ, пробившей насквозь каменную толщу. Туннель замираютъ послѣ того, какъ поѣздъ пройдетъ. Около и внутри всегда стоятъ часовые. Не даромъ японскіе шпіоны суетились въ его окрестностяхъ, да и до сихъ поръ шныряютъ около. Взорви они эту нору—и передвиженію войскъ наголо поставлены были бы трудно одолимыя преграды... Къ счастью, это невозможно. Надъ Хниганскимъ туннелемъ, на вершинѣ горы, могилы павшихъ здѣсь казаковъ. Далекія могилы! Онѣ теперь надъ нами, и, быть-можетъ, трупы павшихъ бойцовъ вздрагиваютъ отъ движенія нашего поѣзда... Тутъ много легло въ бою подъ Цицикаромъ, гдѣ генераль Ма чуть не захватилъ въ ловушку Ренненкампа. Ма — этотъ китайскій неудавшійся Наполеонъ—самъ явился къ намъ, переодѣтымъ манзою, и высмотрѣлъ наши позиціи. Обратили вниманіе на его руки, не привыкшія къ трудной работѣ, по когда его арестовали, — онъ сумѣлъ бѣжать и, немного спустя, атаковалъ насъ, да такъ, что мы едва спаслись, и то съ большими потерями. Рассказываютъ, что въ нашъ отрядъ явился лама и потребовалъ свиданія съ командиромъ.

— Я—китаецъ и не люблю русскихъ, но я люблю человечество. Я знаю, что завтра вы всѣ погибнете... Но русскіе гибнутъ, убивая, и на каждую вашу жизнь придется по нѣскольку китайскихъ. Поэтому я рѣшился вывести васъ. Я знаю, что этимъ обрекаю себя на смерть, но что я въ сравненіи съ ожидающимъ монахъ братіи завтра моремъ несчастій?

Ренненкампа послѣдовалъ за нимъ.

Лама вывелъ отрядъ.

Черезъ нѣсколько времени генераль возвращался уже побѣдителемъ по той же дорогѣ.

Ему хотѣлось отблагодарить своего спасителя.

Онъ нашелъ его монастырь и остановился передъ нимъ со своимъ отрядомъ.

— Гдѣ такой-то?—спросилъ онъ у братіи.

— Тамъ, гдѣ ты его не найдешь. Онъ уже соединился съ божествомъ.

— То-есть?

— На другой же день генераль Ма приказалъ на этомъ же дворѣ отрубить ему голову...

ЛШ.

Маленькая кумирня...

Передъ нею нѣсколько деревьевъ. Они плохо принимаются на этой неблагоприятной почвѣ сѣверной Манджуріи. 4 воротъ, неизбѣжныя каменные собаки оскаливаютъ громадныя пасти, а большіе круглые глаза точно хотятъ выскочить вамъ навстрѣчу. Во всю стѣну громадный, хорошо сохранившійся драконъ извивается упругими кольцами и растопыриваетъ грозныя лапы. На каждой пять когтей; значить, драконъ императорскій и кумирня была построена кѣмъ-нибудь изъ царствующей династіи... Ворота отворены, но позади дворъ изнутри загородила еще стѣнка, и тоже съ дракономъ. Китайцы строятся такъ, чтобы живой драконъ никакъ не могъ попасть къ нимъ. Влетитъ въ ворота и ударится о стѣну, а если ему удастся миновать ее, то на его пути окажется цѣлый лабиринтъ, въ которомъ это огнедышащее чудовище — первообразъ нашего Змѣя-Горынича — непременно запутается. Эта кумирня хранитъ трогательныя воспоминанія. Ея ламы подобрали русскихъ раненыхъ, сами перенесли ихъ сюда и тщательно ухаживали за ними. Двое умерло, — ихъ могила въ углу. Одинъ выжилъ и теперь мнѣ разсказалъ эту трогательную быль.

— Мать такъ не можетъ заботиться! Умирать буду, — не забыть мнѣ этихъ монаховъ. Выходили лошадь, дали, чтобы я къ своимъ могъ добраться. Тихіе люди, Бога знаютъ и любятъ Его... По заповѣдямъ живутъ. Я въ ихъ кумирнѣ какъ-то молюсь, а потомъ спрашиваю: не обидно ли имъ, потому что я чужой вѣры. Ну, они мнѣ на это: вѣры разныя, а Господинъ неба одинъ Все равно, что языки—одно

и то же они называютъ разнo, каждый по-своему, а роза все-таки остается розой...

Послѣ этого разсказа громадный императорскій дракопъ и адскія собаки показались мнѣ вовсе не такими страшными. И внутренней стѣной огородившись отъ чудовища, монахи не загородили сердца отъ людской бѣды и чужого горя.

ЛIV.

Желѣзная дорога вѣрна себѣ! Главнѣйшій городъ сѣверной Манджуріи Цицикаръ оставленъ въ двадцати пяти верстахъ отъ линіи. По здѣшнимъ путямъ (лѣсъ или глубокія пробитыя колени) туда надо ѣхать цѣлый день. Поѣздъ стоитъ три часа. Чѣмъ дальше, тѣмъ эти задержки все растутъ и растутъ. Отъ Танхоя на Байкалѣ до Цицикара, по моему исчисленію, мы на стоянки потеряли двое сутокъ.

— Когда же мы доѣдемъ до Мукдена?

— А кто это знаетъ.

— А вы, начальникъ станціи, недостаточно освѣдомлены развѣ?

— Меньше чѣмъ кто-нибудь!

— Вотъ тебѣ и на!

— Вотъ въ Харбинѣ поѣзда вчера цѣлый день стояли, а за Харбиномъ будетъ еще хуже. Теперь отъ Харбина до Мукдена меньше чѣмъ въ пять сутокъ не попасть.

— Благодарю!

— Не за что.

Если бы не „Волчья“ сотня, — съ ума бы сойти на такихъ стоянкахъ. Сегодня ея бородатые казаки весело празднуютъ второй день Пасхи. У офицеровъ въ круговую ходитъ серебряная чаша. Ею крестятся, а потомъ пьютъ и передаютъ другимъ.

— Что это вы?.. Креститься пойломъ! — замѣчаетъ кто-то.

— Чѣмъ бы крестъ ни былъ положенъ, лишь бы мы вѣрили въ Бога и „Отче нашъ“ знали!

На платформѣ пляска.

Китайцы окружили казаковъ громадною толпой. Весело звучитъ гармоника, и бородатые, дюжіе, солидные станичники отплясываютъ въ этомъ кругѣ особый свой сибирскій трепакъ. Надо видѣть это самому. Рябой казакъ, кинувшись на землю, лицомъ къ ней, на носкахъ ногъ и локтяхъ изображаетъ въ тактъ музыки рыбку: юлитъ вправо, влѣво, чуть не икру мечетъ и вскакиваетъ подъ восторженный гулъ зрителей; другой, сосредоточенно сдвинувъ брови и не отрывая глазъ отъ своихъ ногъ, выкидываетъ что-то неопишное. То онѣ у него дѣлаютъ какіе-то рисунки на пяткахъ, плашмя, бокомъ, на носкахъ, заплетаются и расплетаются ходуномъ, описываютъ кривыя линіи, углы, а рыжая громадная борода его треплется во всѣ стороны и заломленная на затылокъ папаха ѣздитъ съ бекреня на бекрень... Но смѣнилъ казака буряты. Этотъ внесъ въ пляску что-то медлительное, тяжелое. Заговорилъ я съ нимъ — не понимаетъ по-русски. Другой буряты стремительно на пяткахъ прошелся по кругу, ахнулъ такъ, что толпа вздрогнула, и остановился вкопанный. А гармоника заливалась все задорнѣе, такъ что и китаецъ-манза не выдержалъ, ворвался въ кругъ и давай что-то отрабатывать носками и руками. Казаки смотрѣли на него и одобряли.

— Ишь какъ, молодець... Ну-ка еще, ходя (голубчикъ).

Ободренный манза записѣдалъ къ пущему восторгу своихъ черно-желтыхъ соотечественниковъ.

— Ай да Вань-инъ-по! — оглядывается на меня весело одинъ изъ нихъ.

— Откуда онъ?

— Изъ Чифу! Рабочій...

Жизнерадостный и добродушный народъ. Добродушный, разумѣется, до поры до времени. Когда его страсти возбуждены, онъ дѣлается совсѣмъ инымъ. Самъ не цѣнить своей жизни — да и чужую ни во что не ставитъ.

LV.

Ужасный поѣздъ. На станціяхъ нѣтъ воды для паровоза. Опять стоимъ и стоимъ. Когда мы двинемся? Цѣлый день прошелъ, скоро ночь, а отъ Цицикара мы не сдѣлали и сорока верстъ. Впереди были снѣжные заносы: тринадцать эшелоновъ остановилось тамъ и забило пробками рельсовый путь. Томительно тянется время. Бѣгаешь взадъ и впередъ по платформѣ, злишься и сознаешь свое безсиліе. Тамъ, на югѣ, уже совершаются событія, а ты ползешь, какъ черепаха... Ругается машинистъ, оретъ невѣдомо кому: „Машина пить хочетъ, дайте воды!“ Такъ же раздраженно кто-то кричитъ въ отвѣтъ: „Что я Богъ, что ли; откуда я вамъ воду создамъ? Всю высосали, ничего въ колодцахъ, сохлые!..“ — „Да какъ же я двинусь?“ — „А это ужъ ваше дѣло.“ — „Да вѣдь въ Харбиѣ мы на сутки опоздаемъ!“ — „Случалось, что и на трое сутокъ!..“

Дѣваться некуда. Станція маленькая. Кругомъ пустыня. Надъ пустынею опять заходитъ солнце, и вся она горитъ отвѣтнымъ прощальнымъ огнемъ. Горятъ снѣга, вспыхиваютъ насты далекихъ озеръ, точно туда, въ неоглядную даль кто-то кинулъ золотые щиты. Вонъ ѣдетъ отрядъ пограничниковъ.

— Что случилось?—спрашиваютъ ихъ казаки.

— Хунхузы показались.

Солнце все ниже и ниже. Снѣга теперь мерцаютъ розовымъ пламенемъ. Далекія вершины — точно аметистовыя. Ночь близится, а мы все стоимъ и стоимъ... Молчить пустыня кругомъ, тяжело и зловѣще молчить.

LVI.

Вотъ уже двѣ недѣли я въ сплошномъ морѣ китайскаго населенія. Желтыя, темно-желтыя, черно-желтыя лица сливаются въ общій фонъ на узкихъ причудливыхъ улицахъ своихъ городовъ, шумными волнами кипятъ кругомъ, кружа

миѣ голову вихремъ гортанныхъ звуковъ, пѣсенъ, построенныхъ на странной европейскому уху гаммѣ, отчаяннаго рыданія нищихъ, глухихъ ударовъ гонга, производящихъ мистическое впечатлѣніе. Только и отдыхаешь въ благоговѣйной тишинѣ кумиренъ, гдѣ передъ бронзовыми толстыми буддами, окруженными свитою уродливыхъ боговъ, горятъ ароматическія палочки, и изрѣдка, точно будя спящее небо, слышится хриплый рокотъ священнаго барабана. Бритые бонзы шепчутъ молитвы, чуть колышутся голые еще сучья деревьевъ съ круглыми шапками омелы, точно въ конвульсіяхъ извиваются маіоликовые и каменные драконы, растопыривая на чужеземца вооруженныя страшными когтями лапы. Уродливые львы и львицы кривятъ головы съ косыми пастями и глазами мопсовъ, и съ крышь смотрятъ въ даль, въ желтую, пустынную пока даль, всевозможныя фаянсовыя животныя китайской храмовой фауны. Съ загнутыхъ рогулекъ кровель тихо-тихо переговариваются колокольчики. Отдѣльно отъ капищъ, точно сторожа ихъ, чаруютъ глазъ невиданнымъ рисункомъ своимъ узорчатыя ворота, и въ ихъ просвѣтахъ та же желтая даль, то же желтое царство, тотъ же желтый, со всѣми оттѣнками этого цвѣта, шумный, волнующійся, никогда не знающій покоя океанъ людей.

LVII.

Желтый край, желтые люди. На другомъ концѣ міра—подъ небомъ счастливой когда-то Эллады глазъ въ подробностяхъ улавливалъ всевозможные краски, оттѣнки, но стоило зажмуриться, чтобы сейчасъ же получалось впечатлѣніе сплошной, дивной лазури, въ царствѣ которой тонуло, сплывалось, умирало все—и золото отдѣланныхъ солнечнымъ свѣтомъ древнихъ колоннъ, и аметистъ далекихъ горъ, и нѣжная зелень морской пучины, и бѣлизна новыхъ городовъ, и желтые скаты и отмели. Здѣсь—тысячи людей одѣты въ синее, старыя кумирни подернуты общими сѣрыми тонами, глядящіе изъ ихъ полумрака боги пестры и разноцвѣтны, шести вывѣсокъ черны, часто на

нихъ сверху внизъ идутъ іероглифы краснаго письма, на улицахъ торчатъ изумительно отдѣланныя яркими колерами, позолотою и чернью изваянія драконовъ, перепутавшихся съ цвѣтами, птицами; въ фантастическихъ арабескахъ тонуть образы, которые увидишь развѣ только во снѣ, и все-таки, отъ окружающихъ ли полей, отъ неба ли, уходящаго въ золото заката, отъ склоновъ ли этихъ пустынныхъ горъ,—но зажмурьтесь, и въ вашей памяти воскреснетъ только желтое впечатлѣніе желтаго края, полного желтыхъ людей. Точно на всю эту безпредѣльную страну вы смотрите сквозь стаканъ жидкаго чая. Желтый край, желтое небо, желтые люди, желтыя дали. Даже мрачныя темныя громады съ тяжелыми и широкими зубцами стѣнъ, даже грозные профили тысячелѣтнихъ башенъ съ странно приподнятыми углами кровель—не нарушаютъ этого впечатлѣнія.

LVIII.

Какія несчастныя животныя на этихъ пыльных или утопающихъ въ бездонной грязи узкихъ улицахъ желтаго края. Все, кромѣ мула,—мелко. Лошади крысиной породы, ослики еще меньше и отрепаны, точно изъѣдены червоточиной, со дня рожденія не чищены, покрыты колтунами свернувшихся и спутавшихся лохмъ, кожа—мездра такъ и зияетъ въ голыя стершіяся мѣста, глаза часто ослѣплены ударами бичей: по мнѣнію китайца, незрячая лошадь куда лучше,—она идетъ всюду, куда онъ ее гонитъ. Мулы—и тѣ стерты. Все въ язвахъ, ссадинахъ, все въ молебдинѣ, въ шрамахъ... Скрипятъ арбы-двуколки, влекомыя одновременно муломъ, осломъ и лошадыю, точно вскрикиваютъ на глубоко врѣзанныхъ колеяхъ двуколесныя фудутунки съ круглымъ верхомъ, подъ которымъ надо или сидѣть по-китайски, поджавъ ноги, или лежать, тянутся какіе-то длинные хамыки съ странною запряжкой цугомъ—три коня-мученика впереди и осель или мулъ за ними. Несутся люди-кони—рикши. Одинъ, наклонившись за оглобли, тащить васъ, сидящаго въ страшно неудобной позѣ, другою

подталкиваетъ сзади и направляетъ, приподымая этотъ дикій экипажъ на колдобинахъ, лавируя между неожиданными выступами, спасая отъ встрѣчи съ фудутунками, телѣгами и необыкновенно гордо сидящими на своихъ пестрыхъ сѣдлахъ пестрыми всадниками съ перомъ, лежащимся позади на спине, въ шапкѣ, украшенной вставками, обозначающими чинъ, званіе, положеніе... „Почтенные старики“, „почетные“ люди, имѣющіе право запустить бороду (послѣ пятидесяти лѣтъ) и носить крупныя совиныя очки, жмутся по стѣнѣ отъ всего этого разгона, визжать паршивыя собаки, приподымаясь изъ пыли и грязи, и важно, полныя достоинства, отходятъ въ сторону необыкновенно торжественныя здѣсь свиньи...

LIX.

Вотъ цѣлое зрѣлище—впереди „капетанъ“ съ перомъ на спине, въ пестромъ балахонѣ, съ шишечками на шапкѣ и кругомъ на груди, гдѣ расписано китайскими причудливыми знаками, кто и что онъ. Подъ нимъ конь—все-таки чище и лучше другихъ. Затѣмъ стража верхами... Она, очищая дорогу, предшествуетъ фудутункѣ, въ которой, поджавъ ноги, сидитъ важная дама въ платьѣ, расшитомъ шелками или золотомъ, съ расписаннымъ лицомъ (по мѣлу краской), съ прической, въ которой есть все—и цвѣты, и бабочки, и звѣздочки. Въ рукахъ у нея серебряная крошечная трубочка на длинномъ черномъ мундштукѣ. Трубочка меньше наперстка. Она не разстается съ этою необходимою принадлежностью всякаго китайца, всякой китаянки. Позади опять такая же стража, съ такимъ же „капетаномъ“. Въмѣсто такой „значительной“ барыни вы иногда разсмотрите подъ навѣсомъ фудутунки мальчика въ розовомъ или красномъ шелку и тоже расписаннаго краснымъ по бѣлому, важнаго старика-чиновника или необыкновенно толстаго сановника, который если отъ природы и худъ, то сдѣлалъ все, чтобы казаться преувеличенно жирнымъ и, слѣдовательно, почтеннымъ. Кругомъ желто-

лица толпа едва разступается, и только полицейскіе въ красномъ, съ кругами на груди, иногда внушаютъ ей больше почтенія къ власти—взмахами палокъ надъ бритыми впереди головами и очень-очень рѣдко (я ни разу не видѣлъ) ударами по самой головѣ...

LX.

Косы, косы и косы... Желтый край черныхъ косъ. Косы болтаются вездѣ—на дѣтяхъ, на взрослыхъ и на старикахъ, и ихъ нѣтъ только на женщинахъ. Нѣтъ своей,—искусно, такъ искусно, что ее и не отличишь отъ собственной, привязываютъ покупную. Въ косы въ концѣ вплетены черныя ленты; онѣ продолжаютъ ея длину чуть не до земли... Схватитъ ли китаецъ-полицейскій преступника, поймаютъ ли нашъ охранникъ или пограничникъ хунхуза,—они тащатъ свою двуногую дичь за косы. Зажметъ косу кулакомъ у самага темени и такъ ведетъ добычу въ ямынь или нашу полицію, вытянувъ руку впередъ и оттянувъ китайскую голову назадъ. Бѣжитъ ли куда толпа,—косы развѣваются во всѣ стороны. На работѣ желтолицый подданный богдыхана обвертитъ голову косою или спрячетъ ее подъ шапку. Рикша перевѣситъ ее на грудь. Коса всегда блестяща. Она чѣмъ-то намазана, придающимъ волосамъ красоту. Косы на дѣтяхъ—часто по двѣ, какъ у нашихъ дѣвочекъ. Полголовы впереди выбрито отъ уха до уха; позади волосы оставлены и непременно заплетены. Эта коса идетъ къ желтолицему морю страннаго и непонятнаго народа, къ его мрачнымъ тысячелѣтнимъ стѣнамъ причудливыхъ приземистыхъ городовъ, къ узорчатымъ воротамъ съ приподнятыми, растопыренными кровлями и расписаннымъ золотомъ шестамъ-вывѣскамъ и драконамъ, переплетающимся въ фантастическомъ изваяніи съ птицами (павлинами), цвѣтами и людьми, обвиняющимъ какую-то золотую рыбу съ невиданнымъ хвостомъ.

LXI.

Удивительно жизнерадостный народъ. Если сегодня онъ сытъ,—вы увидите его весело улыбающимся. Пиликаетъ на своей двухструнной балалайкѣ, поетъ что-то, подскакиваетъ. А сытъ онъ Богъ знаетъ чѣмъ. Вы не найдете ни одной палой лошади, коровы, теленка: будьте увѣрены, что онъ ихъ съѣстъ. Какъ-то пограничникъ застрѣлил бѣшеную собаку. Пришли ее унести и выбросить—и не нашли. „Такъ что, ваше благородіе, убѣжала“. Какъ убѣжала, когда я ее положилъ на мѣстѣ? Стали искать и нашли... въ котлѣ у рабочихъ китайцевъ! Отняли, къ крайнему ихъ негодованію. Съ одного изъ кораблей была выброшена мука, въ которой завелись черви. Ее всю собрали китайцы и просили: если и впередъ будетъ такая,—отдавайте намъ. За рубль даютъ тысячу триста чоховъ,—монеты, напизанной связками. На три такихъ чоха китаецъ можетъ купить хлѣбецъ, а за девять чоховъ онъ сытъ цѣлый день. Посмотримъ, чѣмъ онъ довольствуется у себя дома. На двадцать чоховъ существуетъ вся семья, и вы видите круглыхъ, какъ огурцы, дѣтей, рѣзвыхъ, прыгающихъ, поющихъ, смѣющуюся мать, дѣлающаго, по нашему, тысячи глупостей отца. Ему весело, потому что сегодня свѣтитъ солнце, оглушительно заливается голосистая мѣстная каварейка, на улицѣ встрѣчаются знакомые. Улыбнитесь ему, и онъ сейчасъ же въ отвѣтъ возьметъ ладони пальцами вверхъ, залопочетъ вамъ „шато-шато, капетанъ!“ и обдастъ васъ такою радостью и, въ то же время, такимъ запахомъ черемши, что отъ первой вамъ самимъ станетъ свѣтло на душѣ, а отъ второй—вы отъ него кинетесь опрометью. Сидятъ „купцы“—купеца въ лавкѣ—смѣхъ, шутки, прибаутки, безконечные рассказы... Кажется, все параспашку—сердце на ладони, а между тѣмъ, душа этого народа Богъ знаетъ въ какія потемки прячется отъ васъ, и не только мы съ налету, но и тѣ, кто живетъ здѣсь десятиками лѣтъ, ея не знаютъ, не понимаютъ, не угадываютъ.

Это не только другая раса—это иная планета, которой вы всегда, какъ и она вамъ, будете чужды. У здѣшной каменной черепахи съ монолитомъ на спинѣ, вы скорѣй достучитесь до ея сокровенной мысли, чѣмъ усвоите себѣ всѣ изгибы китайскаго ума, всѣ тайны китайскаго сердца.

LXII.

Удивительно жизнерадостный народъ эти китайцы! Не знаю, почему наши культуртрегеры такъ его не любятъ. Я провѣрялъ ихъ рассказы и долженъ сознаться, что все мое сочувствіе не на ихъ, а на его сторонѣ. Мнѣ онъ нравится, даже непонятный и таинственный. Я смутно сознаю, насколько неправы къ нему тѣ, которые съ такимъ презрѣніемъ передавали о немъ свои одностороннія впечатлѣнія. И все лучшее въ краѣ—согласно со мною. Спросите здѣшнихъ докторовъ, учителей, женщинъ,—они подчеркнутъ, что мы очень и очень виновны по отношенію къ этимъ желтолицымъ паріямъ. Давно ли здѣсь царилъ совершенно невыносимый способъ обращенія съ китайцами. То и дѣло приходилось слышать: „бей его въ морду“, „дай ему по затылку“, „ткни его въ шею“. Самая разнузданная отечественная сволочь, послѣдняя изъ послѣднихъ у насъ на Руси,—тутъ считала себя бѣлою костью, чѣмъ-то несоизмѣримо высшимъ, недосыгаемымъ для „желтой канальи“. „Я съ ними иначе и не разговариваю, какъ съ нагайкой. Ткнешь ему въ мурло, онъ и пойметъ все. Ихъ бы разстрѣливать или уничтожать другимъ способомъ“. Были охранники, которымъ на охотѣ ничего не стоитъ подбить китайца. „Сначала наклади ему, подлецу, въ шею, а потомъ разговаривай съ нимъ“. Если такъ рассуждали ихъ благородія, то какъ же должна была дѣйствовать челядь? Ей-то ужъ и Богъ велѣлъ. „У нихъ не душа, а полдуши“. „У китайца вмѣсто души дымъ, и тотъ черный“. „Онъ передъ тобой умирать долженъ отъ страху!“

LXIII.

Прежде было тутъ очень скверно. Отъ китайцевъ на нашихъ не принимали жалобъ, свидѣтельство китайца противъ русскаго считалось ни во что. Нигдѣ несчастный желтолицый не чувствовалъ себя хозяиномъ. Измѣнило положеніе дѣлъ въ краѣ намѣстничество. Адмиралъ Алексѣевъ рѣшительно принялся за нашихъ Держимордъ. Объявивъ, что китайцы пользуются равными съ нами правами и одинаковымъ покровительствомъ законовъ, онъ посулилъ строжайшія наказанія тѣмъ, кто осмѣлится притѣснять, оскорблять или обманывать желтую расу. Борьба идетъ до сихъ поръ. Она очень трудна, и нескоро заставишь ихъ благородіе смотрѣть на служащаго у него „бойку“ (отъ слова *boу* у англичанъ), какъ на человѣка. Я самъ слышалъ негодованіе такихъ представителей господствующаго народа: „За этакій комокъ грязи—да меня къ отвѣту. Ужъ лучше я ему—этому китайскому прохвосту—горло перерву“. Но это теперь ужъ слова. Нравы и отношенія смягчаются, и рядомъ съ нами китаецъ становится все жизнерадостнѣе и жизнерадостнѣе. Хотя еще далеко до пониманія другъ друга. Мы даже и разобратъ ихъ не можемъ. Приходятъ желтолицыя, или, какъ здѣсь нѣжно выражаются культуртрегеры,—желтомордые, нанимаются на работы къ инженеру. Китаецъ наивенъ и довѣрчивъ до смѣшного. Онъ и съ вопросомъ обращается къ будущему хозяину откровенно:

— Твоя, капетана, машинка?

Тотъ, воображая, что дѣло идетъ о машинахъ, примѣняемыхъ въ данномъ случаѣ къ дѣлу, успокоиваетъ кули.

— Да, да, машинка. Шапго машинка.

— Ну, такъ я къ тебѣ не пойду! — И китаецъ рѣшительно уходитъ.

Оказывается, что на языкѣ, образовавшемся для взаимныхъ сношеній нашихъ съ ихними,—„машинка“ значитъ—мошенникъ, и наивный рабочій добивался у своего хозяина—плутъ онъ или нѣтъ...

LXIV.

„Безпредѣльно сѣйте свѣтъ“, „пусть въ небѣ будетъ вѣтеръ, а въ морѣ волненіе“, т.-е. пусть не прерывается движеніе, жизнь. Вотъ надписи и изреченія, которыя вы встрѣтите на стѣнахъ китайскихъ домовъ внутри, у входовъ, за поперечнымъ барьеромъ, заслоняющимъ доступъ въ жилыя комнаты, когда вы переступите пороги воротъ. Барьеръ этотъ рассчитанъ на то, чтобы драконъ, желающій проникнуть въ мирную семью, наткнулся на неожиданную имъ преграду. Въ этихъ надписяхъ и многихъ другихъ—мудрость народа и его этика. Наше „не дѣлай другому того, чего ты себѣ не желаешь“ у китайца называется иначе: „сдѣлавъ себѣ, подумай о другихъ“. Если твоя крыша хороша,—помоги сосѣду поправить его дурную. Научи чужого ребенка добру, чтобы любили твоего сына. Пятью нитями (пятью добродѣтелями) наполняй пустоты своей души. Разспросите у людей, имѣвшихъ дѣло не только съ манджурскими желтолицыми, но и съ рабочими, которые въ мирное время приходятъ сюда тысячами изъ Чифу: всѣ они, за малыми исключеніями, скажутъ, что китаецъ жизнерадостенъ, добродушенъ, высоко цѣнить хорошее обращеніе съ нимъ, честную расплату за трудъ, и если онъ работаетъ медленнѣе нашихъ, то, во-первыхъ, у него нѣтъ прогульныхъ дней и безчисленныхъ праздниковъ, а во-вторыхъ,—весь Востокъ не споръ на дѣло. Въ еще большей степени этому упреку подлежать персы, индѣйцы, наши инородцы... Если онъ не любитъ васъ,—то позвольте спросить: а за что ему любить европейца? Онъ его видитъ и знаетъ только подъ однимъ соусомъ—жадности, мелкаго и жестокаго стремленія къ безцеремонной, безсовѣстной наживѣ. Купцы и миссіонеры всѣ сюда являются, опираясь на тысячи штыковъ, и чуть что—проповѣдники Христа требуютъ для желтолицаго казней и пытокъ, которыя и выполняются для ихъ удовольствія закупленными или запуганными дзянь-дзюнями, фудутунами и другими чиновниками.

LXV.

За что ему любить васъ? Англичанинъ разговариваетъ съ нимъ при помощи палки въ обыкновенное и палача въ необыкновенное время, нѣмецъ въ занятой военнымъ постоемъ деревнѣ кружится вечеромъ въ вальсѣ съ китайскими дѣвушками, а утромъ, уходя прочь, зажигаетъ ихъ дома и истребляетъ населеніе. Русскій тычетъ куда попало „въ морду“. Своеобразные завоеватели изъ Европы, когда на ихъ пути попадались китайскіе города, высылавшіе депутаціи съ выраженіемъ покорности, гнали выстрѣлами „почтенныхъ“, излюбленныхъ людей обратно и брали незащищающійся городъ штурмомъ. Безъ всякаго повода воинственные чиновники пробовали достоинство своихъ сабель, палашей, шашекъ о китайскія шеи. И вѣдь эти чиновники выходили изъ Оксфорда, Кембриджа, Сорбонны, изъ университетовъ просвѣщенной Германіи.. Ну, а наши такъ называемые „орлы“—мелкіе кулаки, рядчики, работавшіе здѣсь съ небольшимъ оборотомъ въ 10—15 тысячъ рублей. Спросите, какъ они драли шкуры съ китайца. Китаецъ равнодушенъ къ жизни. Почему-то установилось мнѣніе, что ему ничего не стоитъ умереть. Хоть въ покорности судьбѣ я не вижу равнодушія, по онъ вовсе не спокойно относится къ побоямъ. А вѣдь этакіе „орлы“ и „орлики“ (оборотъ въ пять тысячъ) куда только его не тыкали; ну, и случалось, что манза приходилъ въ бѣшенство и страшно сводилъ свои счеты съ „машинкой“. А европейскія роты—развѣ при обученіи стрѣльбѣ онѣ не брали прицѣла по работавшимъ въ поляхъ китайцамъ? А наше вѣчное „цубо“—часто ни съ того ни съ сего на собравшихся веселыхъ рабочихъ. Нѣтъ, китайцу не за что любить бѣлыхъ, и памѣстничество, принимая серьезныя мѣры къ огражденію манзъ отъ угѣсненій, кабалы, обидъ и побоевъ, болѣе чѣмъ право. Отъ всего человѣчества великое ему спасибо за обузданіе хищниковъ, мошенниковъ и не удавшихся Ермаковъ всякаго рода.

LXVI.

Да, китайцамъ, разумѣется, не за что насъ любить *было*, но теперь, съ измѣняющимися отношеніями къ нимъ, и манзы мало-по-малу начинаютъ цѣнить выгоды русскаго режима. Во-первыхъ, у нихъ явились заработки, о которыхъ они и не мечтали. Мелкіе и крупныя купцы занялись поставками на русскія войска въ такихъ размѣрахъ, что уже теперь въ Цицикарѣ, Гиринѣ, Хайларѣ, Харбинѣ, Нингутѣ, Мукденѣ, Ляоянѣ и Портъ-Артурѣ, какъ дождевые пузыри, то и дѣло вскакиваютъ на спокойной тинѣ коммерческаго ажіотажа десятки милліонеровъ. Я говорю не о знаменитомъ генералѣ (въ Китаѣ генеральство покупается) Тифантанѣ, и не о менѣе знаменитомъ портъ-артурскомъ инженерѣ Хо, сбѣжавшемъ на-дняхъ невѣдомо куда. И безъ нихъ капиталисты въ занятыхъ нами манджурскихъ провинціяхъ растутъ, какъ грибы. Они особенно цѣнятъ наши порядки, потому что китайскіе дзянь-дзюни и фудутуны ихъ неистово грабили или безъ соотвѣтствующаго взноса входили въ ихъ предпріятія пайщиками. Китайскіе генераль-губернаторы настолько и сами коммерческіе люди, что большинство ихъ держало гласныя и негласныя кассы ссудъ, банки, мѣняльныя лавки и конторы, промышляя ростомъ съ самыми безбожными процентами. Всему этому тамъ, гдѣ является наша власть,—ставятъ преграды. Въ судахъ пытка—у китайцевъ обыкновенное явленіе. Заподозрѣннаго доводятъ до сознанія безчеловѣчными муками и затѣмъ рубятъ ему голову, при чемъ *очень часто* настоящей преступникъ обнаруживается послѣ. Китайцы видятъ иной порядокъ въ нашемъ судѣ, слѣдствіи, нашихъ тюрьмахъ. Для нихъ русскій порядокъ—громадный шагъ впередъ.

LXVII.

Условія за послѣднее время измѣнились значительно. Въ этомъ отношеніи большую роль сыграли наши военныя суды. Еще на-дняхъ въ Портъ-Артурѣ разбиралось дѣло

о двухъ солдатикахъ пограничной стражи. Въ деревнѣ, войдя въ фанзу китайской семьи, они потребовали у нея свинину. Та не давала. Наши начали отнимать кусокъ и сопротивлявшася манзу ранили выстрѣломъ изъ ружья. Бѣдняга хотя получилъ легкую рану, но, за отсутствіемъ врачебной помощи, умеръ. Китайцы были страшно возбуждены. Они съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ждали, чѣмъ окончится это дѣло. Такъ какъ это случилось въ боевое время, то солдатъ судили военно-полевымъ порядкомъ. Мѣстное населеніе волновалось слухами, что виновныхъ оправдаютъ, и вдругъ судъ вынесъ смертный приговоръ. Манзы были ошеломлены „справедливостью“ русскихъ, и въ дѣлѣ умиротворенія китайцевъ этотъ ужасный конецъ сыгралъ значительную роль. Намѣстникъ, никогда не утверждающій смертныхъ приговоровъ за обыкновенныя преступленія, смягчилъ и этотъ, даровавъ жизнь пограничникамъ. Они отправлены на долгіе сроки въ исправительныя арестантскія отдѣленія, но съ тѣхъ поръ у манзъ вы услышите: „Судъ русскій—правый судъ. Русскіе одинаково относятся и къ себѣ и къ намъ“. При быстротѣ, чисто восточной, съ которою здѣсь распространяется всякая новость, пемудрено, что приговоръ военнаго суда въ нѣсколько дней сталъ извѣстенъ во всей Манджуриі.

LXVIII.

Если взять весь народъ, „массу“,—то какъ высока китайская культура сравнительно хотя бы съ нашей—въ нашихъ низахъ, въ русской деревнѣ. Посмотрите, какъ тутъ обработаны поля. Это какое-то ювелирное искусство. Каждая бороздка проведена съ нѣжностью, съ любовью, съ своеобразною красотою, удобрена тщательно, если такъ можно выразиться, выхолена. Тамъ, гдѣ наша крестьянская семья умретъ отъ голоду,—на такомъ же пространствѣ проживуть, по-своему безбѣдно, десять китайскихъ семей. Они все возьмутъ отъ земли, что она имъ можетъ дать, но не хищнически, а возвращая ей ея творческія силы. Старая

земледѣльческая цивилизація всюду замѣтна даже въ Ман- джуріи, гдѣ китаецъ—пришлецъ, гость. Посмотрите, когда китайцы строятся, какъ они точно, красиво, хоть и мед- ленно, прилаживаютъ камень къ камню. Небрежность у нихъ немыслима; напротивъ, они грѣшатъ медленностью, но не отсутствіемъ расчета, художественнаго чутья; при- нимается въ соображеніе всякая подробность, мелочь. Вы видите, что простой манза старается выводить свой рису- нокъ въ потѣ труда, любитъ самъ тѣмъ, что онъ дѣ- лаетъ. Онъ не спѣшитъ, спѣшитъ—дѣло европейца и аме- риканца, китайцу спѣшитъ некуда и не зачѣмъ,—но вѣдь отъ этого его работа отличается выдержкой, прочностью, строгою гармоніей линій...

LXIX.

А ихъ взаимныя отношенія? Вы никогда не увидите, чтобы китаецъ дрался съ китайцемъ, чтобы они громко и безстыдно ругались на улицѣ, на людяхъ. Такая же ти- шина, вѣжливость, благородство царятъ и въ семьѣ за по- ставленною поперекъ дракону внутренней стѣнкой китай- скаго дома. Красивыми прямыми линіями перекрещиваю- щіяся рѣшетки оконъ, заклеенныхъ бумагой, веранды, от- дѣланныя очаровательною рѣзьбой, покрытыя изящными цыновками—каны (теплыя лежанки), изреченія на стѣнахъ о торжествѣ свѣта и счастіи добродѣтели — все это гово- ритъ о душевномъ мирѣ, о гармоніи взаимности, объ ува- женіи другъ къ другу. Чему жъ этотъ тысячелѣтній, куль- турный народъ-старикъ можетъ учиться у нашего безгра- мотнаго, убогаго переселенца, обрабатывающаго землю такъ, какъ онъ ее обрабатывалъ во времена Редеди, пьющаго безъ просыпа и въ пьяномъ видѣ ругающагося и деруща- гося до подлости? Правительственная система китаецъ съ пытками, взяточничествомъ, казнями—ужасна, но она не коснулась сердца народа, не принизила и не оскотинила его. Она сверху,—на поверхности. Внизу бездонный океанъ, и туда муштра дзянь-дзюней и жестокость фудутуновъ

проникнуть безсильны... А отношеніе родителей къ дѣтямъ и обратно—встрѣтите ли вы что-нибудь подобное у нашего переселенца? Извѣстно ли китайцу снохачество, мыслимо ли, чтобы манза-сынъ ударилъ старика-отца. Говорятъ, тутъ продаютъ дѣтей?—Да, но это случается въ періоды великаго народнаго горя, когда голодъ всей семьѣ грозитъ смертью, и она въ передачѣ ребенка другимъ видитъ единственный способъ спасти ему жизнь...

LXX.

Надо сказать, что между нашими встрѣчаются и благородные сѣятели иного порядка. Съ такимъ меня столкнула судьба въ поѣздѣ Сибирской дороги, и мы съ нимъ ѣхали длиннымъ, мучительно длиннымъ путемъ, съ безконечными остановками на станціяхъ, часто совершенно непредвидѣнными. Было время разговориться, сблизиться, узнать другъ друга. Это С. Н. Сысоевъ, строящій при помощи китайскихъ рабочихъ сухіе доки въ Портъ-Артурѣ. Онъ задался цѣлью уничтожить обдираніе китайскаго кули—съ чьей бы стороны это ни происходило—своей или русской. Съ неутомимостью, постоянствомъ и упорствомъ онъ изводилъ „орловъ“ и китайскихъ кулаковъ, образовывалъ артели пришлецовъ изъ Чифу, такъ, чтобы львиная доля ихъ заработковъ не попадала въ широкія пазухи посредниковъ. Китаецъ, прежде всего, цѣнитъ правильные и честные расчеты, отъ заработанной имъ копейки не откажется ни за что. Случалось, что рядчики не отдавали манзѣ осенью, положимъ, три рубля. Манза дрожалъ отъ холода и умиралъ отъ голода всю зиму, жилъ въ дырѣ, вырытой имъ въ землѣ—промерзлой и голой, или ночевалъ во дворѣ чужой фанзы, чтобы хоть весною вырвать изъ горла у „орла“ свой заработокъ. Такіе люди, какъ г. Сысоевъ, разумѣется, гораздо болѣе вліяютъ на сближеніе китайца и русскаго, чѣмъ всевозможныя мѣры, принимаемыя со стороны. Манза очень цѣнитъ внимательное отношеніе къ себѣ: онъ радуется ему, какъ ребенокъ...

LXXI.

Манза теперь доволенъ. У него есть большой, по его потребностямъ, заработокъ, къ нему относятся хорошо, и онъ видитъ, что на стражѣ его интересовъ и безопасности стоятъ законъ и судъ. Общины, которыми покрытъ весь Китай,—идутъ уже на борьбу со своимъ правительствомъ для того, чтобы служить намъ... за хорошія деньги! Чиновники, наши враги, тайные и явные, прислушиваясь къ пекинскому камертону, рады бы поставить насъ въ безвыходное положеніе. Они затрудняютъ высылку въ наши отряды подводъ, продажу съѣстныхъ припасовъ, наемъ рабочихъ. Но въ Китаѣ, помимо богдыхана, есть другая власть,—это тайное или явное общество: купцовъ, нищихъ, погонщиковъ. Всякая профессія здѣсь складывается въ трудно уловимую наощупь, но удивительно упорную и сильную организацію. И вотъ такія-то общества изъ-подъ спуда народной жизни вдругъ приходятъ на помощь къ намъ, къ отчаянію фудутуновъ и дзянь-дзюней, со всей ихъ официальной челядью. Напрасно правители увѣряютъ народъ въ Манджуріи, что русскій Царь есть вассаль богдыхана; тщетно интеллигенція, вышедшая изъ пекинскихъ ямыней, убѣждаетъ манзу, что русскіе бунтуютъ противъ Китая,—манзѣ выгодно, и манза идетъ къ намъ. Когда, послѣ занятія Портъ-Артура, китайскій флагъ, вопреки договору, былъ спущенъ, а китайскія суда не впущены во внутренній рейдъ,—народъ не шелохнулся. Онъ смотрѣлъ на это, какъ на чужое, его не касающееся дѣло. Ему было выгодно, его заработокъ росъ, и тайныя общества, прежде всего ставящія на передній планъ выгоды народа, пришли къ намъ на помощь.

LXXII.

Да еще какъ пришли! Совсѣмъ не надо было обманывать народъ ложью о нашихъ побѣдахъ, умолчаніемъ о неудачахъ. Китаецъ самъ очень мудръ и проныцателенъ.

Онъ знаетъ, что большое дѣло не катится безъ запинки, какъ по рельсамъ. Онъ не смущается временнымъ пораженіемъ и смотритъ дальше сегодняшняго неуспѣха. При мнѣ во вліятельнѣйшей кумирнѣ Гуань-Инь — богинѣ-покровительницѣ моряковъ,—старшій лама, пѣчто въ родѣ нашего игумена, Синь-И (сердце—единство) объяснялъ народу выгоды русскаго владычества и пагубу японской побѣды. Онъ доказывалъ, что ея не можетъ быть, потому что у нашихъ враговъ нѣтъ людей и мало денегъ, а у русскихъ и людей и денегъ много... Что хотите,—туть счетъ ведется не на нравственные силы, а на выгоды. Китаецъ — прирожденный бухгалтеръ. Въ Нинаньчжуанѣ, въ кумирнѣ, гдѣ ламы отсутствовали, древній старикъ собралъ народъ и объяснялъ ему опять-таки денежную, заработную выгоду пребыванія русскихъ въ странѣ, ихъ платежную силу, ихъ законность и преимущества нашего чиновника передъ китайскимъ. Послѣ этого старикъ съ народомъ молился о дарованіи побѣды русскимъ. Въ Хуланченѣ населеніе встрѣтило насъ, какъ освободителей отъ хунхузовъ, и головою выдало тѣхъ, кто ихъ укрывалъ. Въ Хайларѣ старики явились и просили выслать тѣхъ, кто поддерживаетъ хунхузовъ, при чемъ указали ихъ имена и мѣста, гдѣ живутъ эти своеобразные народные вороги. Особенно пришлось по душѣ сельскому населенію, что при походѣ солдатъ за ночлеги въ фанзахъ наши платили по 3 коп. съ человѣка. Это совсѣмъ завоевало китайскія сердца, и съ тѣхъ поръ Сѣверная Манджурія приросла къ намъ, какъ улитка къ утесу. Платите китайцу, и онъ будетъ васъ любить. Вы скажете, что это слишкомъ низменно,—что дѣлать? Народъ не сантиментальный, да и за какія такія добродѣтели мы, пришлецы, въ чужой странѣ могли бы ожидать другого?

LXXIII.

Какъ медленно двигаемся впередъ! Отъ „Манджуріи“ до Харбина—четвертая уже сутки. На остановкахъ поѣздъ чего-то ждетъ часы за часами, нудные, никчемные. Бол-

желѣзнодорожный домикъ съ неизмѣнной китайской кровлей, оскорбляющей горячихъ патріотовъ: мы бы должны приучать китайца къ нашимъ конькамъ и пѣтушкамъ, а не вытягивать по рантику крыши драконовъ. Вопь вдали показался разъѣздъ пограничниковъ. Охотятся за хунхузами, пробирающимся сюда изъ Монголіи. Но и разъѣздъ исчезъ, и солнце за красною степью садится въ багровое зарево заката, и раскалившіяся въ его прощальномъ свѣтѣ верхушки голыхъ горъ гаснутъ. Кондуктора зажигаютъ свѣчи... Аргунская сотня спѣла всѣ свои пѣсни... Сумракъ наступаетъ незамѣтно. Степь точно узится, пропадаетъ въ мистической синевѣ. Горы едва намѣтились. Далеко-далеко блеснулъ и потухъ огонекъ. На западѣ, точно воспоминаніе объ утраченномъ счастьѣ, едва-едва рдѣетъ еще облачко. Нѣтъ и его. Забвеніе охватило все. Нирвана, и въ ней тонемъ мы. Уходишь въ вагонъ—ложишься.

Солнечный лучъ прямо въ глаза. Вскакиваешь—день уже.

— Гдѣ мы?

— Да все на той же станціи.

Заказываешь кипятку для чая.

— Нѣтъ.

— Почему?

— Весь выпили.

— Отчего новаго не приготовили?

— Позвольте,—злится начальникъ.—У насъ и для машины не хватаетъ воды. Тринадцать поѣздовъ высосали колодець. А потомъ, кому же вамъ кипятокъ готовить! Къ этому китаецъ приставленъ. Онъ тридцать два часа за работой, у него голова распухла. Надо ему отдохнуть или нѣтъ? Какъ вамъ кажется? Я его и отпустилъ.

— Отчего же у него нѣтъ помощника?

— Оттого, что на это денегъ не отпускаетъ правленіе. На одного двѣнадцать рублей въ мѣсяцъ дали, а на двухъ нѣтъ.

Солдаты голодны. Казаки—тоже. Съ тоски запѣваютъ что-то, только не ладится.

Пища имъ заготовлена за двѣ станціи впереди, куда они должны были прибыть вчера въ полдень. Тутъ ихъ нечѣмъ кормить и негдѣ. Вездѣ на питательныхъ пунктахъ великолѣпныя щи и каша. Гораздо лучше той мерзости, которою насъ кормятъ въ буфетахъ, гдѣ они остались. Но до этихъ щей и каши часто солдату не доѣхать. Гдѣ-то путь забить, кто-то проѣхалъ „экстрой“, и на цѣлыя сутки задержалъ и спуталъ движеніе поѣздовъ...

— Прежде буфетъ былъ отличный, а теперь мнѣ положили высокую арендную плату,—ничего нѣтъ.

Вотъ ужъ именно нашли время!.

Третій звонокъ.

Сейчасъ двинемся.

— Позвольте, а когда же былъ второй!

— Вчера вечеромъ.

LXXV.

Что это?

Громадная рѣка заставлена сотнями китайскихъ судовъ, нашихъ пароходовъ. Великолѣпный мостъ. Шумъ, движеніе. Жизнь кипитъ точно въ котлѣ. Сразу становится весело. Ледъ еще прочесть на Сунгари, но на судахъ суета. Тысячи флаговъ вѣютъ въ прозрачномъ воздухѣ, тысячи голосовъ перекликаются тамъ съ однѣхъ палубъ на другія, съ берега на берегъ. Сквозь всѣ поры такъ и бьетъ какое-то особенное оживленіе. Сотни новыхъ домовъ выбѣгаютъ на гребни, точно любопытствуя, что тамъ за поѣзда ползутъ къ нимъ по унылымъ и голымъ степямъ. Городъ, вчера выросшій точно по щучьему велѣнью, сегодня уже расплзается въ ширь, захватываетъ пристани за пристанями, одинъ торговый околотокъ за другимъ, на сотни верстъ раскидываетъ свои щупальцы, разбрасываетъ сѣти, устраняетъ конторы, посылаетъ агентовъ, самъ питается издали и въ свою очередь питаетъ даль. Съ американскою быстротою, какъ тамъ, на дальнемъ Западѣ, такъ и у насъ, на Дальнемъ Востокѣ, растутъ улицы, заполняются новыми зданіями края едва еще намѣченныхъ

площадей; внизу, точно грибы въ дождливое лѣто, сотнями поднимаются лавки китайскихъ базаровъ. Еще стоитъ тамъ невылазная первобытная грязь, еще отъ одного тротуара на противоположный нельзя пройти, не сдѣлавъ предварительно духовнаго завѣщанія,—а ужъ у самой грязи этой открываются громадныя магазины, и въ нихъ великолѣпно говорящіе по-русски китайцы продаютъ вамъ все, что вамъ нужно. Вы чувствуете, какъ тысячи пульсовъ бьются кругомъ настоящей жизнью, по невидимымъ жиламъ переливается здоровая кровь мощнаго, сказочно-растущаго гиганта, невольно забываете долгій утомительный путь и только стараетесь не упустить всего, что творится кругомъ. Только, стараясь объ этомъ, смотрите себѣ подъ ноги, иначе попадете въ такую трясину, что грязь подойдетъ вамъ подъ самый ротъ, — да такъ, что и „карауль!“ крикнуть будетъ некогда. Харбину некогда думать объ этихъ пустякахъ. Грязь онъ вычиститъ потомъ и самъ вычистится. Пока онъ только торопится наглотаться всякимъ товаромъ, зацапать побольше сотенъ тысячъ и миллионъ...

LXXVI.

Можетъ-быть, харбинцы произведутъ на васъ не совсѣмъ благопріятное впечатлѣніе, но вѣдь не за этимъ они сюда и пріѣхали. Это все піонеры: купцы, предприниматели, аферисты, ловцы рыбы въ мутной водѣ, рыцари ордена „не зѣвай“. Съ ними рта не раскроешь, — живо залѣзутъ туда со своими сапогами на выпускъ. Громадныя аппетиты, способность работать, не складывая рукъ, не ѣсть, не пить и не спать ради того, чтобы изъ чужой глотки выхватить лакомый кусокъ. Тутъ всѣмъ некогда. Дѣло не ждетъ. Пропустишь въ эту минуту, — лишняя сотня уплыла изъ кармана. Занятое, озабоченное, жадное, потное — потокомъ стремится куда-то, и такъ и кажется, — у cadaго здѣсь не по двѣ, а по двѣнадцати рукъ. Ухо тутъ держать востро; что-нибудь упустишь, смотришь, — сосѣдъ на-чеку: ты еще и не опомнился, а онъ проглотилъ и, не ожидая,

когда переварится, уже нацѣливается на другую добычу. Люди спѣшнаго, головокружительнаго дѣла, хватающіеся за все, невыгодное бросающіе неоконченнымъ, перескакн- вающіе съ палубы на пристань, съ пристани въ лавку, съ лавки въ контору, изъ конторы на поѣздъ, съ поѣзда опять на рѣку. Имъ до всего касательство. Рассказываетъ около кто-нибудь: вотъ де что случилось. Харбинецъ подслу- шалъ, подавился, забылъ расплатиться съ лакеемъ и ле- тить уже на мѣсто случившагося,—нельзя ли снять пѣнку. Голосъ у ней грубый, манеры угловаты, локти такъ раз- ставлены, чтобы непременно весь міръ растолкать, а себѣ дорогу очистить. Выраженія далеко не изысканныя, вмѣсто знаковъ препинанія—трехъэтажныя крылатыя слова, глаза навывлетъ, клыки на-выносъ,—кого бы намѣтить и растер- зать по пути. Только попадись де, а я ужъ „своего“ не упущу. А своимъ онъ считаетъ все въ мірѣ, даже если оно лежитъ и въ чужомъ карманѣ.

LXXVII.

Разговоры въ цифрахъ, мечты въ таблицѣ умноженія, мысли въ ариѳметическихъ выкладкахъ. Таковъ былъ Хар- бинъ до войны, такимъ онъ остался и сейчасъ, только къ прежнимъ піонерамъ присоединились новые, нахлынувшіе сюда со всѣхъ концовъ Россіи съ единственною цѣлью— цапнуть крупный кушъ и, во избѣжаніе военно-полевого суда (время такое, знаете, правильной коммерціи никто не признаетъ!), уйти во-время съ цѣлою шкурой. Армяне, имеретины, нѣмцы, евреи, русскіе кулаки, даже цыгане, — всѣ тутъ мечутся въ безумной сутолокѣ, считая не меньше, какъ на тысячи, и не пугаясь суммъ, напоминающихъ раз- стоянія отъ Земли до Марса. Никому нѣтъ времени, точно завтрашняго дня не будетъ. Интендантскіе чиновники въ большемъ спросѣ. За ними гоняются, какъ за премирован- ными красавицами въ Спа. Подходя къ нимъ, издали сни- маютъ шапки и изображаютъ на лицѣ восторгъ и обожа- ніе. И чиновникъ принимаетъ это какъ должное. Сего-

двѣнадцатый день принадлежитъ ему. Что будетъ завтра—объ этомъ въ свое время скажетъ военно-полевой судъ: останется ли отъ нынѣшняго торжества почетъ и уваженіе, или... Но надо сказать правду. Въ Харбинѣ вѣдь ужъ настоящій тылъ арміи. Это своего рода Систово прошлой русско турецкой войны, но здѣсь мнѣ не приходилось наблюдать сценъ, поражавшихъ меня когда-то. Гдѣ орлы того времени, мывшіе себѣ ноги шампанскимъ, закладывавшіе банки тысячъ по пятидесяти, привозившіе очаровательныхъ румынокъ изъ Букарешта, носившіе у пояса кошель съ золотомъ? Увы! ни одного Юпитера мнѣ не пришлось встрѣтить теперь. Всѣ они смотрятъ хотя побѣдоносно, но безъ наглости, живутъ скромно и даже въ мѣстныхъ вертепахъ или пьютъ демократическое пиво или для шампанскаго уходятъ въ кабинеты. „Гдѣ друзья далекихъ лѣтъ— интенданты удалые?“ Говорятъ, что и дѣятельность ихъ ужъ не та. Одинъ изъ нихъ даже говорилъ мнѣ: „Мы заставимъ относиться съ уваженіемъ къ нашему мундиру“. Дай-то Богъ! Очень ужъ ремесло опасное— быть около денегъ. Это все равно, что ребенка посадить рядомъ съ открытою коробкой конфетъ; нѣтъ-нѣтъ, да, самъ не замѣчая того, и клюнетъ. Пока жалобъ на нихъ нѣтъ, да и мѣстное населеніе тоже знаетъ законъ. Ничего даромъ не отпуститъ.

LXXVIII.

Въ турецкую войну интендантъ былъ, что называется, царицею бала. Всѣ взоры устремлялись на него. Съ нагайкою и конвоемъ казаковъ налетая на болгарскія стада, отбивалъ ихъ и, возвращаясь домой Георгіемъ Побѣдоносцемъ, немедленно садился составлять вѣдомость купленному для арміи скоту, съ обозначеніемъ цѣнъ болѣе вдохновенныхъ, чѣмъ дѣйствительныхъ. Полушубками онъ снабжалъ армію уже лѣтомъ; зимою они преспокойно лежали у него въ складахъ. Благодаря имъ солдаты наши удивили всю Европу, пройдя Балканы въ декабрѣ въ дырявыхъ шине-

ляхъ. Въ этомъ историческомъ героизмѣ великую роль сыграло интендантство. Безъ него не было бы, пожалуй, и богатырей, побѣдившихъ зимніе вьюги и морозы. Одинъ изъ чудотворцевъ провіантскаго ордена такъ и говорилъ въ свое оправданіе: „Я вѣрилъ въ русскую мощь,—колотилъ онъ себя кулаками въ грудь,—и не обманулся въ ней. Я зналъ, что нашему солдату ничего не надо,—потому ничего ему и не давалъ!“

— А зачѣмъ вы заставляли принимать полушубки потомъ въ лѣтнюю жару?

— Для отчетности! Вы знаете, у насъ бумага и контроль значить все!

Теперь такихъ волшебныхъ людей что-то не замѣчается. (Тѣфу, сухо дерево завтра пятница, какъ бы не сглазить!)

Зато по всему тылу арміи кутежи у молодежи—вещь обыкновенная... Но объ этомъ я рассказывать не стану. Люди умирать идутъ на боевыя позиціи, чѣмъ они утѣшаются напоследокъ,—насъ не касается. Жаль только, что нѣкоторые изъ этихъ, догоняющихъ свои эшелоны, офицеровъ не отличали сестеръ милосердія отъ женщинъ, пребывающихъ вообще въ тылу арміи... Объ этомъ святые подвижницы „Краснаго Креста“ могли бы рассказать много печальнаго.

LXXIX.

Святые подвижницы! Въ какой нравственной красотѣ, назло годамъ и разстоянію, вы вспоминаетесь мнѣ теперь, когда я смотрю на новое поколѣніе такихъ же, какими были вы, дѣвушекъ и женщинъ, идущихъ скромно, безъ трескучихъ рекламъ и рисовки, на кровавую ниву близкаго будущаго... Въ той боевой страдѣ, которую пережили мы двадцать семь лѣтъ назадъ, сколько васъ ушло въ далекія могилы, въ братскія могилы, давнымъ-давно позабытыя и поросшія бурьяномъ чужбины. Ни вашихъ именъ ни вашихъ лицъ не сохранилось ни у кого въ памяти. Пришли на подвигъ, свершили его и легли рядомъ съ солдатомъ,

такимъ же забытымъ, безыменнымъ... По пути сюда я свалился въ Иркутскѣ больнои. Лежалъ одинъ въ вертепѣ, потому что тамъ всѣ гостиницы обратились въ такіе. Жаръ подымался до 39... Вечеромъ какъ-то подошелъ къ 40. Я былъ въ бреду, а рядомъ слышалось дикое ораніе пьянаго визгъ ополоумѣвшихъ женщинъ, ругань, отъ которой, кажется, готовъ бѣжать на край свѣта. Ко мнѣ врывались какіе-то совсѣмъ обезумѣвшіе отъ водки офицеры, въ запертыя двери стучались назойливо, никакъ не понимая — чего это человекъ лежитъ у себя, когда внизу, въ буфетѣ, еще столько осталось невыпитаго вина. Заходили порою друзья, и я отводилъ съ ними душу... И вдругъ въ самую тяжелую минуту, когда голова у меня горѣла и Богъ знаетъ что мерещилось кругомъ,—у меня въ комнатѣ оказался призракъ... Высокая, тонкая женщина съ строгими глазами и доброю, мягкою улыбкой.

— Вы здѣсь одинъ... больнои... Мнѣ сказали... Я пришла посидѣть съ вами.

Я различилъ у нея на рукѣ красный крестъ... Умѣло она положила мнѣ что-то освѣжающее, влажное на больную голову, напоила чѣмъ-то... Мнѣ было такъ отраднo слышать ласковый, нѣжный голосъ... Она заговорила со мною о близкихъ и дорогихъ людяхъ, которыхъ я покинулъ далеко-далеко... Объ иной жизни и навсегда утраченномъ счастьѣ. Я чувствовалъ: какія-то тихія, кроткія волны подхватывали меня и уносили въ сказочный край пережитыхъ былей. Я невольно улыбался имъ—этимъ воскресшимъ мертвецамъ—и мнѣ было страшно одного, чтобы добрая волшебница, вызвавшая ихъ изъ дорогихъ могилъ, не ушла, не оставила меня опять среди отвратительной, грязной дѣйствительности. Я заснулъ, чувствуя у себя на рукѣ ея руку,—руку сестры и съ этой ночи началось мое выздоровленіе.

— Теперь вамъ лучше?.. Да? Я уже не нужна буду вамъ больше... До свиданія. Встрѣтимся тамъ, въ Портъ-Артурѣ.

И когда она ушла, мнѣ казалось, свѣтлый слѣдъ остался около меня. Такой, какой долженъ оставить ангель, посланный небомъ.

Настоящая сестра!

Она идетъ непрощенная и незванная туда, гдѣ людямъ тяжело и жутко. Ея мѣръ—мѣръ страданій и смерти!

Да будетъ благословенъ ея путь въ пустынь жизни! Если бы еще свершались чудеса, онъ поросъ бы лиліями и розами.

До свиданія, сестра! Если эти строки попадутся тебѣ, прими издали мой братскій привѣтъ!...

LXXX.

Безъ спасательнаго круга или плавательныхъ пузырей не совѣтую отваживаться на странствіе по той части Харбина, гдѣ находится пристань, и куда сбилась въ кучу вся торговля этого пестраго и страннаго ариѳметическаго города. Тутъ, какъ я уже говорилъ, грязь стоитъ довременная, передъ нею съ почтеніемъ отступаютъ городовые; ея пугаютъ пьяницъ, рисуя имъ всѣ ужасныя послѣдствія алкоголизма; извозчикъ, прежде чѣмъ отчаянно ринуться въ ея хляби, крестится и беспокоитъ св. Николая, чудотворца Муръ Ликійскихъ. Но зато все, что есть интереснаго и колоритнаго въ Харбинѣ, ютится посреди нея. Такъ, плавая здѣсь, я вдругъ попалъ въ громадный китайскій дворъ, въ глубинѣ котораго стояли странные часовые въ пестрыхъ балахонахъ, съ кругами на груди и ружьями въ рукахъ. Меня они остановили у входа въ какой-то пятиэтажный, изукрашенный живописными старинными изображеніями воинственныхъ растопыръ, дворець, весь въ изящной рѣзбѣ, съ неизбѣжными драконами.

— Твоя билета нѣтъ?

Я вмѣсто билета показалъ рубль.

На желтомъ лицѣ испытуемаго стража отразилась печаль.

— Давай, капетанъ, билетъ. Міу билеты,—пошла домой!

Зато когда меня заняло его ружье, онъ охотно далъ мнѣ его посмотреть, а самъ спокойно сѣлъ въ сторонѣ. У его сторожки, въ рамѣ, цѣльное оружіе. Старинные ржавые ножи на дрекольяхъ, трезубцы, косы, какіе-то извилистые мечи и въ мѣстѣ прикрѣпленія къ древкамъ непременно красная тряпка. Я было хотѣлъ дотронуться до него,— онъ съ ужасомъ кинулся ко мнѣ съ крикомъ:

— Пухао, пухао!—и сталъ чиркать себя пальцемъ по шеѣ.

Странный часовой! Ружье отдаетъ, а до этихъ ископаемыхъ остатковъ доисторическихъ временъ не позволяетъ коснуться.

Изъ дворца, между нарисованными растопырями, показался живой, съ громаднымъ краснымъ листомъ въ рукахъ, на которомъ было написано что-то по-китайски. Должно-быть, важная особа, потому что часовой замеръ.

— Шибко большая капетана!—объяснилъ онъ мнѣ.

— Офицеръ...

— Міу офицеръ... Многого умирайло!

Ничего я не понялъ. Только потомъ мнѣ объяснили, что старшихъ врачей, почтенныхъ, заслуженныхъ и уважаемыхъ, китайцы по-русски называютъ „шибко много умирайло“, а чиномъ пониже: „мало умирайло“... Если кто-нибудь изъ шутниковъ обучилъ этому здѣшнихъ манзъ, то, нужно сознаться, сдѣлано это не безъ остроумія!

LXXXI.

Еще опасное плаваніе по хлябямъ, и вдругъ передо мною стѣна большого китайскаго ямыня. Громадный чистый дворъ; въ глубинѣ рѣзныя, причудливыя ворота, и въ нихъ... Господи! Сколько разъ я видѣлъ это въ изображеніяхъ далекой сказочной страны, и всегда мнѣ не вѣрилось чтобы теперь, даже въ этой застывшей Поднебесной имперіи, творилось что-нибудь подобное. У входа въ изящный домъ, охраняемаго тоже часовыми, сидятъ нѣсколько, судя по одеждѣ, весьма почтенныхъ господъ, бесѣдующихъ дру-

жески съ чиновниками. Чиновниками потому, что у нихъ на шапкахъ бѣлые, красные и синіе вставки надъ самымъ лбомъ. А господа тоже отличны по-своему: ихъ головы вставлены въ громадныя тяжелыя рамы, да такъ, что стоять и сидѣть онъ можетъ, но лечь ему или прислониться къ стѣнѣ никакъ нельзя. Рама раздвигается пополамъ. Въ каждой половинѣ вырѣзанъ полукругъ. Одну направо, другую налѣво—задвинуть засовы, запруть, и голова въ своеобразной, колоссальной, тяжелой оправѣ. По краямъ рамы китайскія надписи, повѣствующія любопытнымъ, за что именно носителю ея присвоенъ этотъ знакъ отличія. Направо и налѣво у входа пространство, задѣланное рѣшеткой. За ея желѣзные прутья на ночь сажаютъ несчастныхъ... Несчастныхъ? Но они вовсе не производятъ такого впечатлѣнія. Напротивъ. Сидятъ себѣ, заложивъ ногу за ногу, смѣются, болтаютъ. Одинъ даже пощупалъ мой дождевой плащъ, прицелкнулъ языкомъ и одобрилъ:

— Шибко тато, капетанъ!..

Я сталъ спрашивать, за что это онъ удостоенъ такого почета.

— Купеза... Подаряда.

Я понялъ, что онъ купецъ, подрядчикъ. По-китайски званіе весьма важное. На мое счастье, подошелъ манза, немного говорящій по-русски.

— Это нашъ богатый купецъ. Онъ обманулъ на подрядѣ губернатора,—тотъ и надѣлъ ему колодку на шею.

— Надолго?

— На двадцать солнць.

— Но вѣдь такъ ему спать нельзя?

— Трудно.

— И онъ все время просидитъ въ этой рамѣ?

— Если не откупится.

— Ну, а другой за что?

— Другой ожидаетъ кантами.

(Ему отрубятъ голову).

— Чего жъ онъ веселится, смѣется?

— Да вѣдь казнятъ еще черезъ три дня. Чего жъ ему сегодня думать объ этомъ?

Право! Единственно вѣрная философія.

— За что его приговорили?

— Хотѣлъ уйти къ хунхузамъ. Онъ „капетанъ“,—они его и сманивали.

— Почему же узнали, чего онъ хотѣлъ или не хотѣлъ?

— Какъ почему? Въ судѣ пытали..

Онъ что-то сказалъ „капетану“,—тотъ показалъ ладони. Кожи ни клочка—сплошное изсѣченное до костей мясо...

— И ноги у него такія жъ!

— Развѣ капитановъ у васъ тоже пытаются?

— Да это для всѣхъ одинаково, если нечѣмъ откупиться!..

Благодарю покорно!..

LXXXII.

Настоящій тылъ арміи. По вечерамъ кафе-шантаны открыты, тамъ—адская музыка, визгъ и вопли пѣвицъ, пьяное оранье ариеметическихъ піонеровъ, отводящихъ свою грубую наживную душу на дурацкомъ и нелѣпомъ разгулѣ. „Сотельныя“ летаютъ какъ плебейскія канарейки, отвратительное шанхайское шампанское („шип-шип“, какъ прозвали его китайцы) оцѣнивается по пятнадцати рублей бутылка, голенищами дуютъ это пойло—точно они годами бродили по безводной пустынѣ и только сейчасъ дорвались до живоносныхъ источниковъ. Я въ Харбинѣ не оставался. Прежняя ли моя репутація боевого корреспондента, не знаю,—но мнѣ разрѣшили ѣхать въ армію прямо. Къ сожалѣнію, другихъ держатъ здѣсь, особенно иностранцевъ. Пока идетъ подготовительная работа, армія распредѣляется по соотвѣтствующимъ мѣстамъ, возводятся укрѣпленія,—никого не пускаютъ туда. Жаль, что между ожидающими разрѣшенія слѣдовать далѣе—вотъ уже которую недѣлю смертельно скучалъ въ Харбинѣ такой блестящій военный писатель и искренній другъ и защитникъ

русской арміи, какъ полковникъ германской службы Гедке, помѣщающій свои талантливые и обстоятельныя письма въ „Berliner Tageblatt“. Это испытанный и преданный намъ человекъ, и по отношенію къ нему немного менѣе подозрительности было бы только справедливостью. Разумѣется, подъ видомъ корреспондентовъ сюда явилась и всякая накупь. Одинъ откровенно признавался мнѣ:

— Вы только корреспондентъ?—спрашиваетъ онъ меня.

— Да.

— А вы пишете что-нибудь?

— Немного.

— Что именно?

— Романы, повѣсти... Мало ли что еще.

— И это выгодно?

— Съ голоду не умираю.

— Скажите, пожалуйста, вотъ никогда не думалъ.

Странный субъектъ. Я ужъ самъ перешелъ въ роль допрашивающаго.

— А вы тоже корреспондентъ?

— Да. Отъ ***,—и онъ назвалъ одну изъ южныхъ газетъ.

— Только корреспондентъ?

— Какъ вамъ сказать... Процентовъ на 15 корреспондентъ.

— А на остальные 85?

— Думаю заняться дѣлами. Знаете, война,—тутъ только дуракъ не наживаетъ денегъ. Если за это приняться какъ слѣдуетъ. Съ толкомъ. Я присматриваюсь ко всему, и только получу свидѣтельство корреспондента,—сейчасъ же начну что-нибудь. Этакіе случаи разъ въ жизни бываютъ.

— А если вамъ не дадутъ свидѣтельства?

— Помилуйте, у меня даже отъ жандармскаго управленія есть рекомендація.

LXXXIII.

Наконецъ, нашъ поѣздъ готовъ. Опять аргунская „Волчья“ сотня.

— Знаете, кто съ нами?

— Ну?

— Генераль Ренненкампфъ. Вонъ онъ.

Я разсмотрѣлъ вдали браваго кавалерійскаго генерала со смѣлымъ и нервнымъ лицомъ, на которомъ задорно топорщатся рыжіе усы. Сѣрые глаза смотрятъ пристально, въ манерѣ что-то буршское — видимо, хорошій товарищъ, и въ то же время видна привычка приказывать... На шеѣ Георгій, другой въ петличкѣ... Онъ только что сдѣлалъ нѣсколько сотъ верстъ въ сѣдлѣ,—и ни малѣйшаго утомленія. Даже, пожалуй, недоволенъ, что дальше ѣдетъ въ удобномъ и покойномъ вагонѣ.

— Его не удивишь переходами!—сообщаетъ мнѣ лихой казакъ Николаевъ.

— А что?

— Помилуйте, мы вѣдь, кажется, родимся въ сѣдлѣ, а онъ, бывало, такъ насъ загоняетъ, что [хоть языкъ набекрень... А самому ему нипочемъ. Только коня перемѣнить, сядетъ на свѣжаго и опять дальше...

Хорошій боевой товарищъ—дѣйствительно. Съ [Николаевымъ, какъ и со многими молодыми офицерами, онъ на „ты“. Это не мѣшаетъ боевой дисциплинѣ, напротивъ, укрѣпляетъ ее. Такое „ты“ страшно обязываетъ. У Скобелева такихъ друзей мы называли кандидатами на бальзамировку, т.-е. на тотъ свѣтъ. Оно такъ и выходило. Бывало, надо сдѣлать что-нибудь невозможное, сказочное, изумительное. Онъ сейчасъ же друга:

— Поѣзжай, возьми сотню и сдѣлай мнѣ то-то и то-то.

Возьметъ, поѣдетъ и сдѣлаетъ, только назадъ не вернется!

— Съ Ренненкампомъ держи ухо востро... Господамъ картофельнаго склада лучше къ нему и не соваться!

Казакъ его любитъ, смотрятъ какъ на своего. Въ одномъ бою, въ прошлую китайскую войну, они ему гаркнули: „Генераль, хочешь славы,—мы тебѣ дадимъ ее“, и дали.

LXXXIV.

Въ вечернемъ сумракѣ таинственныя причудливыя горы. Врываясь въ ихъ заповѣдное царство, тускло мерещатся извилистые и длинные языки спокойнаго сегодня океана. Едва-едва различаешь вдали парусъ одинокой шаланды или неуклюжую фигуру джонки... Тишина кругомъ, меланхолическая, пустынная, полная своеобразной, загадочной прелести... Изрѣдка изогнутыя кровли фанзъ, обведенныхъ глиняными стѣнами. Китайскія деревни загорожены сквозными рошицами, на которыхъ только что пробился первый вѣжвый листъ. Мы у Портъ-Адамса, въ самомъ узкомъ мѣстѣ Квантуна, гдѣ японскій флотъ справа и слѣва можетъ играть двѣнадцатипудовыми снарядами дальнобойныхъ орудій, какъ мячиками, перебрасываясь ими черезъ вершины печальныхъ безлюдныхъ горъ. Безлюдныхъ! Еще вчера онѣ были такими,—теперь, чего-чего только не настроилъ здѣсь предприимчивый, неутомный генераль Фокъ! Мы скоро, навѣрное, услышимъ о такъ называемыхъ кинчжоускихъ позиціяхъ, гдѣ все есть, что необходимо для встрѣчи такого серьезнаго врага, какимъ является нашъ недавній другъ. На вершинахъ сказочными драконами изогнулись брустверы и рвы грозныхъ редутовъ. Отъ нихъ идутъ внизъ соединительныя траншеи, перегороженныя ложементами для короткой остановки подымающагося гарнизона. На подступахъ колья, перевитые проволочными сѣтями, волчьи ямы съ забитыми въ нихъ острыми кольями... Въ безмолвіи весенней ночи изъ глубокихъ рововъ и овраговъ слышится ржаніе лошадей, глухой говоръ временнаго бивуака, изрѣдка блеснетъ красное пятно костра съ черными силуэтами кругомъ. Тамъ, въ прикрытіяхъ, стоятъ охотничьи отряды, которыхъ со стороны не увидишь вовсе... Здѣсь мы уже на боевыхъ позиціяхъ. Все готово, притаилось и ждетъ. Днемъ китайцы на полевыхъ работахъ, фанзы смотрятъ попрежнему мирно, такъ же медленно скрипятъ ихъ арбы на пыльныхъ доро-

гахъ,—но, то и дѣло, солнце играетъ на штыкахъ проходящихъ батальоновъ, быстро мчится отъ одного берега къ другому кавалерійскій разъѣздъ, изрѣдка на югѣ что-то глухо и грозно ухааетъ... Спросите: что это?—Стрѣляютъ въ Портъ-Артурѣ...

LXXXV.

Странный, непонятный, громадный лежитъ кругомъ совершенно чуждый, разъ навсегда сложившійся въ недоступныя намъ формы, таинственный Китай. На его окраинахъ кипитъ война, флоты сталкиваются съ флотами, возводятся какія-то крѣпости, ихъ осаждаютъ, берутъ и отдаютъ вновь, ревутъ тысячи орудій, разсѣкая воздухъ страшными мелниновыми снарядами, портится море безчисленными минами, взрываются стальные чудовища, покрившія себѣ океаны, а онъ, этотъ старый философъ, изъ недосягаемой глубины своего загадочнаго края смотритъ, не волнуясь, и ждетъ: все это не разъ было и еще будетъ, и игра со смертью не стоитъ для него и часа его спокойнаго существованія. Объ его спокойствіе до сихъ поръ разбивалось все. Какъ въ океанѣ: вверху гремитъ гроза, ходятъ ураганы, гоня передъ собою громадные валы въ утесы желтыхъ береговъ, — а внизу тишина невозмутимая, и странный подводный міръ даже не слышитъ, что тамъ творится наверху. Только когда громадное стальное чудовище съ пробитымъ брюхомъ медленно опустится на дно,—подводный міръ отхлынетъ на минуту, но только на минуту. Пройдетъ оно, и цѣпкія, медлительныя водоросли начинаютъ вокругъ броненоснаго мертвеца свою вѣчную работу. Невиданныя рыбы оставляютъ въ пустыхъ каютахъ электрической слѣдъ, въ зіяющія скважины забираются громадные крабы, и, широко раскрывъ незрячія очи, лежатъ гдѣ попало трупы отважныхъ бойцовъ... Въ эту тихую ночь, пока еще не взошла луна, въ мутномъ и тускломъ свѣтѣ весь Китай мнѣ казался именно такимъ подводнымъ міромъ, а мы среди него—незрячими мертвецами.

LXXXVI.

Горы все выше и причудливѣе. Мѣсяць кутаетъ ихъ прозрачною фатой, и въ его нѣжномъ свѣтѣ еще заманчивѣе кажутся едва-едва намѣченныя ущелья. Начинаетъ отовсюду пахнуть моремъ. То и дѣло по сторонамъ, задумчивое и прекрасное, блеститъ оно своею безконечною далью и снова прячется за утесы, уходитъ за горы. Только что вы простились съ нимъ, и вдругъ—заливъ, темная отмель, и на ней серебряное кружево прибоя... Поѣздъ идетъ тихо: все равно, торопиться некуда. Пока повѣрятъ билеты на право въѣзда въ Портъ-Артуръ, пройдетъ много времени, и ночью негдѣ будетъ пріютиться и некуда добраться. Извозчики не ждутъ. Слава Богу,—кто можетъ остаться до утра въ вагонѣ, какъ мы. Всѣ документы, открывающіе вамъ доступъ въ отряды манджурской арміи, въ мѣсто расположенія намѣстнической главной квартиры, для Портъ-Артура, какъ для крѣпости, недостаточны. Вы каждый разъ должны послать телеграммой запросъ, разрѣшается ли вамъ пріемъ комендантомъ, и только по полученіи благопріятнаго отвѣта можете туда отправиться. На отъѣздъ нужно такое же разрѣшеніе отъ жандармовъ.

LXXXVII.

Что за странное мѣсто, какая оригинальная улица! Съ вокзала вы попадаете въ старый городъ. Передъ вами зеленоватая бухта, вся охваченная высокими горами, только въ одномъ мѣстѣ оставившими узкій проходъ, — но и въ этомъ проходѣ стоятъ боевыя черныя суда. Налѣво Ковшъ—часть бухты, вычерпанной машинами, углубленной гдѣ могутъ стоять величайшія океанскія чудовища; направо еще незаконченная пустынная часть залива,—тамъ нѣсколько мелко-сидящихъ пароходовъ, оставленныхъ „не у дѣлъ“. Въ Ковшѣ черныя многотрубныя, многобашенныя громады. И всѣ клубятъ въ голубое весеннее небо густой дымъ, всѣ точно наготовѣ уйти куда-то и

всѣ—обречены простоять тутъ долгіе, томительные мѣсяцы, пока придетъ изъ Балтики нашъ сѣверный флотъ на соединеніе съ этимъ... Нѣкоторые броненосцы привалили къ пристанямъ, какъ „Севастополь“, на которомъ развѣвается флагъ намѣстника, у другихъ кипитъ работа, къ нимъ точно припаяны гигантскіе кессоны, тамъ стучать молоты, свиститъ горячая струя пара, визжитъ желѣзо... Что это? „Ретвизанъ“ уже почти готовый, красавецъ „Цесаревичъ“—ему на выздоровленіе надо нѣсколько болѣе времени... Вотъ „Паллада“—она уже выписалась и свободно стоитъ въ Ковшѣ, ожидая своей очереди опять выйти въ море... Не тронуты стоятъ „Пересвѣтъ“, „Аскольдъ“. Вотъ герон „Новикъ“ и „Баянъ“ и много другихъ, и въ самой серединѣ бухты кокетливая, бѣлая, съ краснымъ крестомъ на трубахъ, „Монголія“—пловучій лазаретъ, гдѣ теперь находятся спасшіеся съ „Петропавловска“ люди... И надъ всѣмъ этимъ вершины береговыхъ горъ съ странными кубиками казематовъ, съ черными силуэтами орудій...

LXXXVIII.

Странная, оригинальная улица. Приземистыя китайскія фанзы, обращенныя въ жилые дома, обведены стѣнами. Вонъ кумирня—тамъ теперь морское собраніе, вонъ дворецъ намѣстника—тоже отзывающійся китайщиной. Все низенькое, меленькое, припавшее къ этимъ утесамъ, точно не осмѣливающееся поднять голову передъ грозными вершинами кругомъ. Только домъ Волкова—вверху, да еще два-три нарушаютъ общій тонъ этого китайскаго города. Улицы пыльныя, узкія. Даже не пыльны—тутъ пыль стихія, воздухъ, которымъ вы дышите, улица только дополненіе къ этой пыли. Желтыми завѣсами она отдѣляетъ отъ васъ дали, желтыми облаками движется на васъ и охватываетъ отовсюду, сыплется сверху, клубится снизу, срывается вѣтромъ и стоитъ надъ зеленою бухтой, колеблется въ высотѣ и уносится куда-то къ пустыннымъ горамъ. Портъ-Артуръ безъ пыли невысказанъ, вы его видите сквозь нее.

Когда въ безвѣтріе она уляжется, — даже странно, какъ это набережныя и улицы свободны отъ своихъ вѣчныхъ желтыхъ завѣсь. Но и это не надолго: нѣтъ вѣтра, есть обозы, и каждый гонитъ непременно облака этой специально манджурской стихіи. А толпа! Желтолицая, темнолицая, оливковолицая, шумная, суетливая, беспорядочная, и въ ней важныя, медлительныя, высокіе сипаи въ своихъ бѣлыхъ и красныхъ тюрбанахъ, бородатыя, презрительно управляющіе китайскою шпанкой, сидящіе у воротъ охраняемыхъ ими домовъ, наблюдающіе за портовыми работами сипаи, отъ которыхъ вѣтъ далекой Индіей, въ китайскую войну попавшіе къ русскимъ и уже не расстающіеся съ нами.

LXXXIX.

Я не знаю, какъ безъ сипаевъ обошелся бы Портъ-Артуръ? Честныя, дѣятельныя, вѣрныя — они всѣмъ своимъ существованіемъ переплелись съ мѣстными дѣлами, предпріятіями, начинаніями. Китайцы только ихъ и боятся, и спокойный, длинный, молчаливый сипай въ суетливой и крикливой желтолицой толпѣ — залогъ ея порядка. Они даже опрятности выучили китайца, какъ учать ей кошку. Теперь зато вы можете спокойно ходить по улицамъ этого страннаго города. Сипаи на работахъ сухого дока не дадутъ зазѣваться оливковымъ лѣнтяямъ, и все это безъ побоевъ, безъ палки, безъ окрика. Сипаи осѣли здѣсь навсегда. Если бы не нежданная-негаданная война, они написали бы сюда свои семьи.

— Уѣзжайте теперь, здѣсь оставаться опасно! — предлагали имъ.

— Мы не для того ѣдимъ русскій хлѣбъ, чтобы бѣжать отъ общей съ вами бѣды.

— Но вѣдь скоро вамъ придется драться, здѣсь всякая рука будетъ на счету.

— Если мы дрались за англичанъ, которые не считали насъ за людей, — мы тѣмъ охотнѣе поможемъ русскимъ...

Не одинъ изъ нихъ не уѣхалъ отсюда.

Я любовался ихъ стройными и тонкими фигурами на артурскихъ улицахъ. Отъ этихъ бородачей въ красныхъ тюрбанахъ вѣетъ чѣмъ-то далекимъ, мистическимъ, какимъ-то загадочнымъ предопредѣленіемъ. Не этимъ холоднымъ солнцемъ, не этою голою, пустынною далью. И когда синая въ рѣдкія минуты отдыха сядетъ на порогъ вашего дома и, полузакрывъ глаза, погрузится въ мечтательность, такъ и кажется, что ему чудятся великолѣпные храмы Эллары, несравненные у своихъ зеркальныхъ прудовъ дворцы Дели и пальмовыя роци Малабара съ красавицами, звонящими тысячами золотыхъ запястій, съ пышными процессіями жрецовъ...

ХС.

Пріѣзжему въ Артуръ—первое дѣло, и дѣло нелегкое отыскать себѣ пристанище. Я сначала попробовалъ найти комнату въ старомъ городѣ, гдѣ кипитъ вся жизнь этого порта. Меня привезли, прежде всего, къ Никобадзе. Да сохранить васъ Аллахъ отъ этихъ душныхъ и тѣсныхъ стойлъ. Когда я вошелъ туда, мнѣ казалось — вотъ-вотъ сейчасъ надо мною опустится крышка гроба. Вѣдь требовательность растетъ сообразно мѣсту, гдѣ находишься. Въ Мукденѣ, Ляоянѣ я бы удовлетворился такимъ стойломъ, но въ европейскомъ Портъ-Артурѣ другое дѣло. Послѣ Никобадзе меня привезли въ какую-то трущобу съ размалеванными и расхлестанными дѣвками столь рѣшительнаго вида и опасной предпримчивости, что я немедленно отступилъ съ позоромъ.

— Неужели у васъ нѣтъ приличныхъ комнатъ?—спрашиваю у извозчика.

— Міу, міу!—мотаетъ головою китаецъ въ русскомъ кучерскомъ платьѣ.

— Во всемъ городѣ?

— Болилая капетана зависегда у Никобадзе.

— Ну, хоть я не большой капитанъ, а тутъ не остановлюсь.

Обратился къ проходившему мимо артурцу.

— Въ новомъ городѣ есть хорошій отель „Россія“.

— Вези туда.

— Далеко будетъ!

— Дѣлать нечего.

Опять отважно погружаемся въ царство желтой пыли. Оставляемъ позади зеленый Ковшъ съ его чудовищами, черными, клубящими дымъ въ голубыя небеса, низенькія, передѣланныя фанзы набережной, вновь мимо станціи огибаемъ безконечные поѣзда, и еще минута—мы среди пустырей, безлюдья.. Желтый берегъ, желтыя осыпи, желтыя горы. Сквозь желтую пыль несемъ по желтой дорогѣ въ желтую даль. Мимо—рикши.. Наклонясь, везетъ несчастный какую-нибудь развалившуюся на его легкомъ экипажѣ квашню, несомнѣнно, калужскаго происхожденія; другой подталкиваетъ ихъ сзади, и, окутанная желтою пылью, несется, мыкаясь во всѣ стороны, квашня куда-то. Извозчики въ Артурѣ дороги: конецъ—1 р., первый часъ 1 р. 60 к., слѣдующіе—по 1 руб. 20 к., и при этихъ цѣнахъ они жалуются: дороги де кормы. Должно-быть, они водятъ коней въ „Эрмитажъ“ или къ Тѣстову и поятъ ихъ шампанскимъ.

— Сколько ты зарабатываешь въ день?—спрашиваю у одного.

— Вчера привезъ двадцать три рубля...

XCI.

Вотъ, наконецъ, и новый городъ. Вымощенныя улицы безъ домовъ. Война застала въ самой горячкѣ построекъ. Вездѣ выведены фундаменты, кое-гдѣ готовы стѣны, стоятъ лѣса... Ряды безлюдныхъ хорошихъ домовъ... У моря громадный отель, который возвелъ для проѣзжающихъ городъ, но не успѣлъ его отдѣлать. Дальше какіе-то бѣлые дворцы, причудливые декадентскіе фасады съ окнами въ видѣ вазъ, домики при башняхъ и башни при домикахъ,

трехэтажныя строенія съ неизбѣжнымъ „Кунстомъ и Альберстомъ“, опять кирпичныя кладки въ лѣсахъ и безъ лѣсовъ, горы стронтельнаго матеріала, какіе-то павильоны съ окнами во всѣ стороны и павильоны слѣпыя, безъ оконъ, солидный четырехугольникъ восточно-китайскаго банка, бѣлыя линіи казенныхъ управленій и опять улицы безъ домовъ. Все выросло кучками, гнѣздами, какой-нибудь годъ, и это бы соединилось въ одно цѣлое, да японцы не ждали и оборвали архитектурную феерію въ самомъ началѣ. Сколько милліоновъ сюда убухано! Напрасно считаете— не сочтете,— говоритъ мой спутникъ. Много пустырей, сглаженныхъ подъ дома, много мѣстъ, вырванныхъ у Желтой горы, къ которымъ должны были присоединиться, природы задуманные дворцы. ~~На этихъ улицахъ, въ окнахъ, на балконахъ и террасахъ никого. Да что, вымеръ новый городъ? Нѣтъ, всѣ разъѣхались... Японцы бомбардировали его. Вонъ, видите бѣлую стѣну. Да... Всмотритесь... Она пробита въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Тамъ въ креслѣ-качалкѣ убита осколками гранаты m-me Франкъ и жизнерадостная красавица дѣвушка Валевичъ, на которую любовались и Артуръ и Дальній... Послѣ нихъ масса народа выбралась отсюда. Часть—въ Россію, часть—въ Харбинъ. Тѣ, кто связанъ съ Артуромъ,—въ старый городъ, въ его китайскія фанзы...~~

ХСII.

Слава Богу, г. Думчевъ не испугался и держитъ здѣсь свою гостиницу. Меня ввели въ громадную, свѣтлую, высокую комнату. Я даже глаза себѣ протеръ: въ Манджуріи ли я? Все залито солнцемъ, большая, хорошая постель, зеркала, столы... это послѣ стойлѣ г. Никобадзе!.. Вышелъ я на балконъ и сразу почувствовалъ себя завоеваннымъ красотой, раскинувшейся передо мною. „Россія“ стоитъ на высотѣ. Цѣль для японскихъ снарядовъ превосходная, но поэтому именно и видъ отсюда единственный. Какой-то миражъ, нѣчто волшебное. Глядишь, и не наглядишься, и чув-

ствуешь, что сердце прирастаетъ къ этой красотѣ кругомъ. Желтая пыль, желтыя осыпи—далеко внизу. Передъ вами просторъ и ширь и даль безъ конца... Вонъ налѣво желтосинія массы Крестовой горы; смѣлымъ взлетомъ поднялась сръзанная, какъ столъ, Золотая съ своей мортирною батареей. Издали она точно алтарь невѣдомаго бога, алтарь, ожидающій жреца, чтобы закурилась великая жертва... Золотая гора—дѣйствительно, золотая надъ синью океана... Вонъ проходъ, и въ немъ—лицомъ къ врагу „Отважный“, „Гилякъ“ и „Бобръ“. Какіе они крошечные отсюда, но какъ отчетливо видны каждая снасть, труба... Съ другой стороны врѣзался въ бухту Тигровой хвостъ, Тигровая гора, и за ней гордо и смѣло рѣжетъ высоту утесистый, изорванный Ляотешанъ, весь точно изъ сплошнаго аметиста, со всѣми его оттѣнками, съ фіолетовымъ блескомъ, съ темной синью... Черезъ него издали, изъ-за двѣнадцати верстъ японцы поражали насъ выстрѣлами. Снаряды перелетали черезъ этого каменнаго гиганта, шлепались въ наши пустынные и тихіе берега, въ недостроенные дома новаго города, въ старыя и рвались гдѣ-то позади на Перепелиной горѣ... Теперь Ляотешанъ весь млѣетъ подъ солнцемъ. Вездѣ профили грозныхъ укрѣпленій, вездѣ нарыты дороги къ нимъ. Артуръ, будущій нашъ Севастополь, вооружается до зубовъ. Онъ одѣлъ вершины горъ редутами и батареями, связалъ ихъ между собою траншеями, у самой воды поставилъ хорошо прикрытыя орудія, зарылся подъ блиндажи, всѣ подступы къ городу перегородилъ сѣтями проволоки, волчьими ямами и ждетъ. Милости просимъ, гг. японцы!

ХСІІІ.

Мой первый визитъ, послѣ необходимыхъ официальныхъ, былъ на пароходъ „Монголія“. Это пловучій лазаретъ „Краснаго Креста“. Заболѣй я или будь раненъ, — не желалъ бы для себя лучшаго помѣщенія. Я не говорю о педантической чистотѣ, о внимательности

персонала,—это все въ порядкѣ вещей, но вотъ что дѣлаетъ „Монголію“ незамѣнимой: она посреди залива, и поэтому въ ея каютахъ, больничныхъ камерахъ, проходахъ—такой чудный, цѣлебный воздухъ, который самъ по себѣ уже является лучшимъ лѣкарствомъ для больного. Его пьешь—какъ какую-то возстановляющую силу эссенцію, онъ рождаетъ въ васъ жажду жизни, энергію. Я здѣсь дышалъ и не могъ надышаться! Но—увы!—и въ этомъ больничномъ раю есть своя оборотная сторона. Въ Ковшъ заливъ—то и дѣло въ бомбардировкѣ падаютъ японскіе снаряды. Въ послѣдній разъ нѣкоторые шлепнулись около самой „Монголіи“. Какая-нибудь шальная и глупая глыба начиненнаго мелинитомъ желѣза можетъ пробить палубу пловучаго лазарета и разорваться въ его внутреннихъ камерахъ, отравивъ всѣхъ больныхъ ядовитыми газами. Я уже не говорю о тѣхъ, кого поразятъ осколки. Поэтому „Монголія“ только передаточная станція. Отсюда поправляющихся торопятся передать на санитарные поѣзда и отправить на сѣверъ. Не дальше, какъ на второй день своего приѣзда сюда, я видѣлъ, какъ бережно сносили раненыхъ въ постеляхъ къ поѣзду „Краснаго Креста“. Старались, чтобы они не шелохнулись. Сестры милосердія надъ ихъ изголовьемъ держали зонтики, чтобы солнце не беспокоило больныхъ... Я смотрѣлъ на это и вспоминалъ войну 77—78 гг. Насъ тогда не приучали къ подобнымъ нѣжностямъ. Долго ли это продлится,—не знаю, но тогда раненому было куда хуже.

XCIV.

Здѣсь, на „Монголіи“, случилось нѣкоторое чудо. Я не шучу, хотя знаю, что нынче чудесъ нѣтъ. Чудо это, впрочемъ, научное. Одинъ изъ раненыхъ нарушилъ всѣ утвержденные медициною законы божескіе и человѣческіе. Онъ былъ вынутъ изъ раскаленнаго пара сварившимся. Двѣ трети его тѣла оказались сплошнымъ ожогомъ, на остальной трети—кожа тоже была мѣстами попорчена. Взяли его на „Монголію“ для очистки совѣсти, облегчить послѣднія ми-

нуты, а потомъ съ честію предать землѣ православнаго воина. Никакого иного исхода и быть не могло,—и вдругъ, представьте себѣ, обожженный никакъ не соглашался умирать. Господь вѣдаетъ какъ, а наружные его покровы начали восстанавливаться. „Я съ удивленіемъ слѣдилъ за этимъ и ничего не понималъ,—говорить дѣятельный и заботливый докторъ Ковалевскій.—Представьте себѣ: вѣдь обожженный и научно приговоренный къ смерти началъ поправляться, да такъ, что мы уже съ спокойною совѣстью могли отправить его дальше для полного излѣченія“. Отъ него, какъ и отъ другихъ больныхъ, не отходили сестры. Я не могу безъ умиленія смотрѣть на этихъ святыхъ подвижницъ, тихо и скромно совершающихъ здѣсь, на этой кровавой страдѣ, свое святое, великое дѣло. И на „Монголіи“ овѣтъ же, что и на боевыхъ окопахъ далекой отсюда Болгаріи. Ни русская женщина ни русскій солдатъ не пошли назадъ. Какъ бы я былъ счастливъ, если бы и о всемъ остальномъ здѣсь могъ сказать то же самое. На обѣдѣ у генерала Куропаткина Алексѣй Николаевичъ, обращаясь къ намъ, сказалъ: „Нашъ солдатъ таковъ, что если съ нимъ не одержимъ побѣды,—такъ это не его, а наша вина!“ То же скажу и о русской сестрѣ. Если съ нею не удастся побороть болѣзней и недуговъ,—такъ это ужъ не ея вина!

ХСV.

Портъ-Артуръ—этотъ будущій нашъ Севастополь, удивительно спокоенъ. Японцы рыщутъ кругомъ, заползаютъ въ бухты Квантуна, на китайскихъ шаландахъ шныряютъ въ каждую извилину берега, даже на несчастныхъ шампунькахъ ихъ моряки то и дѣло скользятъ у самаго Ляотешана,—а, заключивъ себя въ могучія батареи и обведя свои позиціи тройнымъ ожерельемъ траншей, проволочныхъ сѣтокъ, волчьихъ ямъ,—обреченный городъ точно и не думаетъ о наступающей осадѣ. Въ морскомъ собраніи такъ же собирается мѣстное общество—обѣдать, ужинать, пить чай; на „Этажеркѣ“, какъ и въ обычную мирную пору,

играетъ музыка, мичманы и лейтенанты флиртируютъ всю, дамы щеголяютъ весенними туалетами, и только взрывы на мѣстѣ будущихъ батарей и рыжія облака пыли, подымающіяся надъ ними, говорятъ, что вовсе не все ужъ здѣсь такъ обстоитъ благополучно. Въ „Ковшѣ“ кипитъ работа. Вотъ къ раненой „Побѣдѣ“ домкратъ пододвигаетъ громадный кессонъ, вонъ въ сухомъ докѣ около тысячи китайцевъ тянутъ что-то никогда непрерывающеюся цѣпью. Въ маломъ докѣ пять миноносокъ лѣчатся сразу; онѣ уже на пути къ выздоровленію, и сопровождающій меня инженеръ-механикъ поясняетъ: черезъ три дня выпустимъ ихъ изъ лазарета. Удивительно оригинальное зрѣлище сверху—эти бокъ-о-бокъ стоящія на сушѣ суда. Ихъ облѣпили рабочіе, грохотъ, стукъ, визгъ, и вдругъ удалая пѣсня, отъ которой весело станетъ на сердцѣ и сразу и умомъ и душою понимаешь, что народъ, создавшій таковую, не можетъ быть побѣжденъ безповоротно...

— Большое счастье, что во-время пріѣхали русскіе рабочіе!

— А что?

— Пятнадцать китайцевъ не сдѣлаютъ того, что одинъ такой.

— А праздники и прогулы?

— Будь ихъ вдвое,—все равно. У насъ, съ приходомъ ихъ, точно по рельсамъ двинулось все. А все спасибо покойному Макарову, это—его мысль. Ему принадлежитъ и выполненіе идеи кессоновъ. Съ ними мы обходимся безъ большого дока. Вообще, сколько въ немъ потерялъ Портъ-Артуръ! Онъ бы не сдѣлалъ ошибки, роковой ошибки 27-го января.

— Какой? 27-го японцы бомбардировали Портъ-Артуръ.

— А дальше?

— Тѣмъ дѣло и кончилось.

— Не совсѣмъ такъ.

И моего собесѣдника такъ и повело судорогою.

— Знаете, объ этомъ тяжело говорить... Страшно тяжело. И война приняла бы другой оборотъ, и хозяйничали бы

здѣсь не они, — кивнулъ онъ въ голубую даль выхода въ океанъ, — а мы... Намъ не привелось бы вѣчно быть подъ японскимъ надзоромъ.

— Да въ чемъ же дѣло?

— Потомъ когда-нибудь.

Война — роковой азартъ. Въ ней проигранныя ставки никогда не возвращаются. Говорятъ... мало ли что говорятъ? О такихъ слухахъ надо упоминать, какъ о томъ, въ чемъ высказывается общественное настроеніе. Мы, если ему вѣрить, такъ мало были подготовлены къ войнѣ, что даже на нѣкоторыхъ батареяхъ не нашлось зарядовъ. А на Крестовой горѣ, напримѣръ, и вовсе не было батарей, и потому японцы преспокойно шли очень близко къ ней. Но стоило намъ вооружить эти высоты орудіями, какъ непріятель въ первую же ночь сдѣлалъ большой кругъ, минуя ихъ, — такъ у него великолѣпно организована развѣдочная служба. Въ Портъ-Артурѣ не секретъ, что еще до недавняго времени на Перепелиной горѣ и на Ляотешанѣ китайскіе шпіоны японцевъ, а можетъ-быть, и переодѣтые японцы (поди—разбери ихъ!) давали сигналы, ночью огнемъ, а днемъ разсыпаясь и собираясь въ опредѣленные фигуры, — о томъ, какъ попадаютъ снаряды ихъ въ нашъ городъ. Когда мы догадались, въ чемъ дѣло, — солдаты подобрались къ горѣ и никого не нашли, и только черезъ нѣсколько времени имъ удалось перестрѣлять этихъ смѣлыхъ сигнальщиковъ.

Очень хорошо разсужденіе китайцевъ.

Они шпіонство вовсе не считаютъ преступленіемъ.

— Вѣдь за это платятъ деньги?..

— Платятъ.

— Значитъ, это хорошо. Такая же работа, какъ и всякая другая.

Надо замѣтить, что во время бомбардировки всѣ китайцы прячутся въ свои фанзы. Ни одного ихъ извозчика ни рабочаго не остается въ городѣ. Въ такіе дни газета „Новый Край“ не выходитъ. Наборъ готовъ, но всѣ печатники-китайцы въ слѣпомъ ужасѣ разбѣгаются кто куда попало.

Семьи остаются безъ обѣда—потому, что отъ ихъ поваровъ и слѣда нѣтъ. Они самую обыкновенную храбрость, даже спокойствіе считаютъ чуть ли не преступленіемъ. Во время одной изъ бомбардировокъ человѣкъ восемь китайцевъ осталось на берегу. Рѣшились посмотрѣть, что это за стальные мячики летаютъ черезъ горы въ бухту. Одинъ такой мячикъ съ оглушительнымъ визгомъ разорвался надъ ними, и малевкую толпу такъ обрызгало мелкими осколками шрапнели, что на мѣстѣ остались только изорванные куски мяса и костей. Потомъ портъ-артурскіе китайцы передавали:

— Это были дурные люди.

— Какъ дурные?

— Такъ... хунхузы.

— Почему, я ихъ самъ зналъ.

— Нѣтъ, хунхузы!—стояли тѣ на своемъ.—Развѣ хорошій человѣкъ пойдетъ смотрѣть на это. Хорошій человѣкъ спрячется въ подвалъ и голову подушкой накроетъ, чтобы не слышать. Только хунхузъ можетъ выйти изъ дому въ такое время.

Надо отдать справедливость китайцамъ. Они удивительно узнавали о днѣ предстоящей бомбардировки. Утромъ не явились въ доки, на биржу, въ редакцію, на уличныя работы,—значитъ, явятся японцы и будетъ „бумъ-бумъ“. Ихъ спрашивали,—они неопредѣленно отвѣчали:

— Насъ „предупреждаютъ“.

Говорили даже, что за день до бомбардировки японцы со своихъ судовъ выбрасываютъ дощечки съ китайскими надписями: „тогда-то будьте осторожныѣ“. Теченіемъ прибывало доски къ китайскимъ береговымъ фанзамъ, шаландамъ,—а черезъ нѣсколько часовъ все желтолицее населеніе Портъ-Артура уже знало объ этомъ.

Были между китайцами наивные люди.

На „Пересвѣтѣ“ ломали и выбрасывали вонъ деревянные обшивки, панели, представлявшія опасность на случай пожара отъ взрыва японскаго снаряда. Къ броненосцу подплыла шампунька съ старикомъ китайцемъ и его сыномъ.

Бомбардировка началась, — китайцы, должно-быть, были „дурные“ люди, потому что, не боясь, подбирали выкидываемое.

— Убирайся, убьют!—кричать имъ матросы съ борта.

— Нѣтъ... Мало-мало работай... Это русскіе дерися, мы дерися нѣтъ. (Нась, значить, не тронуть.)

И при этомъ старикъ лукаво улыбается. Я де знаю,—меня не надуешь.

И какъ нарочно—бумъ, и неуклюжіи снарядъ прямо въ шампуньку. Понятно, отъ нея не осталось и щепокъ.

Насколько японскія пули благородны: онѣ малы и тонки, такъ пронизываютъ тѣло, что вы съ трудомъ укажете входъ ея и выходъ. Отъ ихъ ранъ не умираютъ, если нѣтъ зараженія крови, т.-е. вмѣстѣ съ пулей не вошла и посторонняя грязная тряпка, потное бѣлье. Если не убить на мѣстѣ,—выживетъ. Были случаи, когда раненый въ грудь навзлетъ возвращался съ перевязочнаго поста въ строй, не дождавшись, чтобы его осмотрѣли. Зато ихъ артиллерійскіе снаряды отвратительны. Они начинены лиддитомъ или мелинитомъ и обнаруживаютъ присутствіе пикриновой кислоты. Самое строеніе снаряда таково, что онъ рвется на мелкіе куски, что даетъ большую поражаемость, при этомъ развиваются желтые, ядовитые газы, отъ которыхъ, если не сейчасъ, то черезъ день начинаютъ страдать легкія и сердце. На взъѣздѣ на Тигровый хвостъ разорвало гранату. Офицеръ подымался въ это время съ казакомъ.

— Тебя не тронуло?—оборачивается онъ.

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе.

— Ну, слава Богу.

— Такъ что во рту только скверно.

А утромъ онъ уже лежалъ въ пловучемъ лазаретѣ „Монголія“ съ отравленными легкими.

И характеръ этой отравы таковъ, что отъ нея надолго не отдѣлаешься. Я видѣлъ матроса черезъ два мѣсяца послѣ того, какъ онъ отравился мелинитовымъ газомъ. Кашляетъ съ натугой, съ страданіемъ на лицѣ.

— До сихъ поръ здѣсь саднѣть, — жаловался онъ, указывая на грудь. — И кровью харкаешь... Болитъ, да и только.

— Чортъ знаетъ, не знаешь, какъ и лѣчить. У насъ дѣйствиѣ этихъ газовъ было неизвѣстно, — ссытался докторъ, лѣчившій этого матроса.

XCVI.

Солнце во всю. Такъ печетъ, — не знаешь, куда дѣваться. Жаромъ пышутъ каменные стѣны. Въ зноѣ замерли черныя боевыя суда. На палубѣ никого, только дымъ клубится изъ очередныхъ трубъ. Солдатъ размаяло. Идетъ куда-то рота, — всю распарило. „Что твоя баня! — старается пошутить рыжій сибирякъ съ бородою въ полугрудь. — Влѣзь на полокъ, — поддавай пару!“ Лошади шагомъ едва-едва везутъ вдоль раскаленныхъ утесовъ Золотой горы. Остановятся, понурятся и тяжело дышать. И одного въѣзда еще не одолѣли, а хотъ выжми. Китаецъ-извозчикъ только сопить. Ему ли не привыкнуть, а и онъ смякъ совсѣмъ. Даже тѣнь не радуется — и въ ней парить. „Такіе у насъ подлые климаты! — замѣчаетъ мой спутникъ. — Сейчасъ — вы въ аду, а ночью холодомъ ударить, и готовъ мальчикъ. Къ Артуру, да и ко всему Квантуну вообще надо привыкнуть“. Не успѣли мы сдѣлать двухъ поворотовъ, какъ точно изъ-подъ земли выросъ жандармъ.

— Вы куда, господинъ кавалеръ?

— На батарею.

— Нельзя-съ. Пожалуйте обратно.

— У меня билетъ.

— Покажите!

Я ему предъявляю.

Отдаетъ честь.

— Пожалуйте.

— Позвольте мнѣ васъ теперь спросить: какъ вы сюда попали?

— По наряду.

— Да вѣдь тутъ мѣсто военнымъ, часовымъ?

— Такъ что до сихъ поръ опасно, и нынче вездѣ намъ ввѣрили.

Подымаемся. Медленно взмываетъ въ высоту орелъ широкими плавными кругами. Раскинулъ кажущіяся неподвижными крылья. Какой просторъ видитъ онъ подь собою: отъ Кореи до Китая, до Чифу... На сѣверѣ весь Ляодунъ, со всѣми извилинами его береговъ, съ дикими хребтами горъ, похожими на спящихъ драконовъ, съ желтою землею и сѣрыми, заключенными въ глиняныя стѣны, деревнями... На югъ подь нимъ стелется лазурный океанъ съ безчисленными островами, съ враждующими флотами. Орелъ обратился уже въ точку, скоро и эта точка пропала въ ослѣпительномъ небѣ. Колеса жалостно трещать, дорога выбита въ камнѣ, фаятонъ движется по его ребрамъ. Лошади точно сами изъ себя извернутся хотять, какъ перчатка съ потной руки.

— Кто идетъ?

На этотъ разъ часовой настоящій.

— Свой.

— На батарею воспрещено.

— Крикни разводящаго.

— Слушаю.

Уходитъ.

Солнце серьезно принимается за мой носъ, точно оно только его и ждало. Я оглядываюсь: весь Портъ-Артуръ подо мною. Пожалуй, и орлу нечего завидовать. Такъ бы раскинулъ крылья и въ просторъ — поминай какъ звали. Всѣ бухты со своими судами, муравьями-миноносками, инфузоріями-шампуньками, катерами. Хребты и ребра горъ, которые я до сихъ поръ видѣлъ только снизу, — а теперь всѣ ихъ позвонки наперечетъ, — изогнулись какъ допотопныя чудища, широко разбросивъ свои каменные лапы, крѣпко врѣзались кварцевыми когтями въ самое дно океана и некрушимо держатся подь его ударами.

— Ты разводящій?

— Точно такъ.

— Вотъ наши билеты. Отнеси ихъ батарейному командиру.

Мы выходимъ, разминаемся.

Передъ нами бѣлые блиндажи. Темныя двери въ ихъ казематы и черныя круглыя неуклюжія жабы мортиръ, нащупывающихъ отсюда японскіе броненосцы и крейсера за восемь верстъ. Снаружи, откуда не видать ихъ жадно раскрытыхъ пастей, онѣ хорошо прикрыты, хобота опущены — до грозы... А разразится она, и эти огнедышщія жерла выбрасываютъ въ страшную даль снаряды отъ шести до семи пудовъ вѣсу. Тогда вершина Золотой горы вздрагиваетъ отъ ихъ выстрѣловъ, и въ каменныхъ нѣдрахъ ея что-то глухо стонетъ и жалуется... Золотая гора, это— дѣйствительно золотая. Въ ней нашли этотъ драгоцѣнный металлъ. О томъ, что онъ здѣсь хоронится въ свои подземныя кварцевыя жилы, знали и китайцы. Только пока, въ боевую непогоду, нельзя его разрабатывать. Не до того лютому и жадному человѣчеству...

— Милости просимъ...

Высокій и тонкій капитанъ.

— Очень радъ познакомиться. Зейцъ.

Мы называемъ себя.

— Хотите чаю?

Черезъ нѣсколько дней мы стали друзьями. Трудно найти людей болѣе радушныхъ, чѣмъ эти пустынно-артиллеристы, замкнувшіеся отъ всего міра на высотахъ въ свои блиндированныя воздушныя кельи.

— Жара спадетъ, тогда лучше все будетъ видно. Теперь солнце слишкомъ слѣпитъ глаза.

Прохлада и сумракъ каземата. Двѣ постели — капитана и его помощника, лавки, табуреты, столъ, — вотъ и вся неприхотливая обстановка. Но скоро она стала намъ вѣсьмъ милѣ большихъ комнатъ города съ ихъ уставою, роскошью. Мы повадились сюда чуть не ежедневно. Здѣсь собиралось интересное боевое общество, гдѣ каждому было о чемъ поразсказать. Вотъ, напримѣръ, подполковникъ Рашевскій. Я о немъ слышалъ еще въ Ляоянѣ у командующаго арміей.

Кто-то прїѣхалъ изъ Портъ-Артура и разсказывалъ, что страстный фотографъ-инженеръ ухитрился снять четыре пластинки послѣдовательно съ „Петропавловска“ въ сорокъ секундъ его гибели.

— Какъ, какъ его фамилія? — спросилъ генераль Куропаткинъ.

— Подполковникъ Рашевскій.

— Слѣдуетъ запомнить имя такого нетеряющагося ни въ какомъ случаѣ офицера...

Есть три сорта людей. Одни въ такихъ обстоятельствахъ вмѣсто дѣла - только „ахнуть“. Изъ этихъ никогда и ничего не выйдетъ. Другіе хотя и растеряются, но попробуютъ. Разумѣется, имъ не удастся,—но на нихъ надежда еще не потеряна. Выстрѣлятъ направо вмѣсто налево или внизъ вмѣсто того, чтобы вверхъ. Въ слѣдующій разъ они, можетъ-быть, будутъ находчивѣе. Ну, а вотъ такіе, какъ Рашевскій, настоящее золото. Эти третьи всего рѣже встрѣчаются.

Рашевскій не только фотографъ. Это дѣятельнѣйшій фортификаторъ. Душа и мозгъ Портъ-Артура — генераль Кондратенко, неутомимый, изобрѣтательный, энергичный—ему обязана крѣпость лучшими своими укрѣпленіями, всею системой своей удивительной защиты, и вотъ одна изъ рукъ Кондратенко—подполковникъ Рашевскій, вмѣстѣ съ Коноваловымъ постоянно роющій, создающій, взрывающій, укрѣпляющій, и я не знаю, какое еще „щій“ прибавить къ этому. Разумѣется, какъ и всѣмъ талантливымъ людямъ, имъ приходится бороться съ бездарностью, подлостью и косностью... Но къ этому надо привыкнуть — оно именно и называется „порядкомъ вещей“.

Отшельники Золотой горы кормятъ и поятъ всѣхъ поѣтителей. То у нихъ въ казематѣ моряки съ ближайшей сигнальной станціи, то мы. Солдатскій простой столъ открытъ для каждаго. Снизу глядя на эту грозную батарею, на ея бѣлые кубы, которыхъ не можетъ взять никакой снарядъ, никакъ нельзя себѣ представить, чтобы подъ ихъ некрушимыми сводами была такая жизнь. Это настоящіе военные люди, открывающіе вамъ и душу и все, что у

нихъ есть. Они не думаютъ о „завтра“, да и что о немъ думать! Завтра, можетъ-быть, придется лежать на склонахъ этой горы съ осколкомъ желѣза въ груди или бороться со смертью въ томъ же пловучемъ лазаретѣ „Монголіи“. Война имѣетъ для наблюдателя одинъ большой плюсъ. Тутъ людей видишь такими, какъ они есть. Маски не пужно, — она ни къ чему не служитъ. Вы сейчасъ же узнаете труса, спокойнаго, отважнаго, великодушнаго, негодяя. Они подаютъ себя на ладони, имъ некогда прикидываться. И не только подаютъ, но и подчеркиваютъ всѣ особенности своего характера, всѣ свои душевные рельефы. Здѣсь пужно быть слѣпымъ, чтобы не видѣть, глухимъ — не слышать. И если война дѣйствительно экзаменъ, то ни одинъ лодырь отъ него не избежится. И люди и учрежденія, — такъ и видишь, что вы сдѣлали, чему научились за эти двадцать семь лѣтъ, или чего вы не сдѣлали, чему не научились. Пока приходится повторить то же, что я говорилъ въ своемъ „Годѣ войны“ въ 78-мъ году. Сразу наблюдается то же странное явленіе. Экзамены лучше всего держитъ все пришедшее снизу... Тутъ ставьте 5 съ плюсомъ за глаза...

Когда жара спала, — мы вышли.

Въ волшебную синю ложился океанъ. Громадный, царственный, спокойный... Это само величіе, которому ни до чего нѣтъ дѣла. Все съ нимъ считается, а онъ ни съ кѣмъ. Мощною ляписъ-лазуревою массой налѣво выдвинулся Кепъ-Камень съ причудливыми хребтами за нимъ... Подъ нами грозная въ своемъ безмолвіи знаменитая Электрическая батарея. Стальные жерла выдвинулись оттуда и точно сторожатъ кого-то. Тонкими черными силуэтами стоятъ на высяхъ часовые... Направо проходъ во внутреннюю бухту...

— Что это?

— Брандеры, затопленные японцами. Ихъ семь теперь. Хотѣли загородить выходъ намъ, — но, отбитые нашимъ огнемъ, утонули у береговъ. Одни вскочили на отмель, другіе разбиты снарядами, третьи перекинулись и точно

отдыхаютъ лежа. Эти попали на наши мины... Странное зрѣлище представляютъ мертвые пароходы, такъ печально сыгравшіе свою послѣднюю роль. Между ними нарочно затопленныя нами наши торговыя суда. Одинъ кувырк-нулся, и днище его лежитъ въ водѣ, какъ спина заснува-шаго чудовища, другой красиво легъ, и грандіозныя мачты его чуть касаются родной ему стихіи... Между всѣми этими загражденіями извилистый и кое-гдѣ, въ свою очередь, защищенный минами, едва замѣтенъ проходъ для нашихъ броненосцевъ.

— Его-то и стараются преградить японцы.

— Сколько они уже истратили пароходовъ-брандеровъ на это!

Каждый изъ брандеровъ нагруженъ камнемъ и залитъ цементомъ. Получается какой-то монолитъ, который разорвать и раздробить можно только пироксилиномъ!

Я черезъ нѣсколько дней на катеръ съ „Отважнаго“ посѣтилъ эти брандеры. Тамъ все пусто, мрачно... Послѣ войны ихъ можно будетъ поднять, и они еще сослужать намъ какъ коммерческой флотъ, если только найдутъ возможность извлечь оттуда эти монолиты сварившагося балласта.

ХСVII.

На одномъ изъ брандеровъ большими русскими буквами мѣломъ было написано: „Высокоуважаемые русскіе моряки, я уже приходилъ къ вамъ разъ и приду еще“. Затѣмъ слѣдуютъ нѣсколько трогательныхъ любезностей и подпись одного изъ японскихъ офицеровъ, бывшаго морскимъ агентомъ въ Петербургѣ, страстно любившаго Россію и даже мечтавшаго жениться на русской. Мнѣ досадно, что я забылъ его имя, но, можетъ-быть, портъ-артурцы, прочитавъ это, пополняютъ пробѣлъ. Вернувшись въ Японію, онъ даже подвергся обвиненію чуть не въ государственной измѣнѣ за свое сочувствіе къ намъ. Чтобы доказать, какъ въ немъ ошибаются, онъ самъ вызвался командовать брандеромъ, т.-е. пойти почти на вѣрную смерть. Онъ побывалъ у насъ

однажды и вернулся цѣлымъ. Можетъ-быть, это удалось бы ему и вторично, но, сѣвъ въ шлюпку, отвалившую отъ взорваннаго миною брандера, онъ увидѣлъ, что одного изъ его товарищей нѣтъ. Герой—потому что это былъ настоящій герой—вернулся опять, чтобы увидѣть своего товарища задавленнымъ обрушившимся декомъ. Когда онъ кинулся къ шлюпкѣ, было уже поздно. Съ берега заработали пулеметы, и японскій морякъ смертью доказалъ, насколько неправы къ нему были его соотечественники.

Море спокойно вокругъ этихъ труповъ, нѣкогда бороздившихъ его безбрежныя воды, легкой прибой лижетъ ихъ темные борта, вскидываясь по нимъ порою, точно разглядѣть хочетъ, не осталось ли чего-нибудь живого тамъ, не откликнется ли чей-нибудь веселый голосъ на бодрюю музыку неугомонныхъ волнъ. Въ приливъ сюда слетаются чайки и крикливо носятся вокругъ его мачтъ и трубъ. Странное впечатлѣніе производятъ въ вѣчномъ блескѣ торжествующей стихіи эти недвижныя и печальныя силуэты.

ХСVIII.

За этими брандерами и проходомъ, ославшимся нетропнымъ, цѣлая цѣпь перевившихся хребтовъ, точно нѣсколько чудовищъ, выпятивъ свои позвоночныя столбы, въ страстномъ усилии и жаждѣ побѣды свились тамъ въ послѣдней борьбѣ, да такъ и замерли надъ спокойно презрительнымъ къ нимъ океаномъ... Еще дальше Мяодунскіе острова. Воздушные, сквозные, они точно плывутъ къ вамъ изъ какой-то сказочной дали... Вонъ за Голубиной бухтой чуть намѣчено что-то на горизонтѣ. Мерещится или это далекій берегъ настоящаго задумчиваго Китая?

— Видите вы эти ребра Ляотешана?

— Да... синія совѣмъ...

— Вотъ именно. Тамъ мы накрыли у японцевъ голубиную почту.

— Это не басня?

— Нѣтъ. Китайцы оттуда выпускали доставляемыхъ имъ невѣдомо какими путями пернатыхъ почтальоновъ.

— Что жъ сдѣлали съ ними?

— Голубей съѣли, а китайцы... Не говори съ тоской: ихъ нѣтъ, а съ благодарностію: были.

За Голубиною бухтой въ небесной дали призраки большихъ шаландъ и джонокъ подъ парусами. Какъ онѣ скользятъ,—точно въ воздухѣ, движутся въ этомъ зеркалѣ міра, какимъ является море. Я было пришелъ въ восторгъ отъ красоты этихъ птицъ, — онѣ, дѣйствительно, похожи на птицъ съ высоко поднятыми крылами, — но мои спутники живо сбили меня съ этого...

— Все это служить японцамъ. Они подходятъ къ ихъ военнымъ судамъ, передаютъ о насъ всевозможныя свѣдѣнія. Стоитъ какому-нибудь судну нашему показаться въ этихъ водахъ, какъ очередная шаланда исчезнетъ на горизонтѣ, и скоро на ея мѣсто является непріятельскій крейсеръ.

— Отчего же вы не стрѣляете по нимъ?

— Китай—не въ войнѣ съ нами. Это нейтральная держава, въ полномъ смыслѣ этого слова, т.-е. не рискуя ничѣмъ, не тратя ни копейки,—она помогаетъ самымъ существеннымъ образомъ нашимъ врагамъ и вредитъ намъ, гдѣ можетъ. Мы еще увидимъ, какъ онъ подыметъ свою маску. И слава Богу,—чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

— Почему?

— Потому что тогда и намъ нечего будетъ церемониться съ ними. Начнутся реквизиціи, и война изъ-за угла смѣнится откровенною...

XCIX.

Какъ ухитряется въ Портъ-Артурѣ П. А. Артемьевъ издавать свой „Новый Край“,—я до сихъ поръ понять не могу. Чуть появится на горизонтѣ непріятельскій флотъ, китайцы-наборщики и печатники разбѣгаются во всѣ стороны. Письма отовсюду, безъ которыхъ газета существовать не можетъ, получаютъ съ величайшимъ трудомъ. Съ боевыхъ позицій такія случайны. Дойдетъ — хорошо, не дойдетъ—обойдется. Газета, когда-то бывшая полною дра-

гоцѣннѣйшихъ свѣдѣній о краѣ, выходящая въ четыре полосы, талантливая и боевая (о направленіи можно спорить,—мы говоримъ о томъ, какъ она ведется), теперь едва-едва можетъ набрать двѣ полосы. И если бы вы видѣли на мѣстѣ, какъ ее ждуть. Вѣдь это не только для Портъ-Артура, но и для всей южной Манджуріи единственная связь съ міромъ. И надо отдать справедливость и редактору и его сотрудникамъ: они работали дружно и горячо, ставя окраинное изданіе на небывалую доселѣ высоту. Большой, усталый, измученный, г. Артемьевъ все-таки какъ часовой на своемъ посту, и вы его найдете всегда въ одной изъ китайскихъ фанзъ, передѣланныхъ въ редакцію. У него здѣсь и книжный магазинъ и библіотека, но и тотъ и другая сохнутъ,—питательные пути оборваны. Россія не доставляетъ ничего. Идутъ только военные грузы, и теперь поневолѣ вошли въ честь книги, ничего, кромѣ полокъ, до сихъ поръ не знавшія, лопоухія, забытыя, пожелтѣвшія. Надо отмѣтить еще одну сторону редакціи: она удивительно радушно относится къ товарищамъ, къ какому бы они лагерю ни принадлежали. Вы можете молиться въ чужой кумирнѣ—все равно, портфель „Новаго Края“ со всѣми его свѣдѣніями открыть для васъ. Черпайте оттуда матеріалъ для статей и телеграммъ—никто вамъ не помѣшаетъ. Для нашего морского дѣла на далекомъ Востокѣ „Новый Край“—своего рода энциклопедія. Тутъ вы найдете всѣ необходимыя вамъ свѣдѣнія и данныя. Можете черпать ихъ сколько угодно!

С.

Въ Портъ-Артурѣ есть своя черная и бѣлая кость, это — армія и моряки. Какъ-то я говорилъ съ однимъ командиромъ броненосца. „У насъ есть одно великое преимущество передъ пѣхотой, артиллеріей и вообще всѣми другими родами оружія: мы умираемъ такъ же, какъ и они, на боевыхъ позиціяхъ, даже больше, чѣмъ они. Изъ армейской части выбьютъ извѣстный процентъ,— остальные

цѣлы, а мы вѣдь ужъ если наткнемся на мину (свою или чужую), или попадетъ снарядъ въ нашъ пироксилиновый складъ, такъ цѣлымъ кораблемъ уходимъ въ вѣчность—тонемъ, взлетаемъ на воздухъ, раскалываемся, какъ „Петропавловскъ“, попадаемъ въ утесъ, некстати выросшій на пути. Тутъ вѣдь рѣдко кому удается уцѣлѣть. Но замѣтьте, мы до послѣдняго вздоха живемъ и умираемъ съ комфортомъ. Вмѣсто грязной фанзы, землянки или ни отъ чего не спасающей палатки, разбитой часто прямо въ слякоти, у насъ великолѣпныя каюты, каютъ-компаніи, гостиныя, бібліотеки, ванны—купайся хоть нѣсколько разъ въ день. Мы всегда чисты, вымыты, щеголеваты. Увидѣть моряка въ грязномъ бѣльѣ нельзя. Нужно имѣть особую любовь къ неопрятности для этого. Мы отлично ѣдимъ и пьемъ, у насъ отличные повара,—а бѣдная армія поневолѣ на своихъ боевыхъ позиціяхъ не знаетъ ничего этого. Тамъ удовлетворяется минимумъ человѣческихъ потребностей. Отсюда и рознь. Она создается сначала наружнымъ отличіемъ, а потомъ идетъ глубже“. Надо сказать правду, много къ этому приложили стараній. Только и слышишь въ дѣлѣ, общемъ съ моряками, арміи и артиллеріи: „Спасибо, моряки, благодарю, орлы... Мы обязаны морякамъ, моряки блестяще сдѣлали свое дѣло“. Все это вѣрно, но забывается, что рядомъ такіе же орлы такъ же блестяще дѣлаютъ дѣло, хотя бы батареи, но имъ никто не говоритъ ничего. Ихъ обходятъ, и, разумѣется, человѣческая природа ужъ такова: все это остается на душѣ неприятнымъ осадкомъ. Точно ты именно опростоволосился, исполнилъ свою обязанность не такъ, какъ слѣдуетъ. И безъ того тебѣ скверно живется,—и удовлетворенія самолюбію нѣтъ. Рядомъ бѣлая кость—бравая, самоотверженная, готовая на смерть, но вѣдь и ты тоже бравъ, самоотверженъ, готовъ на смерть. И ей все, а тебѣ ничего. Великолѣпно исполнили общее дѣло и тѣ и другіе,—но тѣхъ воспѣваютъ въ исалмахъ, имъ кимвалы и литавры, а ты стой около и улыбайся „чужому“, не твоему успѣху, хотя половина его твоя, нѣсомнѣнно... Разумѣется, хорошо умирать за отечество, но

вѣдь при этомъ необходимо сознание справедливаго къ тебѣ отношенія. Я думаю, никогда такъ не тяжело сознание обиды, какъ лицомъ къ лицу съ неизбѣжною смертью...

СІ.

Разумѣется, не въ морякъ тутъ сила. Морякъ — отличный товарищъ, открытая душа, онъ храбръ, предприимчивъ и энергиченъ по натурѣ. Нужно видѣть въ Портъ-Артурѣ, какъ они тяготеютъ своимъ вынужденнымъ бездѣйствіемъ, какъ все это ожило при Макаровѣ и замерло потомъ, недовольное, мрачное, угнетенное. Исторія впослѣдствіи расскажетъ много интереснаго и поучительнаго объ этомъ времени. Явятся мемуары портъ-артурскихъ „сидѣльцевъ“, воспоминанія офицеровъ, видѣвшихъ и понимавшихъ все здѣсь, но безгласныхъ поневолѣ!.. Посмотрите моряковъ, особенно молодыхъ, послушайте испытанныхъ героевъ, командировъ „Баяна“, „Новика“ и другихъ. Чего нельзя сдѣлать съ ними? Кажется, нѣтъ ничего невозможнаго. Рвутся въ бой, кипятъ бесплодными силами на берегу, жадно смотрятъ въ голубой просторъ океана, — вѣдь это ихъ настоящая арена, ихъ поле, ихъ жизнь. Такъ бы и пронизалъ заманчивую даль стрѣлою-миноноской, чтобы помѣряться съ громаднымъ чудовищемъ-броненосцемъ, спокойно стоящимъ въ покойныхъ водахъ, кажущимся паглымъ въ виду бездѣйствующихъ силъ Портъ-Артура. А въ мутныхъ, молочныхъ, все скрадывающихъ ночи, когда все зоветъ: выйди, попробуй, сослужи родинѣ великую службу, впиши золотою строкой свое имя въ лѣтопись русскаго флота? Но какъ бы ни складывались благопріятно обстоятельства, какъ бы даль и ширь ни манили къ подвигу, — ряды миноносокъ стоятъ неподвижно и ждутъ... Надо, чтобы пришелъ балтійскій флотъ. Пока мы безсильны, не можемъ въ открытомъ морѣ принять боя съ непріателемъ, умѣвшимъ сберечь свои суда или имѣвшимъ возможность ихъ чинить и опять въ полной готовности вводить въ дѣло. И невольно шевелится на душѣ упрекъ тѣмъ, кто жалѣлъ нѣсколь-

кихъ сотъ тысячъ рублей на устройство и расширеніе дока и тратилъ десятки милліоновъ на мраморныя набережныя и молы Дальняго, которые мы теперь рвемъ, чтобы они не доставались японцамъ. Будь тутъ большой докъ,—японцы не хозяйничали бы въ морѣ. Мы бы въ недѣлю оканчивали то, на что теперь нужны мѣсяцы, долгіе томительные мѣсяцы.

СІІ.

А интересенъ морякъ, молодой портъ-артурскій морякъ, когда онъ съ вахты смотритъ въ даль океана. Тамъ тонко рисуется на недоступномъ разстояніи темная черточка японскихъ крейсеровъ и броненосцевъ. Иногда они начинаютъ маневрировать. У молодого моряка по-волчьи разгораются глаза,—такъ бы и слопалъ эту живую добычу. Онъ тоскливо оглядывается на миноноски, на оставшіяся свободнымъ проходъ, мысленно мѣряетъ, сколько отсюда до этихъ черточекъ съ еще меньшими черточками трубъ и башенныхъ мачтъ, и, вздыхая, отходить прочь. Заговоришь съ нимъ,—голосъ у него вздрагиваетъ, изъ глазъ вотъ-вотъ выступаютъ слезы безсильнаго гнѣва, рука сжимается судорожно—кажется, нанесъ бы себѣ какую-нибудь боль, чтобы унять душевную тоску и жажду настоящего дѣла. И былъ на „Отважномъ“. Онъ за „Гилякомъ“ стоитъ на передовой позиціи, грозно глядя въ окно—въ океанъ, на непріятельскія чудовища, невозбранно бороздящія его воды. Прямо въ эту даль смотритъ громадное орудіе, одинъ ударъ котораго—удачный—можетъ пробить любую броню, пустить ко дну иное морское чудовище со всѣми его трубами, башнями и хитрою механикой электрическихъ и иныхъ аппаратовъ.—„Вотъ хижина дяди Тома, а вотъ и самъ дядя Томъ! Позвольте васъ познакомить!“—подводитъ меня къ этому страшному орудію командиръ корабля. Въ этомъ дядѣ Томѣ что-то живое, безпощадное, выжидающее—онъ не только смѣло двинулся въ море,—кажется, что онъ видитъ и наблюдаетъ его безконечную даль. Матросы такъ его понимаютъ. Нѣжно глядятъ, хвалятъ. Тома

они перекрестили, какъ и слѣдуетъ, въ Оому. „Нашъ Оо-мушка свою термину ждетъ. Онъ все видитъ и понимаетъ. Не выдастъ родимый. Ему бы только пищи“... А пища — громадные снаряды — стоитъ около.

СШ.

Былъ я на „Баянѣ“, — на героѣ „Баянѣ“, ворвавшемся въ непріятельскій флотъ и надѣлавшемъ тамъ не мало бѣдъ. Онъ вернулся весь разстрѣлянный, но такой же крѣпкій, бодрый и отважный. Несмотря на безчисленныя раны, онъ на другой же день былъ готовъ опять совершить новый лихой наѣздъ на японцевъ. Теперь его чинятъ ставятъ желѣзныя заплаты на переборки, на сотнями осколковъ пробитую палубу, потолоки каютъ, ихъ стѣны. Эти дырѣя здѣсь на каждомъ шагу, — крейсеръ шелъ въ бой сквозь ливень свинца и желѣза. Нѣкоторыя его части рѣшето рѣшетомъ, но ничего существеннаго не тровуто: ни сердце ни легкія его не пробиты и работаютъ съ такою же правильностью, какъ и наканунѣ боя. Я спускался внизъ, въ его внутренности, гдѣ совершается вся жизнь этого сложнаго, почти живого механизма. Нѣсколько этажей, занятыхъ машинами, зависящими одна отъ другой, повиனுющимися общей нервной системѣ, работающими, какъ работаетъ сердце, я бы сказалъ — дышащихъ, чувствующихъ... Въ амбразуры грозно смотрятъ подвижныя орудія: отъ маленькихъ пулеметовъ вверху до такихъ же дядей Томовъ все точно ждетъ, — ждетъ и томится бездѣйствіемъ. Всюду во всѣ стороны смотрятъ стальные дула. Только коснись какого-то рычага, — невидимый аппаратъ подаетъ громадный снарядъ, начиненный пироксилиномъ, другой — вдвинетъ его въ казенную часть орудія, третій — замкнетъ ее, четвертый — легко ворочаетъ эту глыбу полированной стали туда, куда нужно послать смертельный для такого же желѣзнаго чудовища ударъ. Молодые офицеры со страстью наблюдаютъ тамъ все, видятъ и понимаютъ, какъ они любятъ свои орудія, какъ каждая мелочь

ихъ полна значенія и особеннаго смысла. Они одухотворяютъ стальныя и мѣдныя машины, какъ ребенокъ одухотворяетъ свою куклу. Имъ странно, когда посторонній не чувствуетъ этой, скрытой въ перепутанныхъ и сложныхъ механизмахъ, таинственной жизни, поддерживаемой своими нервами—электричествомъ. Въ каютахъ — они въ семьѣ, далекой семьѣ. Тутъ портреты ихъ близкихъ родныхъ. Тутъ они окружены всею, что имъ дорого и свято. Тутъ мысли уносятся къ любимой женщинѣ, ласково улыбающейся со стѣны, къ матери, тоскующей по нимъ и передавшей эту тоску своему портрету. Это ихъ святая святыхъ; разъ внѣ своей каюты—морякъ живетъ сложными процессами громаднаго желѣзнаго организма, пріютившаго его въ одну изъ своихъ ячеекъ... Я провелъ нѣсколько часовъ на громадномъ броненосцѣ „Пересвѣтъ“. Та же живая любовь къ своему пловучему дому и не только дому, а цѣлому міру, потому что кругомъ вода, и только вода, враждебная, опасная стихія, которую надо побороть, подчинить себѣ... Эти ковчеги XX вѣка заключаютъ въ своихъ металлическихъ стѣнахъ тысячи самыхъ сложныхъ организмовъ... Дяди Тома тутъ парами смотрятъ впередъ и назадъ; въ своихъ блиндированныхъ башняхъ они вращаются во все стороны, поднимаютъ грозные хоботы вверхъ и внизъ. Одинъ матросъ—нервный узелъ—управлялъ этими движеніями. Это не орудія, а солисты. Маленькія пушки-пулеметы, это—хоръ, на фонѣ котораго гиганты морского міра разыгрываютъ свои оглушительные концерты... Я всматривался въ лица, вслушивался въ голоса нашихъ моряковъ; старался понять ихъ. Боже мой, чего нельзя сдѣлать съ такими офицерами, матросами! Нѣтъ боевого чуда, недоступнаго по силамъ, нѣтъ невозможнаго, несбыточнаго, страшнаго... И невольно опять приходили въ голову слова А. Н. Куропаткина: „Чего не совершишь съ нашимъ солдатомъ? Если мы съ нимъ не будемъ побѣдителемъ,—вина не на немъ, а наша!..“ Наша съ вами!.. „Отважный“, „Баянъ“, „Пересвѣтъ“—все, что я видѣлъ, поражало меня общими чертами, это все ячейки одного орга-

низма, черты одной и той же картины. Разумѣется, то же и на „Аскольдѣ“, и на „Полтавѣ“, и на „Севастополѣ“. „Севастополь“ я посѣщаль часто, но не видѣль его. Громадный броненосецъ былъ въ это время дворцомъ намѣстника, поднявшаго на немъ свой флагъ. Тутъ царилъ этикетъ, необходимый въ этихъ случаяхъ, представительство. Внутренняя жизнь ускользала отъ наблюдений. Да, съ этими офицерами и матросами можно сдѣлать все. Но дайте имъ возможность развернуться. Нельзя требовать умѣнія маневрировать на маломъ пространствѣ безъ аварій, столкновений, если изъ экономіи угля заставляютъ суда стоять на мѣстѣ неподвижно.. Посадите меня на годъ, — я разучусь ходить и, навѣрно, тараню встрѣчнаго или онъ меня поневолѣ толкнетъ въ бокъ. Экономія — прекрасная вещь, только не въ вопросахъ подвижности въ морѣ. Потому она обойдется дороже дорогого, когда суда перестукаются лбами и перепортятъ другъ друга.

CIV

Экономія и разбросанность... Зачѣмъ мы держали нашъ флотъ въ ожиданіи войны по всему этому берегу? „Кореецъ“ въ Чемульпо, „Варягъ“ тамъ же, „Манчжуръ“ въ сторонѣ, еще какой-то крейсеръ въ Инкоу. Все равно, сначала было видно, что ни Кореи ни Нью-Чжуана намъ защищать нельзя, и, сосредоточивая сухопутную армію, надо было также сосредоточить и флотъ. Для нашего дипломатическаго агента въ Сеулѣ вовсе не надо было отдѣльнаго броненосца, тѣмъ менѣе—двухъ судовъ. Уѣхать онъ могъ на любомъ французскомъ или англійскомъ пароходѣ. Правда, въ Петербургѣ не ожидали войны, не вѣрили въ нее, смѣялись надъ самымъ предположеніемъ войны. Но здѣсь-то, на мѣстѣ, все было ясно, и вооруженія Японіи не составляли никакого секрета. Частные люди, купцы видѣли ихъ. Гинсбургъ, оказавшій такія громадныя услуги Портъ-Артуру и русскому флоту, предупреждалъ объ опасности положенія, но дипломатіи давно бы слѣдовало

помѣняться эмблемой съ юстиціей. Темеида съ завязанными глазами болѣе прилична нынѣшнему политику, чѣмъ законовѣду. Легко теперь обвинять издали намѣстничество, когда его не слушали и даже обвиняли въ излишней подозрительности и недовѣрїи къ нашимъ друзьямъ - японцамъ. А наши друзья-японцы прекрасно понимали, съ кѣмъ они имѣютъ дѣло, играли великолѣпно въ мирѣ, въ вѣчный маниловскій миръ, распинались, увѣряли въ своей прїязни, въ желанїи добрососѣдскихъ отношенїй, въ невозможности для нихъ, для маленькихъ, для слабенькихъ, для бѣдненькихъ, начать войну съ такою великою, могущественною и богатою державой, какъ Россїя.. Если бы здѣсь захотѣли оправдываться,—много обвиненїй отпало бы само собою, и не мало прокуроровъ оказалось бы на скамьѣ подсудимыхъ.

CV.

„Морское собранїе“, „Звѣздочка“, „Саратовъ“,—вотъ гдѣ въ досуги собирается Портъ-Артуръ. И всюду тутъ—нѣтъ настоящаго веселья, безшабашности. Самый разгулъ какой-то странный, съ ноткой отчаянїя, если хотите. Собственно, кутяты въ „Звѣздочкѣ“, гдѣ собираются „эти дамы“—истощенныя, измученныя, блѣдныя, Богъ вѣсть на что похожія. Имъ бы на Мадеру или въ Капръ лѣчить чахотку, а ужъ никакъ не играть роль Аспазїй и Фринъ. Кутяты, но кутяты скромно. Бутылка-другая вина, и компанїя расходится по домамъ пустыннаго ночью Портъ-Артура. Какъ все это непохоже на 77—78 годы, когда послѣдняя копейка ставилась ребромъ, и Сарданапалы интендантскаго вѣдомства жгли тысячи съ обоихъ концовъ ради гурїй Букарешта и Вѣны. Офицерство куда стало скромнѣе, серьезнѣе, сдержаннѣе. За все время въ Портъ-Артурѣ, въ Ляоянѣ, въ Мукденѣ я не слышалъ ни объ одномъ скандалѣ, сдѣланномъ молодежью. Кончился тылъ—и все полно сознаниемъ своего достоинства, пониманиемъ серьезности положенїя, обязательности тишины въ подвигѣ... Изрѣдка отведетъ душу заскучавшїй офицеръ, и ему нужно обще-

ство, слушатели, а не шумъ и трескъ скандала. Отъ „этихъ дамъ“ потребовали поручителей въ ихъ добропорядочности.. Безъ этого имъ нельзя было здѣсь оставаться. Одна очень находчивая представила списокъ такихъ поручителей— пятьдесятъ мичмановъ, которымъ она лично извѣстна! Пѣвицы закрытыхъ кафе-шантановъ, мелкія заѣзжія изъ Шанхая артистки, балерины остались здѣсь на поручительство молодыхъ офицеровъ. Держать себя эти „звѣзды“ необыкновенно гордо. Въ дорогѣ вѣдь и жукъ—мясо!..

— Какъ вамъ кажется,—спрашиваетъ такая „артистка“ одного изъ своихъ поручителей,—намъ дадутъ послѣ войны медали?

— За что?

— Какъ же, мы вѣдь здѣсь тоже подъ огнемъ служимъ русской арміи...

— Я выдержала уже три бомбардировки.. Рядомъ съ нами разорвавшаяся гранатой пробило домъ. Каждую ночь меня можетъ убить въ постели осколкомъ. А я не уѣзжаю.. Нѣтъ, какъ хотите, а намъ тоже должны дать что-нибудь...

Бѣдныя, замученныя женщины... Разумѣется, имъ некуда дѣваться, что онѣ остались у этой опасной пристани! Въ виду—осада, съ ея лишеніями, голодомъ...

Кому будетъ до нихъ въ такое время?..

CVI.

Портъ-Артуръ въ лунную ночь—что-то волшебное. Это не дѣйствительность, а уголокъ изъ сказки, оперная декорация—все, что хотите... Завороженный, стоитъ онъ среди своихъ полувоздушныхъ, смутно намѣченныхъ горъ у тихихъ водъ, и ни одного огонька въ окнахъ ни одного огонька на улицахъ, безлюдныхъ и пустынныхъ. По условіямъ осаднаго положенія, нигдѣ не должно быть свѣта. Если вы зажгли лампу или свѣчи,—завѣсьте плотно окна, такъ, чтобы оттуда ни одинъ лучъ не пробивался наружу, въ безмолвное царство таинственной ночи. Если занавѣси

раздвинулись чуть-чуть, и узкая полоска свѣта видна на улицѣ, къ вамъ немедленно постучатся.

Отворяете, — синій мундиръ.

— Потрудитесь или потушить огонь или заслоните его получше.

— Зачѣмъ?

— Японецъ увидитъ.

Жандармъ простодушно вѣрить, что „японецъ“ по электрическимъ ослѣпительнымъ прожекторамъ съ Электрическаго утеса, съ Тигроваго хвоста, съ „Гиляка“ и другихъ мѣстъ никакъ не узнаетъ о положеніи города, а вотъ ваша именно свѣчка выдастъ его съ головою.

Идете вы пустынными улицами... Изрѣдка тѣнью мелькнетъ въ сторонѣ тонкій силуэтъ сипая въ бѣломъ или красномъ тюрбанѣ, и опять безлюдье. Бѣлые безжизненные дома прислонились къ желтымъ и въ лунномъ свѣтѣ домамъ. Въ тысячи своихъ слѣпыхъ оконъ они глядятъ въ волшебный міръ передъ собою... Идете, идете, и вдругъ людской топоть... На васъ надвигается патруль. Тускло поблескиваетъ мѣсяцъ на тонкихъ штыкахъ... Или проскачетъ въ облакѣ пыли казакъ, пограничникъ, артиллеристъ, и опять кругомъ сонное сказочное царство... Точно заколдованное, ждетъ оно своего принца съ его воскрешающимъ поцѣлуемъ... И вдругъ вдали раскрылось какое-то чудовищное кроваво-огненное око... Послышался грохотъ, и, разсѣвая недвижный воздухъ громаднымъ стальнымъ бичомъ, летитъ въ Портъ-Артуръ изъ-за двѣнадцати верстъ черезъ острия ребра громаднаго Ляотешаня перекидная граната... Зарево у насъ... Въ отвѣтъ несется туда навстрѣчу врагу русскій снарядъ... Началось... Чудовища перекидываются желѣзными громадными мячиками... Пора на Золотую гору, въ гости къ батарейному командиру Зейцу. Оттуда съ высоты, плавающей надъ городомъ и океаномъ, все видно.

СVII.

Сижу на набережной. Рядомъ желѣзнодорожные.

Подходить бравый машинистъ, громадный, грузный, обвѣтренный и обожженный.

— Ну, братцы, шабашъ: теперь Манджурия наша.

— Почему? Что такое?

— А потому!

— Не нашъ край, китайскій...

— Анъ, нашъ... Вчера здѣсь пролилась русская кровь!

Значить, нашъ.

Я всполошился. Не было ли гдѣ сраженія? Какъ это я пропустилъ.

— Гдѣ, когда пролилась?

Машинистъ съ необыкновеннымъ сознаніемъ собственнаго достоинства:

— Вчера, ночью, на послѣднемъ перегонѣ.

— Подъ Артуромъ?

— Да... Подавалъ я сигналы... Наѣхалъ съ паровозомъ на матроса, — ну, и пролилась русская кровь! Шабашъ, братцы, теперь у насъ эту самую Манджурию никто не отниметь...

Тутъ же. Ёдетъ казакъ, за нимъ на длинной веревочкѣ, вытянувъ глупо длинную шею, торопится гусь. Оказалось, кинулъ ему съ коня удочку казакъ, а на удочкѣ что-то гусю лакомое. Глупая птица и проглоти.

— Куда, землякъ, гуся ведешь?

— На водопой!

И гусь оказался свой, приказали доставить сотнику. Казаку лѣнь было слѣзать съ коня и ловить. Да еще потомъ тащи его подъ мышкой. Онъ и придумалъ такую махинацію...

СVIII.

Сегодня ночь слишкомъ яркая. Полнолуніе. Все пройдетъ тихо. Японцы въ такія ночи обыкновенно не трогаются съ острововъ Элліота. Только ихъ миноноски сторожатъ

издали, чтобы къ намъ не пробрались суда или наши не вышли.

Такъ думали на батарее Золотой горы.

Я сдѣлалъ обычный визитъ на броненосецъ „Севастополь“ къ цензору телеграммъ по морской части лейтенанту Кедрову.

— Сегодня жидко!

— Не о чемъ. На Шипкѣ все спокойно.

Шелъ разговоръ о шуткахъ беспроволочнаго телеграфа. Волны его расходятся во все стороны, и точно такъ же японскія депеши улавливаются нами, какъ наши ими. Адмиралъ Того, очевидно, человекъ хитрый. Отчего де лишній разъ не поволновать русскихъ, о довѣрчивости которыхъ онъ имѣетъ, несомнѣнно, преувеличенное понятіе. Пусть де у нихъ повернутся подушки подъ головами: утомленный врагъ наполовину побѣжденный. И вотъ по беспроволочному телеграфу отдаются приказанія: приготовиться къ бою на эту ночь... Спустить и осмотрѣть подводныя лодки. Готовы ли сто двадцать транспортовъ съ десантомъ?.. Владивостокская эскадра Карла Тессена захвачена, одинъ крейсеръ потопленъ и т. д. Предоставляю вашему соображенію редактировать болѣе подробныя и невѣроятныя извѣстія. У насъ смѣются надъ этимъ, хотя съ нѣкоторою озабоченностью. Все-таки приходится отдѣлять шелуху отъ зерна. Въ сплошной лжи можетъ проскользнуть и слово очень важной правды, — именно тогда, когда ее никто не ожидаетъ. Наши тоже не остаются въ долгу и беспокоятъ иногда непріятеля такими же неожиданными импровизаціями.

На „Севастополь“ все торжественно.

Передъ каютою намѣстника необыкновенно важныя адмиралы съ однимъ, двумя и тремя орлами на погонахъ или, какъ китайцы ихъ опредѣляютъ, „болисой капетанъ съ одной мухой, съ двумя мухами“. Все крайне серьезны. Наскоро просматриваютъ какіе-то доклады, и только молодежь-офицеры неизмѣнно сохраняютъ тотъ бравый боевой видъ „чортъ меня побери!“ который мнѣ такъ нравится у нихъ.

Они только и мечтаютъ: „Охъ, пустили бы на миноносцѣ“... „Дали бы мнѣ подводную лодку“... „Скоро мы корни пустимъ,—сидимъ, сидимъ“... „А япошки ходятъ во всѣ стороны и хозяйничаютъ“.

— Сунься-ка,—попросись.

— Благодарю покорно... У нашихъ отцовъ-командировъ только одно: пожалуйста, господа, безъ авантюръ. Вы понадобятся въ свое время.

— Это когда насъ запрутъ!

— Я бы на бензинкѣ нашей подобрался къ нимъ. Ни трубъ ни мачты — ниоткуда ее не увидишь. А мины на ней здоровыя.

— А я бы въ сигаркѣ.

— На сигарку всѣ просятъ...

— Полковникъ Меллеръ пробовалъ ее... Ничего, говорить, инструментъ хорошій, только дышать трудно; впрочемъ, привыкнуть можно.

— Что это за сигарка?

— А наша подводка.

Этотъ полковникъ Меллеръ—одна изъ артурскихъ достопримѣчательностей. Онъ изъ простыхъ орудій дѣлаетъ дальнобойныя, усиливаетъ ихъ ударность, негодныя обращаетъ въ работающія „на страхъ врагамъ“. Вѣчно что-то винтитъ, нарѣзываетъ, исправляетъ, пробуетъ. Весь въ дыму, въ желѣзныхъ стружкахъ, озабоченный, не имѣющій времени ни помыться, ни выспаться, ни поѣсть. Ему даже болѣть некогда. Отравился въ подводкѣ какимъ-то газомъ, хотѣлъ лечь,—нѣтъ, пожалуйста, ваше высокоблагородіе,—у насъ пушечка больна. И вмѣсто того, чтобы лѣчиться самому, полетѣлъ лѣчить пушку. Что одинъ этотъ человекъ передѣлалъ дѣла — право, цѣлой лабораторіи впору. И любятъ его здѣсь. „Кондратенко и Меллеръ—наши столбы, наша опора. Что бы дѣлалъ безъ нихъ Портъ-Артуръ? Не дай Богъ. Лучше намъ всѣмъ переболѣть и умереть,—только они были бы цѣлы“.

И это не только офицеры, — солдаты понимаютъ, насколько Меллеръ имъ дорогъ.

— Ваше высокоблагородіе... когда же вы къ намъ?

И на лицѣ у матроса какая-то совсѣмъ къ этой бравой рожѣ не идущая нѣжность.

— Такъ что безъ васъ команда соскучилась.

— А вотъ кончу дѣло...

Матросъ топчется на мѣстѣ.

Меллеръ, подымая на него отяжелѣвшую голову:

— Ну, чего тебѣ еще?

— Такъ что, ваше высокоблагородіе, когда же вы къ намъ?

— Ахъ, сказалъ я тебѣ.

— Съ вами свѣтъ увидимъ... Когда же вы къ намъ?..

— Отстань, ради Бога.

— Меня товарищи просили: безпремѣнно узнай, когда полковникъ къ намъ...

Засмѣется и выгонитъ матроса, а тотъ въ передней у вѣстового допрашивается все о томъ же.

Генераль Кондратенко и полковникъ Меллеръ—настоящіе герои... Это именно тѣ праведники, ради которыхъ Савооѣ даже въ праведномъ гнѣвѣ Своемъ помиловаль бы Содомъ и Гоморру... Правда, имъ и приходится бороться со всякою нечистью: особенно генералу Кондратенко. Этотъ иногда въ безсиліи хватается за голову и, не выдержавъ, кричитъ:

— Господи, хотъ бы работать не мѣшали... Ничего больше не желаю.

Его здѣсь цѣнять всѣ, отъ намѣстника до младшаго офицера, но есть отстои прошлаго, люди, сложившіеся при иныхъ порядкахъ, хапуги, мелкая тля канцелярщины и формализма, не понимающая или не желающая понять живого дѣла, бодрой, настоящей работы. Съ этой стаей борьба трудна, особенно, когда противъ тебя глухое противодѣйствіе исподволь, ревнивое, неподдающееся прямому удару, задерживающее тебя по мелочамъ, донимающее недочетками какихъ-нибудь пустяковъ, изъ которыхъ складываютъ цѣлыя горы. Какъ и въ прошлую русско-турецкую войну,—люди дѣла и люди бумаги накакъ не

столкуются. Одинъ Скобелевъ имѣлъ все въ порядкѣ, но только потому, что у него былъ отправленный впослѣдствіи въ Туркестанъ Баранокъ, ухитрившійся въ 150 шагахъ отъ непріятели открыть въ траншеяхъ на Зеленой горѣ походную канцелярію. Вотъ, напримѣръ, исторія съ новыми доками. Нашелся инженеръ Налетовъ, придумавшій устроить такіе мѣстными средствами, изъ мѣстныхъ матеріаловъ, съ очень малымъ расходомъ. Нѣтъ, помилуйте, это слишкомъ просто, такъ нельзя, что жъ это за сооруженіе, когда оно и милліона не стоитъ. Сейчасъ же нашлись партизаны другого проекта съ цифрою въ 9.000,000 руб. Вотъ это такъ. Это серьезно. Не знаю, чѣмъ кончилась борьба между простотой и сложностью, дешевизной и астрономическими цифрами. Боюсь, что насъ считаютъ слишкомъ богатыми и думаютъ: велика важность Россіи нѣсколько лишнихъ милліоновъ.

Въ каютъ-кампаніи „Севастополя“ — героя „Петропавловска“ мичманы Шмидтъ и Яковлевъ. Шмидту вообще везеть. На-дняхъ чистилъ револьверъ—баць, и прострѣлилъ себѣ ладонь, но не тронулъ ни одной косточки, ни одной жилы. Навылетъ,—и черезъ нѣсколько часовъ здоровъ.

Что за красавецъ этотъ „Севастополь“ со своими могучими башнями и громадными орудіями! Выкрашенный въ боевой черной цвѣтъ, онъ еще больше производитъ впечатлѣнія. Настоящій богатырь.

И этакій гигантъ обреченъ пока бездѣйствовать! Злится молодець.

— Ему бы рѣзать океанъ, бить врага... А онъ у пристани и дымитъ себѣ безъ-толку въ голубое небо...

А команда вся на подборъ, молодець къ молодцу... Смотришь и не насмотришься.

Кончилъ я на броненосцѣ, поѣхалъ къ себѣ.

Вотъ-то, думаю, отдохну за всѣ эти дни мотанья и путаницы... Улегся и заснулъ. Стемнѣло. Думалъ — рано, и заснулъ еще слаще. Въ открытый балконъ смотрѣла ясная

ночь... Море дышало свѣжестью... Солдаты вдали пѣли что то. Отголоски смутно доносились ко мнѣ... Дѣйствительность мѣшалась со сказкой. Грезилась далекая теперь Россія съ дорогами и милыми людьми, съ которыми ни перемолвиться ни списаться нельзя. И вдругъ... ■

Бумъ-бумъ-бумъ...

Вскакиваю.

Весь горизонтъ въ огнѣ... Золотая гора, Тигровая— вспыхиваютъ цѣлыми заревами. Далеко-далеко точно открываются чьи-то гигантскія очи—пламенные, зловѣщія...

— Что такое?

Въ коридорахъ бѣготня. Генераль Кузьминъ-Караваевъ, живущій здѣсь же, уже готовъ.

— Да что такое?

— Японцы атакуютъ Портъ-Артуръ, — кидаетъ намъ кто-то, пробѣгая мимо.

Въ сосѣдней комнатѣ женскій визгъ.

Я въ минуту готовъ. Вмѣстѣ съ Кузьминымъ-Караваевымъ мы вышли.

— Извозчикъ!

Поминай, какъ звали: по первому выстрѣлу они всѣ стремглавъ по домамъ. Надо, чтобы все видѣть, — бѣжать пѣшкомъ на Золотую гору. Это около шести верстъ отсюда.

— Рикша!

И рикши нѣтъ. Китайцы говорятъ: я не хунхузъ, чтобы быть на улицѣ въ такое время.

Недолго думая, мы бросились туда... Только при особомъ возбужденіи можно пробѣжать столько, не отдыхая. Пустыри, отдѣляющіе старый городъ отъ новаго, — Господи!—какъ мы ихъ проклинали въ эти минуты. Вѣдь придется же въ голову выстроить новый околотокъ въ трехъ верстахъ отъ стараго. Какъ мы завидовали проскакавшему туда казаку, хотя его конь поминутно спотыкался на колдобинахъ и выймахъ этой ужасной дороги. Да и намъ было не легче. Но разсуждать было некогда: [впередъ скорѣе. И дернулъ же меня чортъ не остаться на Золотой горѣ, а ѣхать отдохнуть къ себѣ!..

СІХ.

Какъ-то ночью сидимъ мы въ казематѣ Золотой горы, пьемъ чай. Принцъ Барбосскій, какъ прозвали мы денщика капитана Зейца, за титуль, присвоенный имъ посѣтившему эту мортирную батарею сыну донъ-Карлоса—принцу Бурбонскому, — стлалъ намъ постели. „Сегодня, навѣрное, ничего не будетъ!“ успокоивалъ насъ морякъ съ Сигнальной. Я уже подумывалъ, не лучше ли мнѣ стремглавъ внизъ—въ мою широкую и мягкую постель въ гостиницѣ „Россія“. Видъ досокъ и жиденькаго тюфяка не особенно былъ приятенъ, какъ вдругъ толстая желѣзная дверь, которую не пробьетъ никакой осколокъ, отворилась. Въ темномъ четырехугольникѣ обрисовался коренастый вѣстовой.

— Ну, что?—привсталъ Зейць.

— Такъ что они, ваше высокоблагородіе.

— Японцы?

— Точно такъ.

— По дальномѣру опредѣлили разстояніе?

— Въ девяти верстахъ пока.

Я не дослушалъ. Накинулъ на себя чью-то бурку. Внизу навѣрное тепло,—здѣсь, на высотѣ,—холодно; вѣтеръ свищетъ, точно цѣлый день его держали на привязи, и ему Богъ знаетъ какъ надоѣло бездѣйствіе. Надъ обрывомъ черные силуэты: тамъ уже собрались солдаты и смотрять на „него“. Мутная луна вся обволоклась въ какія-то молочныя завѣсы, прожекторы въ глубину океана кидаютъ снопы перебѣгающихъ лучей.

— Гдѣ „онъ“?

— Такъ что — насупротивъ, передъ самой Электрической.

Смотрю-смотрю и только въ цейсовскій бинокль нащупываю какія-то черточки на горизонтѣ. Вотъ въ лучѣ прожектора что-то зачернѣло — и вдругъ точно нырнуло, и нѣтъ его. Опять мелькнуло, — прожекторъ за нимъ, но миноносець такъ спрятался, точно его никогда и не было!

— Ишь, подлецы! Это они высмотрѣли, куда наши суда выходятъ, и на ихъ дорогу мины ставятъ. Такъ пропаль и „Петропавловскъ“.

Не успѣли помянуть его, какъ на мѣстѣ гибели этого броненосца вспыхнуло нѣсколько огоньковъ...

— Смотри, смотри... Это они опять намъ сюрпризъ устраиваютъ.

Вдругъ внизу, точно чудомъ, изъ длиннаго чернаго дула выкинуло пламя, точно оно вырвалось изъ громадной огнедышащей груди... Что-то ахнуло,—точно скала около разсѣлась, и съ злобнымъ визгомъ желѣзный бичъ разсѣкъ воздухъ. Тамъ, гдѣ были огоньки, взбросилось бѣлымъ облакомъ разбуженное море, и огоньки побѣжали во всѣ стороны отъ взрыва.

— Ахъ, какъ пристрѣлялись на Электрической!

— Молодецъ Жуковскій... Это его работа.

— А вонъ, вонъ катеръ уходитъ... Это изъ тѣхъ, что цѣпныя мины выкидываетъ.

Не успѣлъ смолкнуть грохотъ здѣсь, какъ въ мутной дали что-то вспыхнуло краснымъ, зловѣщимъ путемъ... По спокойному океану пробѣжалъ отвѣтный выстрѣлъ. Загудѣло въ скалахъ около, отдалось въ горахъ позади, и что-то несуразное, тяжелое, грубое шлепнулось въ бухту передъ Портъ-Артуромъ.

— Въ долгу не остались. Сейчасъ же расплатились.

— А вотъ и проценты!

Опять красное пятно—на другомъ концѣ, опять зловѣщій гулъ, свистъ и визгъ.

— Ну, началась музыка.

— Это ужъ съ пяти верстъ.

— Не стоитъ пока отвѣчать.

Молчаніе. Должно-быть, ихъ гранаты не разорвались... Мы стоимъ и ждемъ. Прожекторы во всѣ стороны ощупываютъ океанъ. Нигдѣ и ничего... Полчаса... часъ. Неужели на сегодня совсѣмъ ушли?.. Еще немного,—мы было уже собрались въ казематы, какъ вдругъ внизу всполошились люди, всѣ прожекторы заработали направо, настойчиво,

пристально... Вошь оттуда, вдоль кручь и утесовъ Ляотешана ползуть семь черточекъ... Спрятались,—свернули въ открытое море... И точно ихъ никогда не бывало.

— Миноносцы. Они непременно Голубиную бухту обшаривали...

— Вездѣ опускаютъ свои подарки... Надоѣли ужъ!

Въ другую такую ночь невѣдомо съ какою цѣлью такія же суда явились, стали далеко-далеко, на почтительномъ разстояніи отъ нашихъ орудій, и вдругъ насъ поразило совсѣмъ неожиданное зрѣлище. На самомъ горизонтѣ вспыхнуло пять какихъ-то точекъ. Онѣ росли, медленно ползя въ сторону одна за другою, не теряя опредѣленнаго разстоянія точка отъ точки, костеръ отъ костра, точно ихъ соединяла цѣпь... Когда эти костры приблизились,—они оказались плотами. Японцы нагроузили ихъ кальціемъ, облили какими-то горючими маслами, зажгли и пустили... Что за цѣль преслѣдовали они? Вѣдь не думали же доставить себѣ невинное пиротехническое удовольствіе? Уловивъ направленіе плотовъ, мы скоро успокоились. Они ползли въ сторону отъ насъ и ничѣмъ не грозили ни Портъ-Артуру ни входу въ него. Долго эти плоты горѣли въ смутномъ царствѣ бѣлой ночи, все уменьшаясь и уменьшаясь... Надъ ними клубился розовый паръ. Въ бинокль можно было различить, какъ тысячи золотыхъ брызгъ раскидываются кругомъ, какъ пламенные языки взрываются въ высоту и гаснутъ, какъ яркіе радужные змѣи быстро-быстро расползаются по темени океана и, вѣрно, шипятъ на немъ, прежде чѣмъ потухнуть, переживъ такое краткое, но блестящее существованіе. Какіе-то желтые фонтаны метало кругомъ торжествующее пламя, и долго еще эта зловѣщая, странная процессія жертвеннаго огня двигалась по океану — Богъ вѣсть куда, Богъ вѣсть зачѣмъ.

— Это они насъ пугаютъ.

— Нѣтъ, что-то задумывали. Только не удалось имъ.

— Однако, и дорого же имъ стоятъ ихъ фейерверки.

— Да и намъ они обошлись недешево.

Когда плоты совѣмъ исчезли, я долго еще оставался на гребнѣ Золотой горы. Ночь стояла притаившаяся, молчаливая, мистическая. Точно она ждала въ робкомъ сіяніи звѣздъ, въ молочномъ сіяніи луны, въ отблескахъ океана чьего-то слова... Золотая дорожка далеко ложилась отъ берега по направленію къ открытому пустынному морю. Тамъ чуть колыхалась вода, точно играли миллионы блестящихъ золотистыхъ спинокъ. Позади, весь повитый легкой дымкой, спалъ Артуръ. Ни одного огонька въ немъ ни малѣйшаго признака движенія... Только черныя трубы морскихъ желѣзныхъ чудовищъ курились тяжелыми, медлительными клубами... А вдали, настражѣ всего этого загадочнаго міра—въ самое небо раскинулись голыя, матовыя въ этомъ свѣтѣ вершины.

СХ.

Цѣлый день опять на Золотой горѣ. Море пустынно. Ни одной шаланды... Мядунскіе острова казались такъ близки: вѣрный признакъ, что ночь будетъ тусклая, мутная. Синія громады Ляотешана рѣзко очерчены на бѣлосоватыхъ небесахъ. Первая зелень за Портъ-Артуромъ подернула маленькіе садики... Нѣжная, мягкая, вся прозрачная.

— Плохо дѣло!..—слышится около.

— Что еще?

— Вы знаете, бѣжалъ инженеръ Хо.

— Какой?

— О, это живая лѣтопись Портъ-Артура... Хо получилъ европейское воспитаніе. Онъ служилъ сначала своимъ. Когда мы заняли Квантунъ, ему предложили остаться у насъ. Старикъ согласился и работалъ здѣсь вѣрой и правдой. Онъ былъ намъ очень полезенъ. Доставлялъ китайскихъ рабочихъ, подводы, припасы,—все и, кромѣ того, онъ отличный инженеръ самъ. Тутъ много великолѣпныхъ сооружений задуманы и выполнены имъ. Прежде онъ считался однимъ изъ почетнѣйшихъ членовъ нашего общества.

Ну, и ему, какъ Іакову, Господь особенно покровительствовалъ. Онъ очень разбогатѣлъ. Его считаютъ чуть ли не въ миллионѣ. Видите этотъ городокъ?

И взглянулъ по направленію, указанному мнѣ.

Сотни маленькихъ одинаковыхъ домиковъ, точно карточныхъ построекъ, у совершенно синяго сегодня большого пруда. Кое-гдѣ его уже подернуло камышомъ. Воображаю, что за великолѣпный резервуаръ лихорадокъ здѣсь лѣтомъ.

— Этотъ городокъ весь принадлежитъ инженеру Хо. Онъ его выстроилъ для китайскихъ рабочихъ и получалъ отсюда большой доходъ. Инженеру Хо весь Артуръ — открытая ладонь. Не надо никакой карты: онъ знаетъ всѣ его сильныя и слабыя стороны, гдѣ какое укрѣпленіе, гдѣ какая траншея, гдѣ безопасная мертвая точка. Ночью съ завязанными глазами проведетъ васъ куда угодно. Для японцевъ такому человѣку цѣны нѣтъ. Мы ему вѣрили, какъ себѣ самимъ, и вотъ...

— Да почему же онъ бросилъ все и бѣжалъ?

— Деньги у него переведены, вѣрно, на китайскій банкъ давно.

— Но вѣдь одинъ этотъ городокъ — миллионное состояніе?

— Ну, не миллионное, а около того... Отчего онъ ушелъ? Знаете, тутъ опять виноваты мы. Онъ привыкъ къ почету. Его принималъ намѣстникъ, приглашалъ на парадные обѣды, на вечера. Инженеру Хо подавали руку, какъ равному, хотя иной разъ на простыхъ работахъ его нельзя было отличить отъ простаго китайца. Хо любилъ не только руководить, но не отворачивался отъ самаго чернаго труда. Бывало, схватитъ тачку и повезетъ или влѣзетъ въ угольную яму и самъ копается въ ней.

— Все это очень почтенно.

— Еще бы! Ну, а въ послѣднее время онъ сдѣлался очень недоволенъ своимъ положеніемъ. Его, видите ли, мало-по-малу отгѣснили отъ всего, лишили должностей, начали третировать какъ простаго манзу; случалось, даже оскорбляли. Хо началъ задумываться, самъ удалялся ото

всѣхъ. Недавно какой-то чинъ оралъ на него, какъ на простого бойку, забывъ, чѣмъ обязанъ Артуръ этому самому Хо. А тутъ еще русскіе рабочіе: они его не слушали, смѣялись надъ нимъ... Немудрено, что оскорбленное самолюбіе могло его сблизить съ японцами.

— Ужъ и японцами!

— О, они все знаютъ, во все входятъ, всѣмъ пользуются. Я вамъ уже сказалъ, что для нихъ Хо милліона стоитъ. Я думаю, вокругъ него давно уже ихъ агенты ходили. Ну, когда его положеніе здѣсь стало ескорбительно и невыносимо, Хо бѣжалъ. Выдумали слухи самыя разнообразныя. Одни его видѣли пѣшкомъ уходящимъ въ горы на лѣво. Другіе клятвенно увѣряютъ, что онъ на шаландѣ прямо пріѣхалъ къ японскому броненосцу, высланному за нимъ. Третьи, китайцы, чуть ли не огненнаго дракона спустили къ его услугамъ. Во всякомъ случаѣ, мы убѣждены, что Хо себя скоро покажетъ. Этакого человѣка надо бы беречь да беречь. Будьте увѣрены, что если онъ не у японцевъ, то японскіе агенты, разумѣется, раньше насъ узнавшіе объ его побѣгѣ, теперь уже рыщутъ по всему китайскому рубежу, чтобы найти его и убѣдить сдѣлать честь адмиралу Того, посѣтить его на островахъ Элліота. Тамъ ему приготовятъ царскую встрѣчу.

— Плохо!

— Чего ужъ хуже...

Я хотѣлъ телеграфировать о бѣгствѣ знаменитаго инженера Хо...

— Нѣтъ, пельзя!.. Какъ можно, помилуйте! Замахали на меня руками.

— Почему же?

— Какъ же... Наши жапдармы теперь производятъ розыски и, навѣрное, его поймаютъ.

Я засмѣялся.

— Это они судятъ по-нашему, по-русски. Гдѣ же поймать Хо въ Китаѣ или Япоціи...

— И потомъ объ этомъ изъ вашей телеграммы узнаютъ... японцы!

Тутъ уже я откровенно расхохотался въ лицо полковнику, милому и обязательному, но страшно увлеченному тайной, которая должна окружать для русскихъ все, отлично извѣстное... японцамъ!

— Чего вы? Телеграммы ваши переводятся... Того сейчасъ же прочтеть.

— Да и отнесеть самолично эту депешу инженеру Хо, прибавивъ: „Посмотрите, наконецъ, и русскіе узнали о томъ, что вы благополучно сидите у насъ“...

— Въ корреспонденціяхъ я вамъ разрѣшаю, но въ телеграммѣ—нѣтъ...

Такъ я во-время и не могъ передать извѣстіе, которое, впрочемъ, на другой же день явилось при помощи телеграфѣ въ... шанхайскихъ газетахъ.

СХІ.

Ислѣдовали мы горизонтъ во всѣхъ направленіяхъ и въ цейсовскіе бинокли и въ подзорныя трубы. На Сигнальной горѣ тоже. Съ Электрической батареи дали знать: ничего не видно. Безконечная синь морская и на ней только неугомонныя чайки. Ни одной заблудящей миноноски ни неуклюжей джонки.. Тихо, мирно, пустынно... Солнце жжетъ. Весь Квантунъ млѣтъ теперь въ невыносимомъ зноѣ...

— Сегодня ничего не будетъ, — авторитетно говоритъ молодой морякъ.

— Японцы дали намъ отдыхъ.

Я по телефону заказалъ себѣ извозчика... То-то отдохну въ свѣтлой и просторной комнатѣ своего отеля. Вы не можете себѣ представить, что это за наслажденіе во время войны попасть въ такую, да еще съ хорошею постелью, да еще съ отвореннымъ настежь балкономъ, въ который струится свѣжій великолѣпный морской воздухъ! Намученный въ палаткахъ, въ грязныхъ углахъ на скомканныхъ тряпкахъ или въ дождь подъ буркой, — поневолѣ чувствуешь себя калифомъ багдадскимъ, среди прими-

тивной роскоши (помилуйте, — умывальникъ, зеркало!) окраинной гостиницы! Извозчикъ не заставилъ себя долго ждать. Я поѣхалъ внизъ въ пыльныя улицы, въ духоту и вонь стараго города. Попутно поднялся въ тихую и мирную кумирню съ размалеванными богами и богинями, выпилъ чашку чаю у главнаго ламы, который увѣрялъ меня, что онъ любитъ Россію больше Китая и что японцы—тфу! И при этомъ на лицѣ изображалъ такое, точно онъ проглотилъ нѣчто необыкновенно противное.. Дальше заглянулъ въ книжный магазинъ,—надо же было хоть на столликъ имѣть какую-нибудь книгу, и нашелъ, что онѣ здѣсь за время войны совсѣмъ зачахли. Какія-то чахоточныя дѣвицы, да и только. Наконецъ, миновалъ пустыри, отдѣляющіе нашъ новый городъ отъ стараго, припалъ великолѣпную ванну изъ желтой пыли, засыпалъ себѣ глаза, ротъ и уши пескомъ, нанюхался мертвечины въ окрестностяхъ артезіанскаго колодца съ рекомендуемой водой, „извѣстной своей чистотой и здоровымъ вкусомъ“, и съ величайшимъ удовольствіемъ вымылся у себя дома, открылъ окна, балконъ и сталъ наслаждаться покоемъ, воздухомъ, просторомъ... „Россія“ стоитъ на высотѣ, — она построена на камнѣ, пыль сюда не достигаетъ. Кругомъ лазурь и ясность. Какая-то птица что-то радостное пропищала мнѣ въ окно. Кто-то на террасѣ внизу рассказываетъ о неизбежномъ инженерѣ Хо. Вотъ солдаты идутъ въ казармы и поютъ. Вслушиваюсь: Господи, да вѣдь это наша старая-старая. Откуда она залетѣла сюда? Съ лѣсистыхъ вершинъ далекихъ Балканъ на голые и безжизненные склоны желтыхъ китайскихъ горъ.

Поднялися очень рано
Драгомирова полки,
Раскатали Сулеймана...

Да, это она именно, милая и забытая, которую когда-то я слышалъ на св. Николаѣ, и въ Райской долинѣ, и на Зеленомъ древѣ, и въ идилическихъ садахъ Казанлыка, одурявшихъ запахомъ розъ... И невольно начали сами собою напрашиваться сравненія, складываться параллели.

Я помнилъ хорошо прежняго солдата. Нынѣшній далеко пошелъ впередъ. Онъ грамотнѣе, сознательнѣе. Въ немъ больше достоинства, а теперь, когда уже извѣстны всѣ детали тюренченскаго боя, нѣтъ сомнѣнiя, что и въ стойкости и храбрости онъ не уступитъ ни старому шипкинцу Радецкаго ни старому скобелевскому плевенцу. Мы за двадцать семь лѣтъ кое-что сдѣлали. И молодой офицеръ лучше или тотъ же, только и онъ, во всякомъ случаѣ, не пошелъ назадъ... Тѣ же скромные святые герои, не дѣлающіе изъ своего подвига позы, не театральничающіе, не претендующіе на реляцію или на монументъ... И сестры— пожалуй, эти еще дѣловитѣе, подготовленнѣе, серьезнѣе, а умирать отъ тифа будутъ какъ и тѣ... Прежде онѣ шли безъ подготовки, пріучались на самомъ дѣлѣ; теперь любая, на первыхъ порахъ, замѣнитъ врача, которому часто не разорваться!

